

ТЭД УИЛЬЯМС

БАШНЯ ЗЕЛЕНОГО АНГЕЛА

ТОМ 2

ПАМЯТЬ,
СКОРБЬ
И ШИП
КНИГА ТРЕТЬЯ

fanzon

Остен Ард

Тэд Уильямс

Башня Зеленого Ангела. Том 2

«ЭКСМО»

1994

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уильямс Т.

Башня Зеленого Ангела. Том 2 / Т. Уильямс — «Эксмо»,
1994 — (Остен Ард)

ISBN 978-5-04-190777-8

Финалист премии «Локус». Светлый Ард все больше погружается во тьму, а сила Короля Бури растет. Принц Джошуа пытается сплотить силы своих союзников у легендарной Скалы Прощания. Саймон же вместе с оставшимися в живых членами Ордена Манускрипта ищет способ узнать тайну пророчества, которая, в конечном итоге, даст им шанс в сражении с непобедимым Королем Бурь Инелуки. Принц Джошуа и союзники продолжают поиски великих мечей, чтобы дать отпор вероломному священнику Прайрату и королю Элиасу. Мириамель сбегает от дяди, в надежде убедить отца прекратить войну. Им предстоят встречи с врагами и старым другом, раскрытие древних секретов города ситхи, погребенного под Хейхолтом, предательства, разлука и потери, закаляющие характер. Приближается последний бой между Светом и Тьмой... Второй том романа «Башня Зеленого Ангела» и завершение трилогии. «Те читатели, которым нравится теряться в многогранных историях эпического фэнтези, почувствуют себя в своей стихии». – Locus «Грандиозная фантазия, по масштабам ближе всего к "Властелину колец" Толкина». – Cincinnati Post «Один из самых моих любимых фэнтези-циклов, вдохновивший меня на собственный сериал». – Джордж Мартин, автор «Игры Престолов» «Новаторский подход... меняющий представление о жанре и открывающий путь множеству новых книг в жанре фэнтези. Включая мои». – Патрик Ротфусс, автор «Имени ветра» «"Память, Скорбь и Шип" – один из величайших фэнтезийных эпосов всех времён». – Кристофер Паолини, автор бестселлера «Эрагон»

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-190777-8

© Уильямс Т., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

Часть третья. Колесо поворачивается	7
27. Слезы и дым	7
28. Призрачная луна	21
29. Окна, подобные глазам	31
30. Тысяча листьев, тысяча теней	44
31. Огненный танец	57
32. Круг сужается	71
33. Белое дерево, черные плоды	84
34. Признание	100
35. Третий Дом	113
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Тэд Уильямс

Башня Зеленого Ангела. Том 2

Tad Williams

TO GREEN ANGEL TOWER

Book Three of Memory, Sorrow and Thorn

Copyright © 1993 Tad Williams by arrangement with DAW Books, Inc.

Fanzon Publishers

An imprint of Eksmo Publishing House

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть третья. Колесо поворачивается

27. Слезы и дым

На Тиамака давило отсутствие деревьев в землях Высоких тритингов. Да, Кванитупул также производил странное впечатление, но он с самого детства там бывал, и обветшалые здания и многочисленные каналы немного напоминали ему о доме в болотах. Даже в Пердруине, где он провел одинокое время в ссылке, было множество стоявших близко друг к другу домов, бесконечных узких переулков и темных тайных мест, а над городом висел соленый запах моря – в результате Тиамак мог там жить, не испытывая ностальгии. Но здесь, среди лугов, он ощущал себя уязвимым и совершенно чужим. Крайне неприятные чувства.

Те, Что Наблюдают и Творят, уготовили для меня диковинную жизнь, – часто думал он. – *Мне выпала самая необычная судьба из всех моих соплеменников, если не считать Нюбдига, женившегося на Огненной сестре.*

Иногда он находил утешение в этой мысли. В конце концов, быть избранным для участия в столь удивительных событиях являлось в некотором смысле компенсацией за годы непонимания со стороны его собственного народа и обитателей Пердруина. Конечно, его не *понимали* – он был особенным: кто еще из враннов способен говорить и писать на языке обитателей материка? Но в последнее время, когда Тиамак находился в окружении жителей других земель, не зная, что случилось с его собственным народом, он страдал от одиночества. В такие моменты, встревоженный северной пустотой, что окружала его со всех сторон, Тиамак подходил к реке, протекавшей через лагерь, и слушал так хорошо знакомые ему успокаивающие звуки мира воды.

Как раз этим он и занимался некоторое время, сидел, болтая смуглыми ногами в воде Стеффлода, несмотря на холод и пронизывающий ветер. Настроение у него улучшилось, и теперь он возвращался в лагерь. Вдруг мимо него промчался кто-то странный – он бежал, не обращая внимания на разметавшиеся на ветру белые волосы, причем непонятное существо двигалось гораздо быстрее обычного человека. Тиамак не успел оторвать от него взгляда, как в воздухе пронеслась большая птица – она летела низко, словно преследовала первого.

Очень скоро оба исчезли из вида на холме, где располагался лагерь принца. Ошеломленный Тиамак немного постоял, но быстро сообразил, кто бежал первым.

Женищина-ситхи! – подумал он. – *За которой гнался ястреб или сова?*

Это не имело смысла, однако она – ее звали Адиту – также казалась Тиамаку необъяснимой. Ничего подобного он прежде не видел, и она немного его пугала. Но кто мог ее преследовать? Судя по выражению лица ситхи, нечто ужасное.

Или она мчалась в сторону чего-то ужасного, сообразил он и почувствовал, как все у него внутри сжалось. Она спешила в сторону лагеря.

Тот, Кто Всегда Ступает по Песку, – начал молиться Тиамак, который тоже помчался к лагерю, – *сохрани меня, сохрани всех от зла.* – Теперь сердце у него билось очень быстро, опережая бегущие ноги. – *Какой злоеущий год!*

В первый момент, когда он оказался у границы огромного палаточного лагеря, Тиамак успокоился. Никакого шума, еще не все костры погасли. Но тут он понял, что в лагере *слишком тихо*. Полночь еще не наступила, и наверняка далеко не все отправились спать – кто-то должен был шуметь. Что же случилось?

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем он снова разглядел птицу и теперь уже не сомневался, что это сова, – и, чувствуя, что задыхается, поспешил туда, где видел ее в

последний раз. Бежать с больной ногой было трудно, и вскоре она начала отчаянно ныть, но Тиамак постарался не обращать на нее внимания.

Тихо, тихо, как в застойном пруду. Палатки стояли темные и безжизненные, точно камни, которые обитатели материка укладывали на могилы умерших.

Вон там! Тиамак снова почувствовал, как внутри у него все сжалось. Одна из стоявших неподалеку палаток задрожала, словно под порывами ветра, и горевший внутри свет принялся отбрасывать на стены тени, казавшиеся живыми.

Одновременно Тиамак почувствовал неприятные ощущения в ноздрях, жжение и сладкий мускусный запах. Он конвульсивно чихнул и едва не упал, но сумел удержать равновесие и заковылял к палатке, в которой пульсировал свет и мелькали тени, словно внутри рождалось чудовище. Он попытался закричать, чтобы предупредить людей об опасности – на него навалился почти непереносимый ужас, – однако не смог произнести ни звука. Даже хриплое дыхание стало тихим и слабым.

А в палатке странным образом царила тишина. Отбросив страх, Тиамак сдвинул в сторону клапан. Сначала он увидел лишь темные фигуры и яркий свет, словно на стене палатки шло представление театра теней. Но через несколько мгновений начал что-то различать.

В дальнем конце палатки стоял Камарис. Казалось, он получил ранение – по волосам и щеке текла кровь, и он покачивался, словно одурманенный. И все же, даже несмотря на то, что он сгорбился и прислонился к тряпичной стене, чтобы не упасть, он внушал страх, точно медведь, окруженный собаками. У него не было меча, и он размахивал зажатой в руке обгоревшей деревянной палкой, не подпуская к себе атаковавшего его врага – непонятную черную фигуру с белыми руками, в одной из которых что-то блестело.

У ног Камариса извивалось и пыталось лягаться нечто уже совсем непонятное, хотя Тиамак показалось, что он сумел разглядеть конечности, затянутые в черное, и бледный нимб волос Адиту. Третье, также одетое в черное существо находилось в углу и отбивалось от крылатой тени.

Объятый ужасом Тиамак попытался позвать на помощь, но не смог издать ни звука. Несмотря на то что схватка шла не на жизнь, а на смерть, в палатке царила тишина, если не считать приглушенных звуков, которые издавали противники на полу, и шороха хлопавших крыльев.

Почему я ничего не слышу? – подумал Тиамак. – И почему не могу произнести ни звука?

Он стал искать на полу хоть что-нибудь, напоминавшее оружие, проклиная себя за то, что легкомысленно оставил нож в палатке, которую делил с отцом Стрэнгъярдом. Он был без ножа, без камней для пращи и дротиков! Та, Что Заберет Нас Всех, сегодня наверняка споет его песню.

Казалось, что-то огромное и мягкое ударило его по голове, и Тиамак упал на колени, а когда поднял глаза – увидел, что схватки продолжаются, но ни одна из них не шла рядом с ним. Сладкий запах стал сильнее, голова у него пульсировала от боли даже больше, чем нога, и отчаянно кружилась, но он пополз вперед, и его рука нащупала нечто твердое – рыцарский меч, черный Шип, все еще в ножнах. Тиамак знал, что ему не поднять клинок, но вытащил его из-под постели и встал, с трудом сохраняя равновесие, как Камарис. Что было в воздухе?

Однако меч неожиданно оказался легким, несмотря на тяжелые ножны и ремень. Тиамак поднял его высоко вверх, сделал несколько шагов вперед и изо всех сил ударил по тому месту, где, как ему казалось, находилась голова противника Камариса. Удар отозвался болью в руках Тиамака, но враг не упал. Более того, медленно повернул голову, и два глаза, наполненных тьмой, посмотрели с мертвенно-бледного лица на вранна. Горло Тиамака конвульсивно сжалось. Даже если бы он не лишился голоса раньше, сейчас он не сумел бы произнести ни звука. Он поднял дрожавшие руки, приготовившись нанести новый удар, но белая рука суще-

ства метнулась к нему и отбросила назад. Все вокруг завертелось, меч выскользнул из онемевших пальцев и упал на траву.

Голова Тиамака стала тяжелой, как камень, но он не чувствовал боли от удара, лишь понимал, что разум его покидает. Вранн попытался снова встать, но сумел лишь подняться на колени. Он дрожал, как больной пес.

Тиамак лишился дара речи, но все еще видел, что происходило вокруг. Камарис качался и тряс головой – очевидно, испытывая такие же ощущения, что и Тиамак. Старик защищался, одновременно пытаясь что-то поднять. Меч, вдруг сообразил вранн, черный меч. Но Камарису мешали Адиту и ее противник, которые катались по земле, пока старый рыцарь отбивался от врага палкой из костра.

В другом углу что-то сверкнуло в руке одного из темных существ – нечто красное, точно полумесяц огня. Алое сияние переместилось с быстротой атакующей змеи, крошечное темное облако взорвалось и стало медленно, как снежинка, опускаться на землю. Это было перо. Перо совы.

Помогите. – Тиамаку казалось, его череп сейчас расколется. – *Нам нужна помощь. Мы умрем, если никто не придет нам помочь.*

Камарис наконец сумел наклониться и поднять меч, едва не упал, но в последний момент принял на клинок удар врага. Они начали кружить, Камарис спотыкался, но его одетый в темное противник двигался с осторожным изяществом. Они снова сошлись, одной рукой старый рыцарь отбил удар кинжалом, но лезвие оставило кровавый след. Камарис неуклюже отступил, пытаясь выгадать пространство для удара мечом. Его глаза оставались наполовину закрытыми – то ли от боли, то ли усталости.

Он ранен, – в отчаянии подумал Тиамак. Пульсировавшая боль в голове усилилась. – *Возможно, он умирает. Почему никто не идет к нам на помощь?*

Вранн подобрался к жаровне с углями – единственному источнику света в палатке. Его тускневшие чувства то вспыхивали, то гасли, точно фонари на улицах Кванитупула на рассвете. В голове осталась лишь одна смутная мысль, но ее оказалось достаточно, чтобы он протянул руку в сторону железной жаровни. Когда он почувствовал – смутно, как далекое эхо, – жар на своих пальцах, Тиамак толкнул жаровню. Она перевернулась, и угли разлетелись во все стороны, подобно водопаду рубинов.

Когда Тиамак, задыхаясь, упал, он еще успел увидеть свою почерневшую от сажи руку, сжавшуюся в кулак, точно паук, а за ней – крошечное пламя, лизавшее ткань палатки.

* * *

– Нам больше не нужны проклятые вопросы, – проворчал Изгримнур. – Их хватит на три наших жизни. Нам необходимы ответы.

Бинабик сделал смущенный жест.

– Я согласен с вами, герцог Изгримнур. Но ответы не похожи на овец, которые приходят по вашему зову.

Джошуа вздохнул и прислонился к стене шатра Изгримнура. Снаружи взревел и застонал ветер в дрожащих веревках, которые удерживали шатер.

– Я знаю, как все сложно, Бинабик. Но Изгримнур прав – нам необходимы ответы. То, что ты рассказал нам о Звезде Завоевателя, лишь усилило наши сомнения. Нам необходимо узнать, как использовать три Великих мечей. А звезда говорит – если ты прав, – что времени осталось совсем мало.

– Именно на это мы обращали наше внимание, принц Джошуа, – сказал тролль. – И мы думаем, что скоро нам удастся кое-что узнать – Стрэнгъярд нашел нечто очень важное.

– И что? – спросил Джошуа, наклонившись вперед. – Нам пригодится все, буквально все.

Отец Стрэнгъярд, сидевший молча, заерзал.

– У меня нет такой уверенности, как у Бинабика, ваше высочество, я не знаю, насколько это окажется полезным. Первую часть я обнаружил некоторое время назад, когда мы еще только двигались к Сесуад’ре.

– Стрэнгъярд нашел важный для нас отрывок в книге Моргенеса, – пришел к нему на помощь Бинабик, – в котором говорилось о Трех мечах.

– И? – Пальцы Изgrimнура забарабанили по испачканному в грязи колену. Днем он потратил немало времени, укрепляя опоры шатра в вязкой сырой земле.

– Как нам кажется, Моргенес предположил, – проговорил священник, – что Три меча делает особенными, более того, *могущественными*, то, что они выкованы не в Светлом Арде. Каждый из них в некотором смысле противоречит законам Бога и природы.

– Я не понимаю. – Принц слушал очень внимательно.

Изgrimнур с некоторой грустью отметил, что подобные исследования интересовали Джошуа гораздо больше, чем цены на зерно, налоги и законы землевладения.

– Джелой сможет объяснить лучше, чем я, – с сомнением ответил Стрэнгъярд. – Она знает больше о подобных вещах.

– Она уже должна быть здесь, – заметил Бинабик. – Я не знаю, стоит ли нам ее ждать.

– Расскажите, что можете, – попросил Джошуа, – у нас был долгий день, и я устал. Кроме того, моя жена плохо себя чувствует, и я хочу находиться рядом с ней.

– Конечно, принц Джошуа. Я сожалею, конечно. – Стрэнгъярд собрался с мыслями. – Моргенес пишет, что в каждом мече есть нечто, не имеющее отношения к Светлому Арду и нашей земле. Шип выкован из камня, упавшего с неба. Сияющий Коготь, который прежде носил имя Миннеяр, – из железного кия корабля Элврита, приплывшего из-за моря с запада. Эти земли наши корабли больше не могут отыскать. – Он откашлялся. – Скорбь сделан одновременно из железа и ведьминоного дерева ситхи – двух несовместимых вещей. Само ведьмино дерево, как сказала Адиту, удалось вырастить из семян, привезенных ее народом из места, носившего название Сад. Ни один из мечей не должен существовать, ни один не может быть хорошим оружием... ну, за исключением чистого железа из кия корабля Элврита.

– Ну, и как были выкованы мечи? – спросил Джошуа. – Вы ищете ответ именно на этот вопрос?

– Моргенес упомянул еще кое-что, – продолжал Бинабик. – И об этом говорится в рукописи Укекука. Слово Созидания – волшебное заклинание, как называли бы его мы, хотя те, кто владеет Искусством, не употребляют подобные слова.

– Слово Созидания? – Изgrimнур нахмурился. – Просто слово?

– Да... и нет, – с несчастным видом ответил Стрэнгъярд. – На самом деле мы не уверены. Миннеяр, насколько нам известно, творение дварров – *двернинггов*, как вы их называете на вашем языке, герцог Изgrimнур – Скорбь выковал Инелуки в кузницах дварров под Асу’а. Только они обладали знаниями, необходимыми для того, чтобы сделать столь могучее оружие, но эти знания стали доступны Инелуки. Возможно, Шип также имеет непосредственное отношение к дваррам, или кто-то использовал их умения. В любом случае весьма возможно, если мы сможем выяснить, как появились Три меча и каким образом удалось наделить их особой силой, они помогут нам в борьбе с Королем Бурь.

– Я сожалею, что не расспросил графа Эoleyра, пока он был здесь, – нахмурившись, сказал Джошуа. – Он встречался с дваррами.

– Да, они рассказали ему свою часть истории Сияющего Когтя, – добавил отец Стрэнгъярд. – Впрочем, нельзя исключать, что их участие не имеет для нас существенного значения, а важен лишь факт их существования. И все же, если у нас появится какой-то шанс в будущем связаться с дваррами и они захотят с нами говорить, я бы задал им много вопросов.

Джошуа задумчиво посмотрел на архивариуса.

– Да, такая работа вам подходит, Стрэнгъярд. Я всегда считал, что вы напрасно тратите свое время, изучая пыльные книги по церковному праву.

Священник покраснел.

– Благодарю вас, принц Джошуа. Если я чего-то и добился, то только благодаря вашей доброте.

Принц небрежно махнул рукой, отмахиваясь от комплимента.

– Тем не менее, несмотря на то что выяснили вы с Бинабиком и Джелой, нам предстоит еще много сделать. Мы все еще в открытом море и мечтаем увидеть землю... – Он замолчал. – Что за шум?

Изгримнур также обратил внимание на то, что странный шорох стал перекрывать вой ветра.

– Похоже на спор, – сказал герцог и немного помолчал, прислушиваясь. – Нет, не так, слишком много голосов. – Изгримнур встал. – Клянусь молотом Дрора, надеюсь, это не начало восстания. – Он потянулся к Квалниру, и его тяжесть успокоила герцога. – А я надеялся на спокойный завтрашний день перед тем, как мы двинемся дальше.

Джошуа вскочил на ноги.

– Тогда не будем сидеть и пытаться понять, что происходит.

Как только Изгримнур вышел из шатра, его взгляд сразу обратился в сторону огня.

– Пожар! – крикнул он, когда остальные выбежали вслед за ним. – Один шатер пылает, но складывается впечатление, что начинают гореть и другие палатки.

Люди метались между палатками, кричали и яростно жестикулировали. Мужчины надевали пояса с мечами и громко ругались. Матери хватали детей, заворачивали их в одеяла и выбегали наружу. Все проходы между палатками были забиты испуганными людьми. Изгримнур заметил упавшую на колени пожилую женщину, которая плакала, хотя она находилась всего в нескольких шагах от него и довольно далеко от огня.

– Да спасет нас Эйдон! – вскричал Джошуа. – Бинабик, Стрэнгъярд! Зовите людей с ведрами и мехами с водой, направьте запаниковавших людей к реке – нам нужна вода! А еще лучше возьмите промасленные палатки и посмотрите, сколько воды можно в них принести! – Он побежал в сторону пожара; Изгримнур поспешил за ним.

Пламя уже поднялось высоко в ночное небо, раскрасив небо в жуткий оранжевый цвет. Когда Изгримнур и Джошуа подбежали к горевшей палатке, огненные искры, наполнявшие воздух, набросились на бороду Изгримнура, и он принялся с проклятиями их сбивать.

* * *

Тиамак пришел в себя, его тут же вырвало, и он попытался восстановить дыхание. В голове у него звенело, точно проснулся церковный колокол Пердруина.

Вокруг пылал огонь, обжигая кожу, высасывая воздух. Охваченный паникой, Тиамак пополз по тлевшей траве к выходу из палатки, к прохладной темноте, но тут его лицо коснулось скользкой черной ткани. Несколько мгновений он с ней боролся, удивляясь странному сопротивлению, затем ткань исчезла, и он увидел бледное лицо в черном капюшоне. Глаза были обращены вверх, на губах пузырилась кровь. Тиамак попытался закричать, но его рот был полон обжигающего дыма и собственной горькой рвоты. Задышавшись, он откатился в сторону.

Внезапно что-то сжало его руку, кто-то сильно потянул его вперед, протаскивал по бледно-кожему труп и сквозь стену пламени. Тиамаку показалось, что он умер. Затем на него что-то набросили, и та же сила, которая вызволила его из палатки, увлекла дальше – и он оказался на влажной траве. Ревущее пламя устремлялось в небо, но он лежал в стороне от него. Он был в безопасности!

– Вранн жив, – сказал кто-то рядом, и Тиамаку показалось, что он узнал мелодичный голос ситхи, но заметно изменившийся от тревоги. – Его вытащил Камарис. Я просто не понимаю, как рыцарь сумел не заснуть после того, как его отравили, однако ему удалось убить двух хикедая.

Ответа Тиамак не разобрал.

Несколько долгих мгновений он просто втягивал прохладный воздух в горевшие легкие, потом перекатился на живот. Адиту стояла в нескольких шагах от него, ее белые волосы почернели, золотое лицо покрылось грязью. У ее ног лежала Джелой, частично завернутая в плащ, но она явно была обнаженной под ним, мускулистые ноги покрывала роса или пот. На глазах у Тиамака она попыталась встать.

– Нет, тебе лучше этого не делать, – сказала ей Адиту, отступая на шаг. – Клянусь Рощей, Джелой, ты ранена.

Джелой с трудом подняла голову.

– Нет, – сказала она. Тиамак едва слышал ее хриплый шепот. – Я умираю.

Адиту наклонилась и протянула к ней руки.

– Позволь я тебе помогу...

– Нет! – голос Джелой стал немного сильнее. – Нет, Адиту, слишком поздно. Я получила с дюжину ударов клинком. – Она закашлялась, тонкая струйка темной жидкости потекла по ее подбородку, поблескивая в свете горевших палаток, и Тиамак не смог отвести от нее взгляда. Но тут он увидел ноги Камариса, неподвижно лежавшего на траве. – Я должна уйти. – Джелой попыталась подняться, но не смогла.

– Возможно, я... – начала Адиту.

Джелой слабо засмеялась, снова закашлялась и выплюнула сгусток крови.

– Ты думаешь, я... не... знаю... – сказала она. – Я была целительницей... очень долго. – Она протянула дрожавшую руку. – Помоги мне. Помоги встать.

На лице Адиту промелькнуло удивление, как у простого смертного, но потом она стала серьезной, взяла протянутую руку Джелой, наклонилась вперед и мягко ухватила за вторую руку. Мудрая женщина медленно поднялась, она едва стояла на ногах, но Адиту ее поддержала.

– Я должна... уйти. Я не хочу умереть здесь. – Джелой оттолкнула Адиту и сделала несколько неуверенных шагов. Плащ упал на землю, и Тиамак увидел, что ее тело покрыто потом и кровью. – Я вернусь в свой лес. Позволь мне уйти, пока у меня еще есть силы.

После коротких колебаний Адиту отступила в сторону и опустила голову.

– Как пожелаешь, валада Джелой. Прощай, подруга Руяана. Прощай... мой друг. *Синья'а дан'с ха э-д'трейса инро.*

Отчаянно дрожавшая Джелой подняла руки и сделала еще один шаг. Казалось, жар от огня стал сильнее – во всяком случае, так показалось Тиамаку – и Джелой начала мерцать. Очертания ее тела стали размытыми, а потом там, где она стояла, появилась темная тень или облако дыма. Казалось, ночь метнулась к ним, словно в поле зрения вранна исчез кусок пространства, но уже в следующее мгновение снова обрела целостность. Сова сделала небольшой круг над тем местом, где только что находилась Джелой, и улетела, почти касаясь травы. Ее движения были медленными и неуверенными, несколько раз птица едва не упала, но не сдавалась до тех пор, пока ее не поглотило ночное небо.

В голове у Тиамака все еще царил хаос, и он прикрыл глаза. Он не очень понимал, что видел, но знал: произошло нечто ужасное. Огромная печаль находилась где-то совсем рядом. И ему совсем не хотелось, чтобы она оказалась еще ближе.

Негромкие голоса вдалеке вдруг стали ближе – и теперь Тиамак уже слышал встревоженные крики. Мимо него промелькнули ноги, и ночь наполнилась движением. Послышалось шипение пара, кто-то выплеснул ведро воды на пылавшую палатку Камариса.

Через несколько минут он почувствовал сильные руки Адиту.

– Тебя затопчут, отважный болотный человек, – сказала она ему на ухо и оттащила подальше от огня, в прохладную темноту, к палаткам, которые огонь не затронул.

Она оставила его одного, но почти сразу вернулась, держа в руках мех с водой. Ситхи поднесла его к потрескавшимся губам вранна, и он, как только понял, что это вода, стал с жадностью пить.

Потом над ним возникла огромная тень, и рядом на землю опустился Камарис. Его седые волосы, как и у Адиту, обгорели и почернели. С испачканного пеплом лица на Тиамака смотрели печальные глаза. Тиамак протянул ему мех с водой и подтолкнул старого рыцаря, чтобы тот начал пить.

– Да проявит Господь милосердие ко всем нам... – хрипло сказал Камарис.

Он с изумлением смотрел на распространявшийся огонь и кричавших людей, которые пытались бороться с пожаром.

Адиту вернулась и села рядом с ними. Когда Камарис протянул ей мех с водой, она взяла его, сделала один глоток и вернула рыцарю.

– Джелой?... – спросил Тиамак.

Адиту покачала головой.

– Она умирает. Джелой ушла.

– Кто... – Ему все еще было трудно говорить. И на самом деле он не хотел ничего знать, но неожиданно почувствовал: ему необходимо понять, что нарушило равновесие мира и послужило причиной ужасных событий. И еще он нуждался, чтобы что-то – слова, все что угодно – заполнило возникшую у него внутри пустоту. – Кто это был?..

– Хикедая, – ответила Адиту, смотревшая на попытки людей погасить огонь. – Норны. Сегодня до нас дотянулась длинная рука Утук'ку.

– Я... я пытался... позвать на помощь. Но не смог...

Адиту кивнула.

– Кей-вишаа. Это нечто вроде яда, который разносит ветер. На некоторое время он убивает голос, а также вызывает сон. – Она посмотрела на Камариса, который, закинув голову назад и прикрыв глаза, прислонился спиной к палатке, укрывавшей их от ветра. – Я не представляю, как он мог так долго сопротивляться воздействию кей-вишаа. Если бы не это, мы бы опоздали. И жертва Джелой оказалась бы напрасной. – Она повернулась к вранну. – Как и ты, Тиамак. Все было бы иначе без твоей помощи: ты нашел меч Камариса. Кроме того, огонь их пугает. Они знали, что у них мало времени, и утратили осторожность. В противном случае мы бы все там остались. – Она показала на сгоревшую палатку.

Жертва Джелой. Тиамак почувствовал, как его глаза наполняются обжигающими слезами.

Та, Что Заберет Нас Всех, – отчаянно молился он, – не позволяй ей уйти бесследно!

Тиамак закрыл лицо руками, он больше не хотел думать.

* * *

Джошуа бежал быстрее Изгримнура, и, когда тот, наконец, его догнал, принц остановился, чтобы убедиться, что с огнем уже почти справились. Исходное пламя распространилось совсем немного, загорелось лишь около полудюжины палаток, и почти все, кроме тех, кто находился в первой, спаслись. Одним из них был Санфугол. Он стоял, одетый лишь в длинную рубашку, и с тоской смотрел на происходящее.

Убедившись, что все необходимое сделано, Изгримнур вместе с Джошуа подошел к Камарису и двум другим уцелевшим – женщине ситхи и маленькому Тиамаку, которые отдыхали рядом. Все они были в крови и саже, но Изгримнур почти сразу понял, что никто не получил серьезных ранений.

– Слава милосердному Эйдоу, что вы живы, сэр Камарис, – сказал Джошуа, опускаясь на колени рядом со старым рыцарем. – Я не зря опасался, что загорелась ваша палатка. – Он повернулся к Адиту, которая полностью пришла в себя, чего никак нельзя было сказать про Камариса и болотного человека. – Кого мы потеряли? Мне сказали, что в палатке остались тела.

Адиту подняла голову.

– Джелой, – сказала ситхи. – Она получила смертельные ранения.

– Проклятье! – дрогнувшим голосом воскликнул Джошуа. – Ненавистный день! – Он вырвал пучок травы и отбросил его в сторону. Ему пришлось приложить заметные усилия, чтобы успокоиться. – Она внутри? А кто остальные?

– Джелой там нет, – ответила Адиту. – В палатке тела трех норнов. Джелой ушла в лес.

– Что? – ошеломленно воскликнул Джошуа. – Что значит ушла в лес? Вы сказали, что она мертва.

– Она умирает. – Адиту развела пальцы в стороны. – Она не хотела, чтобы мы стали свидетелями последних мгновений ее жизни, так мне кажется. Она была странной, Джошуа. Еще более странной, чем вы думаете. Джелой ушла.

– Ушла?

Ситхи медленно кивнула.

– Ушла.

Принц сотворил знак Деревя и склонил голову. Когда он снова ее поднял, по его щекам бежали слезы; Изгримнур решил, что причиной тому был вовсе не дым. Он и сам почувствовал, как над ним пронеслась тень, когда подумал о гибели Джелой. Сейчас не время для скорби, слишком много всего предстояло сделать, но по опыту прошлых сражений герцог знал, что боль утраты придет позже.

– Нас атаковали в самое сердце, – с горечью сказал принц. – Как они смогли пройти мимо часовых?

– Тот, с кем я сражалась, был мокрым, – сказала Адиту. – Возможно, они приплыли по реке.

Джошуа выругался.

– Мы проявили опасное легкомыслие, и вина лежит прежде всего на мне. Мне казалось странным, что мы так долго избегали внимания норнов, но предосторожностей оказалось недостаточно. Возможно, врагов было больше трех?

– Я думаю, нас атаковали только трое, – ответила Адиту. – Их могло оказаться более чем достаточно. Но нам повезло. Если бы Джелой и я не почувствовали, что произошло нечто странное, если бы Тиамак каким-то образом не понял, что нужна его помощь, и не появился так вовремя, эта история имела бы совсем другой конец. Я думаю, они хотели убить Камариса или захватить в плен.

– Но зачем? – Джошуа посмотрел на старого рыцаря, а потом перевел взгляд на Адиту.

– Я не знаю. Но давайте отнесем его и Тиамак в какое-нибудь теплое место, принц Джошуа. Камарис получил по меньшей мере одно ранение, а Тиамак – ожоги.

– Клянусь Эйдоном, вы правы, – сказал Джошуа. – Я не подумал. Один момент. – Он повернулся и подозвал нескольких солдат, а потом отправил небольшой отряд проверить лагерь. – Мы не можем быть уверены, что здесь больше нет норнов или других врагов, – продолжал принц. – Возможно, нам удастся выяснить, как они проникли в лагерь и почему их никто не видел.

– Смертным трудно заметить Садорожденных – в особенности если они этого не хотят, – сказала Адиту. – Мы уже можем унести Камариса и Тиамак?

– Конечно. – Джошуа подозвал двух солдат с ведрами. – Идите сюда! Нам требуется помощь. – Он повернулся к Изгримнуру: – Я думаю, четверых будет достаточно, чтобы отне-

сти обоих, хотя Камарис весит немало. – Он покачал головой. – Адиту права, мы заставили слишком долго ждать двух отважных людей.

Герцог и раньше бывал в таких ситуациях и знал, что излишняя спешка может быть не менее вредной, чем медлительность.

– Я думаю, нам нужно найти что-то вроде носилок, – предложил Изгримнур. – Можно использовать уцелевшие палатки.

– Хорошо, – сказал Джошуа. – Адиту, я не спросил у вас, нужно ли перевязать ваши раны?

– Ничего такого, с чем я не справлюсь сама, принц Джошуа. Когда о Камарисе и Тиамке позаботятся, мы должны собрать всех, кому доверяем, чтобы обсудить наше положение.

– Я согласен. Нам требуется о многом поговорить. Через час встречаемся в шатре Изгримнура. Ты согласен, Изгримнур? – Принц обернулся и снова посмотрел на Адиту. – Я хотел позвать Джелой, чтобы она ими занялась, но потом вспомнил. – Черты его лица заострились. – Потом вспомнил...

Адиту сделала необычный жест, соединив пальцы одной руки с пальцами другой.

– Я думаю, мы еще много раз пожалеем о ее отсутствии.

* * *

– Это Джошуа, – сказал принц, остановившись перед шатром. Когда он вошел, Гутрун все еще держала перед собой нож. Герцогиня выглядела воинственно, как барсук, которого пытаются выгнать из норы, приготовившись защищать себя и Воршеву от любых опасностей. Увидев Джошуа, Гутрун с облегчением опустила кинжал, но тревога у нее на лице никуда не делась.

– Что случилось? Мы слышали крики. Мой муж с вами?

– Он в порядке, Гутрун. – Джошуа подошел к постели, наклонился и быстро обнял Воршеву, затем поцеловал ее в лоб и отпустил. – На нас напали приспешники Короля Бурь. Мы потеряли только одного человека – но это очень серьезная утрата.

– Кто? – Воршева схватила его за руку, когда он попытался выпрямиться.

– Джелой.

Воршева вскрикнула, и ее лицо исказилось от горя.

– Три норна атаковали Камариса, – объяснил Джошуа. – Адиту, Джелой и вранн Тиамак пришли к нему на помощь. Норнов удалось убить, но Адиту сказала, что Джелой получила смертельное ранение. – Он покачал головой. – Я думаю, Джелой была мудрее всех нас. И теперь никто не сможет ее заменить.

Воршева опустилась на подушку.

– Она была здесь, Джошуа, приходила с Адиту, навестить меня. А теперь мертва? – Глаза Воршевы наполнились слезами.

Джошуа печально кивнул.

– Я пришел проверить, все ли с вами в порядке. Сейчас я должен встретиться с Изгримнуром и остальными, чтобы решить, что все это значит и как нам поступить дальше. – Он встал, наклонился и снова поцеловал жену. – Не спи – и не убирай нож, Гутрун, пока я не пришло кого-то, чтобы он вас защищал.

– Больше никто не пострадал? Гутрун сказала, что она видела, как горели палатки.

– Сгорела только палатка Камариса. Складывается впечатление, что врага интересовал только он. – Джошуа повернулся и шагнул к выходу.

– Джошуа, – сказала Воршева, – ты уверен, что больше никого нет? У нас такой большой лагерь.

Принц покачал головой.

– Я ни в чем не уверен, но мы не слышали о других нападениях. Я скоро пришло к вам часовых. А теперь я должен спешить, Воршева.

– Пусть он уходит, леди, – сказала ей Гутрун. – Ложись и попытайся заснуть. Думай о ребенке.

Воршева вздохнула. Джошуа сжал ее руку и быстро вышел из палатки.

* * *

Изгримнур смотрел, как принц подходит к лагерному костру и люди почтительно расступаются, давая ему пройти.

– Джошуа... – начал герцог, но принц не дал ему закончить.

– Я повел себя глупо, Изгримнур. Недостаточно отправить часовых на поиски норнов. Клянусь кровью Эйдона, я далеко не сразу это понял. Слудиг! – крикнул он. – Слудиг есть где-то рядом?

Риммер выступил вперед:

– Я здесь, принц Джошуа.

– Пошли солдат, пусть выяснят, все ли наши люди находятся в лагере, в особенности те, кто наиболее незащищен. Бинабик и Стрэнгъярд были со мной в тот момент, когда начался пожар, но из этого еще не следует, что они в безопасности. Я слишком поздно понял, что нападение на Камариса могло быть отвлекающим маневром. И моя племянница Мириамель – немедленно отправь кого-нибудь в ее палатку. Также выясни, где Саймон, впрочем, он может быть с Бинабиком. – Джошуа нахмурился. – Если норны хотели добраться до Камариса, весьма возможно, что их интересовал меч. Некоторое время он был у Саймона, может быть, он тоже в опасности. Будь проклят мой медленный разум.

Изгримнур откашлялся:

– Я уже отправил Фреосела проверить Мириамель, Джошуа. Я знал, что ты захочешь сразу навестить леди Воршеву, и решил не терять времени.

– Благодарю тебя, Изгримнур. Я действительно ходил к ней. Они с Гутрун в порядке. – Джошуа нахмурился. – Но мне стыдно, что тебе пришлось думать за меня.

Изгримнур покачал головой:

– Будем надеяться, что с принцессой все хорошо.

– Фреосел отправился к Мириамель, – сказал Джошуа Слудигу. – Так что искать нужно на одного человека меньше. А теперь займись остальными. И поставь двух часовых у моей палатки. Я буду чувствовать себя спокойнее, если смогу не тревожиться о жене.

Риммер кивнул и принялся руководить действиями людей, которые без особого смысла метались по лагерю.

– А теперь, – сказал Джошуа Изгримнуру, – будем ждать и думать.

Очень скоро появилась Адиту, вместе с ней отец Стрэнгъярд и Бинабик. Они убедились, что Камарисом и Тиамаком занялась целительница из Нового Гадринсетта, но что-то напряженно обсуждали, когда вошли в палатку Изгримнура.

Адиту рассказала Джошуа о подробностях ночных событий, она говорила спокойно, но Изгримнур заметил, что она подбирала слова тщательнее, чем обычно, очевидно, что-то серьезно ее тревожило. Герцог знал, что они с Джелой дружили – очевидно, ситхи испытывала боль так же, как смертные. Изгримнуру понравилась эта черта ситхи, но затем он отбросил глупую мысль как недостойную. Почему бессмертные должны переживать несчастья не так, как смертные? Насколько было известно Изгримнуру, они страдали не меньше, чем люди.

– Итак. – Джошуа обвел взглядом собравшихся. – Мы установили, что больше никто не подвергся нападению. Вопрос в том, почему они выбрали именно Камариса?

– Должно быть, это как-то связано со стихотворением о Трех мечах, – сказал Изгримнур.

Ему не нравились подобные вещи: у него возникало ощущение, что земля у него под ногами теряла прочность, но именно таким стал их мир. Ему было трудно не жалеть о ясности, которая царила в его жизни в молодости. Даже в самые худшие времена, такие как война, наполненная ужасами, ему не приходилось сталкиваться с диковинной магией и таинственными врагами. – Я не исключаю, что они атаковали Камариса из-за Шипа.

– Или они искали Шип, – негромко сказал Бинабик. – А Камарис не имел для них особого значения.

– Я все еще не понимаю, как им едва не удалось с ним справиться, – сказал отец Стрэнгъярд. – Что за яд, о котором вы говорили, Адиту?

– Кей-вишаа. На самом деле это не только яд: Садорожденные используют его в Роще, когда наступает время танца в конце года. Кроме того, кей-вишаа вызывает долгий тяжелый сон. Его привезли из Вениха До'сэ; мой народ применял его, когда мы впервые сюда попали, чтобы избавиться от опасных животных – некоторые из них были огромными существами, которых больше не осталось в Светлом Арде – в тех местах, где мы хотели построить города. Как только я уловила его запах, то сразу поняла: произошло что-то плохое. Мы, зида'я, употребляем кей-вишаа только во время церемоний Ежегодного танца.

– И как его там используют? – с интересом спросил архивариус.

Адиту лишь опустила глаза.

– Я сожалею, дорогой Стрэнгъярд, но я не могу ответить на ваш вопрос. Возможно, мне и вовсе не следовало об этом упоминать. Я устала.

– Мы не станем совать нос в ваши ритуалы, – сказал Джошуа. – Сейчас нам необходимо обсудить более важные вопросы. – Он бросил недовольный взгляд на Стрэнгъярда, который опустил голову. – Достаточно знать, как они получили возможность незаметно напасть на Камариса. Нам повезло, что Тиамак сохранил присутствие духа и поджег палатку. С этих пор мы станем самым серьезным образом следить за охраной лагеря. Все, кто наиболее уязвим, будут теперь устанавливать свои палатки в самом центре, чтобы все они спали рядом. Я виню себя в том, что удовлетворил просьбу Камариса, пожелавшего жить в одиночестве. Я недостаточно серьезно отнесся к той ответственности, которая легла на мои плечи.

Изгримнур нахмурился:

– Мы все должны быть осторожнее.

Совет принялся обсуждать новые предосторожности, когда появился Фреосел.

– Извините, ваше высочество, но принцессы нигде нет, ни в палатке, ни в самом лагере, – и никто ее не видел после наступления темноты.

Джошуа заметно встревожился:

– Ее нет в палатке? Да защитит нас Эйдон, неужели Воршева права? Значит, они приходили за принцессой? – Он встал. – Я не могу сидеть, пока ей грозит опасность. Мы должны обыскать лагерь.

– Слудиг уже этим занимается, – мягко сказал Изгримнур. – Мы только устроим хаос.

Принц опустил на прежнее место.

– Ты прав. Но ожидание будет трудным.

Как только они вернулись к обсуждению, появился мрачный Слудиг и протянул принцу лист пергамента.

– Я нашел его в палатке Саймона.

Принц быстро прочитал записку и с отвращением бросил ее на пол. Через мгновение он наклонился, поднял пергамент и протянул троллю.

– Извини, Бинабик, мне не следовало так поступать. Похоже, письмо адресовано тебе. – Он встал. – Хотвиг?

– Да, принц Джошуа. – Тритинг также поднялся на ноги.

– Мириамель покинула лагерь. Возьми столько всадников, сколько посчитаешь нужным. Весьма возможно, она направляется в Эркинланд, так что начинай поиск в западном направлении. Но не забывай, что она может сначала поехать в другую сторону и только позднее свернуть на запад.

– Что? – удивленно переспросил Изгримнур. – В каком смысле она покинула лагерь?

Бинабик оторвался от пергамента.

– Письмо написал Саймон, – сказал тролль. – Складывается впечатление, что он уехал вместе с ней, но он обещает привезти принцессу обратно. – Улыбка Бинабика получилась натянутой. – У меня возникает большой вопрос: кто из них кого ведет? Боюсь, Саймону едва ли удастся убедить принцессу вернуться в ближайшем времени.

Джошуа сделал нетерпеливый жест.

– Иди, Хотвиг. Один лишь Бог знает, как давно они уехали. И, поскольку вы самые быстрые всадники из всех, что у нас есть, отправляйтесь на запад; поиски в остальных направлениях предоставь нам. – Он повернулся к Слудигу: – Мы объедем лагерь, постепенно увеличивая радиус. Я возьму Виньяфода. Встретимся на выезде из лагеря. – Он повернулся к герцогу: – Ты с нами?

– Конечно. – Изгримнур безмолвно выругал себя.

Мне следовало предвидеть, что все так обернется, – подумал он. – Она была такой тихой, печальной и далекой – с тех пор как мы сюда добрались. Джошуа не мог заметить в ней перемен, в отличие от меня. Но даже если она считала, что нам следовало отправиться в Эркинланд, почему решила сделать это самостоятельно? И Саймон. Я был лучшего мнения о мальчике.

Мысль о том, что ему придется провести всю ночь в седле, не радовала Изгримнура, он знал, как потом у него будет болеть спина, но с кряхтением поднялся на ноги.

* * *

– Почему она не просыпается?! – потребовал ответа Джереми. – Вы ничего не можете сделать?

– Помолчи, мальчик, я делаю все, что в моих силах. – Герцогиня Гутрун наклонилась и снова ощупала лицо Лелет. – У нее нет лихорадки.

– Тогда что с ней не так? – Казалось, Джереми в отчаянии. – Я долго пытался ее разбудить, но она не реагирует.

– Давайте я дам ей еще одно одеяло, – предложила Воршева.

Она подвинулась на кровати, чтобы девочку положили с ней рядом, но Гутрун это запретила, ее пугало, что Лелет может чем-то заразить Воршеву. И Джереми осторожно уложил ее на одеяло на земле.

– Тебе лучше полежать, а я позабочусь о малышке, – сказала герцогиня. – Мы слишком шумим.

Принц Джошуа с встревоженным лицом вошел в шатер.

– Неужели у нас появились новые проблемы? Часовой сказал, что кто-то заболел. Воршева? С тобой все в порядке?

– Дело не во мне, Джошуа. Нам не удастся разбудить Лелет.

В шатер, тяжело ступая, вошел герцог Изгримнур.

– Дьявольски долгая прогулка, но мы нигде не нашли следов Мириамель, – прорычал он. – Остается лишь надеяться, что Хотвигу и его тритингам будет сопутствовать успех.

– Мириамель? – спросила Воршева. – С ней также что-то случилось?

– Она сбежала с юным Саймоном, – мрачно ответил Джошуа.

– Проклятая ночь, – простонала Воршева. – И почему это с нами происходит?

– Если честно, я не думаю, что их бегство – идея Саймона. – Изгримнур наклонился и обнял жену за плечи, а потом поцеловал в шею. – Он оставил письмо, в котором написал, что постарается ее вернуть. – Затем герцог прищурился. – Почему здесь девочка? Она пострадала во время пожара?

– Я ее принес, – с несчастным видом ответил Джеремиа. – Герцогиня Гутрун попросила меня присмотреть за ней прошлой ночью.

– Я не хотела, чтобы она болталась под ногами, когда Воршева так плохо себя чувствует. – Гутрун с трудом удавалось скрывать собственную тревогу. – На время, пока Джелой отправилась на встречу с мужчинами.

– Я провел с ней весь вечер, – объяснил Джеремиа. – После того как она заснула, я также уснул. Я не хотел, но очень устал.

Джошуа бросил на юношу успокаивающий взгляд:

– Ты ничего плохого не сделал. Продолжай.

– Я проснулся, когда все кричали про пожар, и подумал, что Лелет может испугаться, поэтому подошел к ней, чтобы она видела меня рядом. Она сидела с открытыми глазами, но мне показалось, не слышала ни единого слова. Затем она легла, и ее глаза закрылись, словно она заснула. Но я не смог ее разбудить! Я очень долго пытался. И тогда я принес ее сюда, рассчитывая на помощь герцогини Гутрун. – Когда Джеремиа закончил, он едва сдерживал слезы.

– Ты ни в чем не виноват, Джеремиа, – повторил принц. – А теперь я попрошу тебя кое-что для меня сделать.

Юноша постарался сдержать рыдание.

– Ч-что, ваше высочество?

– Отправляйся в шатер Изгримнура и выясни, вернулся ли Бинабик. Тролль – неплохой целитель. Пусть он осмотрит Лелет.

Джеремиа, довольный, что может оказаться полезным, быстро вышел из шатра.

– Если честно, – признался Джошуа, – я не знаю, что думать о событиях прошлой ночи, – но должен признаться, что боюсь за Мириамель. Будь проклято ее упрямство. – Он сжал одеяло Воршевы пальцами и принялся его теребить.

Когда Джеремиа вернулся с Бинабиком и Адиту, состояние Лелет не изменилось. Маленький тролль внимательно осмотрал девочку.

– Я уже видел ее в таком состоянии, – сказал он. – Она куда-то ушла, на Дорогу Снов или в какое-то другое место.

– Но прежде она никогда не оставалась надолго в таком состоянии, – заметил Джошуа. – Мне кажется, это как-то связано с тем, что произошло ночью. Мог ли яд норнов так на нее подействовать, Адиту?

Ситхи опустила на колени рядом с Бинабиком и приподняла веки девочки, затем приложила пальцы за ухом и стала считать пульс.

– Я так не думаю, – сказала Адиту. – Вне всякого сомнения, он, – она кивнула в сторону Джеремиа, – также заснул бы, если бы кей-вишаа распространился так далеко.

– У нее шевелятся губы! – воскликнул Джеремиа. – Посмотрите!

Хотя Лелет продолжала лежать неподвижно, словно спала, ее рот открывался и закрывался, словно она что-то говорила.

– Тихо. – Джошуа склонился над девочкой, и все остальные следом за ним.

Губы Лелет шевелились.

– ...*слышите меня*... – прошептала она.

– Она что-то сказала! – Только взгляд принца заставил Джеремию замолчать.

– ...*я все равно скажу. Я уйду. У меня осталось совсем мало времени*. – Голос, слетавший с губ девочки, несмотря на то что она задыхалась, показался им знакомым.

– ...Я думаю, норны задумали что-то очень изощренное. Они ведут двойную игру... То, что случилось сегодня, не было отвлекающим маневром. Но за ним стоит нечто еще более тонкое...

– Что с ребенком? – нервно спросила Гутрун. – Она никогда так не говорила – с ней что-то не так.

– Это Джелой, – спокойно пояснила Адиту, словно узнала человека, идущего ей навстречу по дороге.

– Что? – Герцогиня сотворила знак Дерева, и в ее широко раскрытых глазах появился страх. – Что за колдовство?..

Ситхи наклонилась к уху Лелет.

– Джелой? – сказала она. – Ты меня слышишь?

Если это и была лесная женщина, она никак не показала, что услышала голос ситхи.

– ...Помните сон Саймона... фальшивый посланец. – Наступила пауза. Потом голос снова зазвучал, но заметно тише, и все затаили дыхание, чтобы ничего не пропустить. – ...Я умираю. Лелет каким-то образом оказалась рядом со мной в этом... темном месте. Я никогда до конца ее не понимала, а сейчас и вовсе происходит нечто странное. Мне кажется, я могу говорить через нее, но не знаю, слышит ли меня кто-нибудь. Мое время заканчивается. Помните: опасайтесь фальшивого посланца...

Последовала новая долгая пауза. Когда все уже думали, что они больше ничего не услышат, губы Лелет снова зашевелились:

– Я ухожу. Не скорбите обо мне. Я прожила долгую жизнь и делала то, что хотела. Если вы будете меня помнить, не забывайте: моим домом был лес. Позаботьтесь о том, чтобы его уважали. Я постараюсь отослать Лелет обратно, хотя она не хочет покидать меня. Прощайте. Помните...

Голос умолк. Девочка снова лежала как мертвая.

Джошуа поднял голову. В его глазах блеснули слезы.

– Она до самого последнего мгновения пытается нам помочь, – сказал он почти с гневом. – О, Господь милосердный, она обладала отважной душой.

– Старой душой, – тихо сказала Адиту, но ничего не стала уточнять.

Ситхи казалась потрясенной.

Некоторое время они сидели в скорбном молчании. Лелет больше не шевелилась. Отсутствие Джелой давило на них сильнее, чем прежде. У всех в палатке глаза наполнились слезами скорби и страха – все понимали, какую огромную утрату они понесли. Принц тихо заговорил о лесной женщине, восхваляя ее смелость, ум и доброту, но ни у кого не хватило мужества к нему присоединиться. Наконец он отправил всех отдыхать. Адиту сказала, что она не нуждается во сне, и осталась, чтобы присмотреть за Лелет на случай, если она проснется ночью. Джошуа, не раздеваясь, лег рядом с женой, готовый к любым неприятностям, но очень скоро погрузился в тяжелый сон.

Когда утром Джошуа проснулся, он обнаружил, что Адиту продолжает наблюдать за Лелет. Душа ребенка так и не вернулась.

Вскоре в лагерь вернулись Хотвиг и его люди, они устали, но не нашли даже следов Мириамель и Саймона.

28. Призрачная луна

Саймон и Мириамель ехали, почти не разговаривая, принцесса выбирала дорогу – они направлялись вниз, в долину, по другую сторону гор. После того как они проехали лигу или больше, Мириамель свернула на север, обратно на дорогу, по которой их отряд ранее шел в Гадринсетт.

Саймон спросил, почему она так делает.

– Потому что здесь тысячи свежих следов копыт, – объяснила Мириамель. – К тому же Джошуа знает, куда я отправилась, поэтому глупо сразу двигаться в ту сторону – вдруг они почти сразу обнаружили наше отсутствие.

– Джошуа знает, куда мы направляемся? – недовольно переспросил Саймон. – Тогда ему известно больше, чем мне.

– Я тебе расскажу, когда мы отъедем настолько, что ты не сможешь вернуться за одну ночь, – спокойно сказала она. – А я буду так далеко, что они не смогут меня догнать и забрать обратно.

И она отказалась отвечать на его вопросы.

Саймон смотрел на мусор, валявшийся на обочине широкой грязной дороги. Здесь дважды прошла большая армия, не говоря уже о нескольких отрядах, направлявшихся в Сесуад'ру и Новый Гадринсетт. Саймон подумал, что потребуется много времени, прежде чем в этих заброшенных местах вырастет новая трава.

Наверное, так и появляются дороги, – подумал он и улыбнулся, несмотря на усталость. – Мне никогда раньше не приходили такие мысли. Возможно, наступит время, когда тут будет настоящая королевская дорога с каменными указателями, постоянными дворами и почтовыми станциями... а сейчас это лишь тропа, которую вытоптали животные.

Конечно, с его стороны самонадеянно рассуждать о будущем, о дорогах должен беспокоиться король. Но, судя по тому, что Джеремиа и другие говорили о положении дел в Хейхолте, Элиас едва ли станет заботиться о подобных вещах.

Они ехали вдоль берега Стеффлода, в воде которого отражался призрачный свет серебряной луны, Мириамель по-прежнему молчала, и у Саймона возникло ощущение, будто они едут уже много дней, хотя луна еще не прошла и половины пути. Ему стало скучно, и он принялся наблюдать за Мириамель, восхищаясь ее белой в лунном свете кожей, пока она раздраженно не попросила его перестать на нее глазеть. Тогда он постарался отвлечься и решил вспомнить Законы Рыцарства и то, что ему рассказывал Камарис, но его хватило только на половину лиги, и он стал негромко петь все песни про Джека Мундвода, которые знал. Позднее, когда Мириамель вновь пресекла все его попытки начать разговор, Саймон занялся подсчетом звезд, бесчисленных, как крупинки соли, рассыпанной на столе.

Наконец, когда он уже не сомневался, что скоро сойдет с ума – а эта ночь тянется больше недели, – Мириамель придержала лошадь и показала на рошу на невысоком холме, в трех или четырех фарлонгах от рытвин надоевшей дороги.

– Туда, – сказала она. – Там мы остановимся и поспим.

– Я не хочу спать, – соврал Саймон. – Мы можем проехать еще немного.

– Нет смысла, – ответила Мириамель. – Я не хочу находиться на открытом пространстве днем. Позднее, когда мы отъедем подальше, мы сможем двигаться при свете дня.

Саймон пожал плечами:

– Как скажешь.

Он хотел приключений, значит, ему следовало принимать происходящее с радостью. В первые моменты их бегства он представлял – в те немногие мгновения, когда позволял себе

думать, – что Мириамель будет вести себя доброжелательно, когда станет очевидно, что их уже не догонят. Но по мере того, как шло время, она становилась все более холодной.

Деревья на вершине холма росли плотно, создавая настоящую стену между лагерем и дорогой. Они не стали разжигать костер – Саймону пришлось признать, что это разумная предосторожность, – выпили воды и вина, заедая их хлебом, который захватила с собой Мириамель.

Когда они завернулись в плащи и легли рядом на импровизированные постели, Саймон обнаружил, что его усталость исчезла – более того, ему совсем не хотелось спать. Он прислушался, дыхание Мириамель было тихим и ровным, но Саймон не сомневался, что она не спала. Где-то на дереве застрекотал одинокий сверчок.

– Мириамель?

– Что?

– Ты должна рассказать мне, куда мы направляемся. Тогда я смогу лучше тебя защищать. У меня будет возможность подумать и составить план.

Она тихо рассмеялась:

– Я уверена, что так и есть. Я тебе расскажу, Саймон. Но не сегодня ночью.

Он нахмурился, глядя на звезды, которые поблескивали между ветвями деревьев.

– Ладно.

– А сейчас спи. Это будет труднее, когда взойдет солнце.

Неужели в каждой женщине есть немного от Драконихи Рейчел? Складывалось впечатление, что они получают удовольствие, указывая ему, что делать. Саймон открыл рот, чтобы сообщить ей, что он не нуждается в отдыхе, но вместо этого зевнул. Он попытался вспомнить, что хотел сказать, но очень быстро заснул.

Во сне Саймон стоял на берегу огромного моря. Перед ним вытянулась узкая насыпная дорога, шедшая между волнами в сторону острова, который находился довольно далеко от берега. Остров был совершенно пустым, за исключением трех высоких белых башен, мерцавших в высоком полуденном солнце, но вовсе не башни заинтересовали Саймона. По острову, между башнями и их тенями, разгуливала крошечная фигурка в синем одеянии и с белыми волосами. Саймон точно знал, что смотрит на доктора Моргенеса.

Он размышлял, не пойти ли к острову по дорожке, – решив, что добраться до него будет не слишком сложно, но прилив усиливался, и Саймон опасался, что вода полностью затопит узкую тропу, – и тут услышал далекий голос. В море, между островом и каменистым берегом, где стоял Саймон, на больших волнах покачивалась маленькая лодка, в которой стояли два человека, один высокий и плотный, а другой маленький и худой. Ему потребовалось некоторое время, чтобы узнать Джелой и Лелет. Женщина что-то ему говорила, но ее голос заглушал шум волн.

Что они делают в море? – подумал Саймон. – *Скоро же ночь.*

Он прошел несколько шагов по узкой тропе и теперь слышал едва различимый голос Джелой.

– ...*Фальшивый!* – кричала она. – *Это фальшивый!..*

Что фальшивое? – подумал Саймон.

Тропа? Она выглядела вполне надежной. Сам остров? Саймон прищурился, но, хотя солнце уже сильно спустилось к горизонту, превратив башни в черные пальцы, а темная фигура Моргенеса стала похожа на муравья, остров выглядел неоспоримо реальным. Саймон сделал еще несколько шагов вперед.

– *Фальшивый!* – снова закричала Джелой.

Внезапно небо потемнело, и шум волн заглушил все, кроме воя поднявшегося ветра. В один миг море стало синим, потом сине-белым, а в следующее мгновение волны застыли, превратившись в острый лед. Джелой отчаянно махала руками, но море вокруг ее лодки кипело

и трещало. А затем с громким ревом черная вода, живая, как кровь, подхватила Джелой и Лелет, и они исчезли.

Лед со скрежетом подкрадывался к насыпной дороге. Саймон оглянулся, но теперь до берега было такое же расстояние, как до острова, и у него возникло ощущение, что берег и остров удаляются от него, оставляя на узком, постоянно удлинявшемся куске скалы. Лед поднимался все выше, подбирался к его сапогам.

Саймон, который отчаянно дрожал, проснулся. Тусклый рассвет пробрался в рощу, на холодном ветру раскачивались деревья. Его плащ сполз к ногам, оставив без защиты.

Он поправил плащ и снова улегся. Мириамель, слегка приоткрыв рот, продолжала спать рядом, ее золотые волосы рассыпались по плечам, и Саймон ощутил волну желания, которая тут же сменилась стыдом. Она была такой незащитной в этом диком, безлюдном месте, а он поклялся быть ее заступником – какой же он рыцарь, если у него возникают подобные мысли? Но ему так хотелось прижать ее к себе, согреть и поцеловать в приоткрытый рот, почувствовать дыхание у своей щеки. Смущенный Саймон повернулся к Мириамель спиной.

Лошади стояли там, где он их привязал к невысокой ветке. Саймон посмотрел на седельные сумки в слабом утреннем свете, и его вдруг охватила странная печаль. Вчера вечером их побег казался замечательным приключением. А теперь выглядел глупостью. По какой бы причине Мириамель ни приняла свое решение, к нему оно не имело никакого отношения. У него скопилось множество долгов – перед принцем Джошуа, который произвел его в рыцари, Адиту – ведь она его спасла, перед Бинабиком – такого замечательного друга он не заслужил – так говорил себе Саймон.

А еще перед теми, кто смотрел на него снизу вверх – например, Джеремиа. Но он бросил их всех из-за минутной прихоти. И ради чего? Чтобы навязать себя Мириамель, у которой свои собственные печальные причины покинуть лагерь дяди. Он оставил тех немногих людей, что хотели и принимали его общество, ради той, которая в нем не нуждалась.

Он посмотрел на свою лошадь и почувствовал, как усиливается его печаль. Искательница. Красивое имя, ведь верно? Саймон вновь сбежал из дома, и на этот раз у него не было никакой разумной причины.

Он вздохнул и сел. Но он здесь, и уже ничего нельзя изменить. Когда Мириамель проснется, он попытается убедить ее вернуться назад.

Саймон встал, накинул на плечи плащ, потом, отвязав лошадей, огляделся по сторонам и спустился с ними к реке, чтобы напоить. Затем привел лошадей обратно и привязал к другому дереву, где они могли подкрепиться свежей травой. Пока он наблюдал, как едят Искательница и безымянный скакун Мириамель, Саймон почувствовал, что настроение у него улучшается впервые с того момента, как ему приснился страшный сон.

Он собрал в роще хворост, стараясь выбирать только сухие ветки, чтобы они не дымили, и принялся разжигать небольшой костер, с удовлетворением отметив, что не забыл огниво. *Интересно*, – подумал он, – *как скоро выяснится, что ты оставил в лагере что-то очень важное*. Он сидел перед костром, грел руки и наблюдал за спавшей Мириамель.

Через некоторое время, когда он изучал содержимое седельных сумок, чтобы выяснить, что они могут съесть на завтрак, Мириамель зашевелилась и что-то забормотала.

– Нет! – крикнула она. – Нет, я не стану... – Она приподняла руки, словно пыталась от кого-то защититься. Саймон с сомнением за ней наблюдал, потом подошел, опустился на колени и взял за руку.

– Мириамель. Принцесса. Проснись. Тебе снится плохой сон.

Она попыталась высвободить руку, но совсем слабо. Наконец ее глаза открылись, она посмотрела на Саймона, но ему показалось, что она видела кого-то другого, подняла другую руку, словно защищаясь, потом узнала Саймона, и ее рука упала на землю. Он продолжал сжимать другую.

– Тебе просто приснился плохой сон. – Он осторожно сжал ее пальцы, с приятным удивлением обнаружив, насколько его рука больше, чем у Мириамель.

– Со мной все хорошо, – наконец пробормотала она и села, натянув плащ на плечи. Затем оглядела поляну, словно появление солнечного света стало глупой шуткой Саймона. – Сколько времени?

– Солнце еще не поднялось выше верхушек деревьев. Рассвело совсем недавно. Я уже успел сходить к реке.

Она ничего не ответила, встала и неуверенной походкой вышла из рощи. Саймон пожал плечами и вернулся к поискам еды.

Вскоре Мириамель вернулась, а он достал кусок мягкого сыра и круглый ломоть хлеба, разрезал его пополам, проткнул веткой и поднес к огню.

– Доброе утро, – сказала Мириамель, которая выглядела взъерошенной, но она смыла грязь с лица и казалась почти веселой. – Извини, что я так себя вела. Мне приснился... ужасный сон.

Саймон с интересом на нее посмотрел, но Мириамель не стала продолжать.

– Вот еда, – сказал Саймон.

– И огонь. – Она подошла, села рядом с костром и протянула к нему руки. – Надеюсь, дым никто не увидит.

– Да, дыма практически нет, – ответил Саймон, – я отходил в сторону и проверял.

Саймон протянул Мириамель половину хлеба и кусок сыра, и она с жадностью набросилась на еду, а потом улыбнулась ему с набитым ртом.

– Я проголодалась, – призналась она, проглотив хлеб. – Вчера я так волновалась, что забыла о еде.

– Если хочешь, есть еще.

Она покачала головой:

– Мы должны оставить на будущее. Я не знаю, как долго нам предстоит путешествовать, и у нас могут возникнуть проблемы, когда мы попытаемся отыскать еду. – Мириамель подняла голову. – Ты умеешь стрелять? Я захватила лук и колчан со стрелами. – Она показала на лук со снятой тетивой, висевший на ее седле.

– Однажды я сделал удачный выстрел, но я не Мундвод, – пожав плечами, ответил Саймон. – Наверное, я смогу попасть в корову с расстояния в дюжину шагов.

Мириамель захихикала:

– Я думала о кроликах и белках или птицах, Саймон. Едва ли нам попадет много неподвижных коров.

Он кивнул с умным видом:

– В таком случае последуем твоему совету и будем беречь наши припасы.

Мириамель откинулась назад и положила руки на живот.

– Поскольку у нас есть огонь... – Она встала, подошла к своим седельным сумкам, достала пару чашек и маленький мешочек со шнурком и, вернувшись к костру, положила в огонь два небольших камня. – Я захватила с собой травяной чай.

– Надеюсь, ты не кладешь в чай соль и масло? – спросил Саймон, вспомнив необычные добавки кануков.

– Нет, клянусь милосердной Элизией! – со смехом ответила она. – Но я жалею, что у нас нет меда.

Пока они пили чай – Саймон подумал, что он заметно лучше *ака*, которым его угощали на Минтахоке, – Мириамель заговорила о том, что они будут делать сегодня. Она не хотела двигаться дальше до наступления сумерек, но они могли заняться другими полезными делами.

– Ты можешь научить меня владению мечом, к примеру, – сказала она.

– Что? – Саймон посмотрел на нее так, словно она попросила его научить ее летать.

Мириамель бросила на него насмешливый взгляд, встала, подошла к седельным сумкам и достала короткий меч в красивых ножнах.

– Я попросила Фреосела сделать для меня клинок из большого меча. Ему пришлось его обрезать. – На ее губах появилась странная усмешка, казалось, будто она смеялась над собой. – Я сказала, что хочу защищать свою честь, пока мы будем путешествовать к Наббану. – Она посмотрела на Саймона. – Так что учи меня.

– Ты хочешь, чтобы я научил тебя владеть мечом? – медленно спросил Саймон.

– Конечно. А я, в свою очередь, научу тебя обращаться с луком. – Выражение ее лица снова изменилось, и она слегка приподняла подбородок. – Я могу попасть в корову с нескольких десятков шагов – впрочем, я не пробовала, – поспешно добавила она. – Но старый сэр Флуирен научил меня стрелять из лука, когда я была маленькой. Он думал, что это весело.

Саймон испытывал замешательство.

– Значит, ты намерена стрелять белок для обеда?

Выражение ее лица снова стало холодным.

– Я взяла с собой лук не для охоты, Саймон, – как и меч. Мы направляемся в опасные места. Молодая женщина поступит глупо, если будет путешествовать без оружия.

От ее спокойных объяснений Саймону стало не по себе.

– Но ты не скажешь мне, куда именно мы направляемся? – сказал он.

– Завтра утром. А теперь займемся делом – мы теряем время. – Она вытащила меч из ножен и отбросила их на влажную землю.

В ее глазах появился азартный блеск.

Саймон слегка удивился:

– Во-первых, нельзя так обращаться с ножнами. – Он поднял их и протянул Мириамель. – Убери меч и надень пояс.

Мириамель нахмурилась:

– Я уже умею надевать пояс.

– Все должно быть по порядку, – спокойно сказал Саймон. – Ты хочешь учиться или нет?

Утро прошло, а вместе с ним и раздражение Саймона, которому совсем не хотелось учить девушку обращаться с мечом. Мириамель старалась изо всех сил.

Она задавала один вопрос за другим, и на многие из них Саймон не знал ответа, как ни напрягался, пытаясь вспомнить, что ему говорили Эйстан, Слудиг и Камарис, когда его учили. Ему было трудно признать, что он, рыцарь, чего-то не знает, но после крайне неприятного обмена репликами Саймон забыл о гордости и откровенно признался, что понятия не имеет, почему рукоять меча выступает только с двух сторон, а не защищает всю кисть – она просто такая, какая есть. Мириамель такой ответ понравился гораздо больше, чем предыдущие попытки Саймона напустить на себя таинственность, и оставшаяся часть урока пошла быстрее и приятнее.

Мириамель оказалась неожиданно сильной для своих размеров, впрочем, когда Саймон узнал, через какие испытания она прошла, его удивление заметно уменьшилось. Кроме того, природа наградила ее превосходной реакцией и чувством равновесия, хотя она слишком сильно наклонялась вперед, что могло стать фатальным во время настоящей схватки, ведь практически у любого ее противника руки будут длиннее. В целом Мириамель произвела на него впечатление. Он чувствовал, что очень скоро исчерпает запас новых приемов и им останется лишь оттачивать новые для нее навыки до автоматизма. Кроме того, он радовался, что они тренировались на длинных палках, а не на настоящих клинках, за утро Мириамель умудрилась нанести ему несколько исключительно болезненных ударов.

Затем они сделали большой перерыв, чтобы отдохнуть и утолить жажду, и поменялись местами: Мириамель рассказала Саймону, как ухаживать за луком, уделяя особое внимание

тетиве – ее следовало держать в теплом и сухом месте. Он улыбался собственному нетерпению. Как и Мириамель, не желавшей слушать указания о работе с мечом, ему не терпелось показать, на что он способен с луком в руках. Но она оставалась непреклонной, и до конца дня Саймон учился правильно натягивать тетиву. К тому моменту, когда тени стали длиннее, у него покраснели и отчаянно болели пальцы. Он уже начал подумывать о том, где бы раздобыть кожаные колпачки для пальцев, как у Мириамель, если уж он всерьез собирался стрелять из лука.

Затем они приготовили ужин из хлеба, луковицы и вяленого мяса, после чего оседлали лошадей.

– Твоей лошади необходимо имя, – сказал Саймон, застегивая подпругу на животе Искательницы. – Камарис говорит, что лошадь является частью тебя, а также одним из созданий Господа.

– Я подумаю, – ответила Мириамель.

Они в последний раз окинули взглядом лагерь, чтобы убедиться, что не оставили следов своего присутствия – засыпали костер и длинной веткой поправили примятую траву, – после чего в сгуставшихся сумерках двинулись дальше.

– Там старый лес, – с довольным видом сказал Саймон и прищурился, защищаясь от первых лучей встававшего солнца. – Темная линия.

– Да, я вижу. – Мириамель направила лошадь в сторону от дороги, на север. – Сегодня мы не станем останавливаться и постараемся проехать как можно больше – я намерена нарушить собственное правило и продолжать ехать днем. Здесь, как мне кажется, мы в безопасности.

– Значит, мы не возвращаемся на Сесуад'ру? – спросил Саймон.

– Мы едем к Альдхорту – во всяком случае, пока.

– То есть к лесу – зачем? – удивленно спросил Саймон.

Мириамель смотрела вперед, она сбросила капюшон, и ее волосы озарили лучи солнца.

– Потому что дядя наверняка послал за мной отряд, – ответила Мириамель. – Они не сумеют нас найти, если мы будем в лесу.

Саймон прекрасно помнил, как он путешествовал по огромному лесу, и эти воспоминания были далеко не самыми приятными.

– Но путешествие через лес будет очень медленным, – возразил он.

– Мы не останемся там надолго, – ответила она. – Ровно на столько, чтобы они окончательно потеряли наши следы.

Саймон пожал плечами. Он понятия не имел, куда направлялась принцесса, но у нее явно имелся план.

Они ехали в сторону далекой линии леса.

Сильно после полудня они добрались до границы Альдхорта. Солнце уже клонилось к горизонту, и заросшие травой холмы окрасили косые лучи заходящего солнца.

Саймон думал, что они разобьют лагерь на опушке леса – в конце концов, они ехали почти целый день без остановок, хотя иногда им удавалось немного подремать в седле, – но Мириамель твердо решила углубиться подальше в лес, чтобы их не нашли даже случайно. Они пробирались между деревьями. Лес становился все гуще, вскоре им пришлось спешиться, и дальше они повели лошадей в поводу. Так они преодолели еще четверть лиги. Когда принцесса наконец отыскала место, которое ей понравилось, лес уже погрузился в сумерки, и мир под плотной листвой приобрел самые разные оттенки синего цвета.

Саймон сразу принялся разжигать костер. Когда огонь разгорелся, они занялись лагерьем. Мириамель выбрала это место из-за близости небольшого ручья. Пока она готовила ужин, Саймон пошел напоить лошадей.

Несмотря на то что он провел весь день в седле, Саймон не чувствовал усталости, казалось, его тело забыло, что такое сон. После того как они с Мириамель поели, оба устроились

возле костра и заговорили о текущих проблемах, впрочем, темы выбирала Мириамель. Саймона беспокоили другие вещи, и он считал странным, что она так серьезно обсуждала будущего ребенка Джошуа и Воршевы и просила его рассказать о сражении с Фенгболдом, когда оставалось столько открытых вопросов об их нынешнем путешествии. Наконец он не выдержал и поднял руку.

– Хватит об этом. Ты обещала рассказать мне, куда мы направляемся, Мириамель.

Некоторое время она молча смотрела в огонь.

– Ты прав, Саймон. Я поступила с тобой нечестно – так далеко увезла, воспользовавшись твоим доверием. Но я не просила тебя ехать со мной.

Он почувствовал обиду, но постарался ее скрыть.

– Однако я здесь. Так скажи мне – куда мы едем?

Она сделала глубокий вдох, а потом выдохнула:

– В Эркинланд.

Он кивнул:

– Да, я и сам догадался. Это было не так уж сложно тому, кто внимательно слушал тебя во время Раэда. Но куда именно в Эркинланде? И что мы там будем делать?

– Мы едем в Хейхолт. – Она пристально на него посмотрела, словно предлагая возразить.

Да смилуется над нами Эйдон, – подумал Саймон.

– Чтобы забрать Сияющий Коготь? – спросил он.

И, хотя даже думать о таком было чистейшим безумием, он почувствовал некоторое возбуждение. Ведь он – не без помощи, конечно, – отыскал и завладел Шипом, разве нет? Быть может, если он сумеет привезти Сияющий Коготь, то... Он не осмелился даже мысленно произнести эти слова, но перед глазами у него внезапно возникла картина: он, Саймон, рыцарь-из-рыцарей, который даже имеет право ухаживать за принцессами...

Мириамель продолжала внимательно на него смотреть.

– Может быть.

– Может быть? – Он нахмурился. – Что ты имеешь в виду?

– Я обещала рассказать тебе о том, куда мы едем, – ответила Мириамель. – Но не говорила, что открою все мои планы.

Саймон, которого охватило раздражение, взял ветку, сломал ее пополам и бросил в костер.

– Клянусь проклятым Деревом, Мириамель, – прорычал он, – почему ты так себя ведешь? Ты сказала, что я твой друг, но обращаешься со мной, точно я ребенок.

– Я не обращаюсь с тобой, как с ребенком, – с жаром ответила Мириамель. – Ты настоял на том, что должен поехать со мной. Ладно. Но у меня есть собственная задача, и не важно, намерена я забрать меч и вернуться или направляюсь за парой туфель, которые забыла в замке.

Саймон все еще сердился, но не смог сдержать смех:

– *Наверное*, так и есть, ты возвращаешься за туфлями, платьем или еще чем-то вроде того. Такова уж моя удача – погибнуть в Эркинланде во время войны из-за неудачной попытки украсть туфли.

Часть неудовольствия Мириамель исчезла.

– Вероятно, ты украл немало вещей, и тебе все сошло с рук, когда ты жил в Хейхолте. Так что это будет честно.

– Украл? Я?

– Ну, в кухне ты что-то постоянно воровал. Ты мне рассказывал, хотя я и сама знала. А кто утащил лопату церковного сторожа и вложил ее в латную рукавицу доспехов в Малом зале, чтобы казалось, будто сэр Некто отправляется копать отхожее место?

Удивленный тем, что она такое помнит, Саймон с довольным видом улыбнулся:

– Ну, мне помогал Джеремя.

– Ты его вовлек в это безобразие. Без тебя Джереми никогда бы на такое не отважился.
– Но как ты узнала? – спросил Саймон.

Мириамель бросила на него презрительный взгляд:

– Я уже тебе говорила, идиот. Я целыми неделями за тобой следила.

– Да, говорила. – Слова принцессы произвели на него впечатление. – И что еще ты видела?

– Главным образом ты убегал куда-нибудь, чтобы предаваться мечтаньям и ничего не делать, – насмешливо ответила она. – Вот почему Рейчел надирала тебе уши до синяков.

Саймон оскорбленно расправил плечи:

– Я убегал для того, чтобы провести немного времени в одиночестве. Ты не представляешь, каково это – жить вместе со слугами.

Мириамель посмотрела на него, и выражение ее лица стало серьезным и даже печальным.

– Тут ты прав. Но и ты не знаешь, как быть мной. Мне также почти не выпадало возможности остаться наедине с собой.

– Может быть, – упрямо ответил Саймон. – Но я могу спорить, что в твоей части Хейхолта кормили гораздо лучше.

– Нет, точно так же, – парировала Мириамель. – Мы просто ели с чистыми руками. – И она бросила выразительный взгляд на его перепачканные в пепле руки.

Саймон расхохотался:

– Ага! Значит, разница между поваренком и принцессой заключается в чистоте рук. Я должен тебя разочаровать, Мириамель, после того как я половину дня проводил с руками по локоть в мыле, мои руки были очень чистыми.

Она насмешливо на него посмотрела:

– Значит, между нами нет никакой разницы?

– Я не знаю. – Внезапно Саймону стало не по себе, он понял, что ступил на тонкий лед. – Я не знаю, Мириамель.

Она почувствовала, как что-то изменилось, и замолчала.

Вокруг музыкально стрекотали насекомые, а темные деревья склонялись над ними, словно пытались подслушать их разговор. *Как странно снова оказаться в лесу*, – подумал Саймон. Он успел привыкнуть к огромным пространствам, которые открывались с вершины Сесуад'ры, а также бесконечным лугам земель Высоких тритингов. После таких картин Альдхорт казался тесным. Впрочем, как и замок, но замок защищал от врагов. Быть может, Мириамель права: на некоторое время лес станет для них наилучшим укрытием.

– Я иду спать, – неожиданно заявила Мириамель.

Она встала и направилась к тому месту, где приготовила себе постель, и Саймон обратил внимание на то, что она постаралась устроиться подальше от него.

– Как хочешь. – Он не понимал, рассердилась она на него снова или нет. У него часто возникало такое ощущение, когда они обсуждали всякие мелочи. О серьезных вещах говорить было еще сложнее, такие темы смущали... и пугали. – А я еще немного посижу у костра.

Мириамель завернулась в плащ и легла. Саймон смотрел на нее сквозь пламя костра. Одна из лошадей негромко заржала.

– Мириамель?

– Что?

– Я говорил серьезно в ту ночь, когда мы сбежали. Я буду твоим защитником, даже если ты не расскажешь мне, *от чего* тебя следует защищать.

– Я знаю, Саймон. И спасибо тебе.

Снова наступила тишина. Через некоторое время он услышал тихую мелодию – Мириамель что-то напевала.

– Что это за песня? – спросил Саймон.

Она зашевелилась и повернулась к нему:

– Что?

– Что ты пела?

Мириамель улыбнулась:

– Я не заметила, что стала ее напевать. Она весь вечер звучала у меня в голове. Ее пела мне мать, когда я была совсем маленькой. Я думаю, это песня эрнистирийцев, которая дошла от моей бабушки, но слова почему-то на вестерлинге.

Саймон встал и подошел к своей постели.

– Ты мне споешь? – спросил он.

Мириамель колебалась:

– Даже не знаю. Я устала, и у меня нет уверенности, что я помню все слова. К тому же это печальная песня.

Он лег и накрылся плащом, внезапно почувствовав, что дрожит. Ночь обещала быть холодной, и ветер шуршал в листве.

– Пусть ты и спутаешь какие-то слова. Мне было бы приятно тебя послушать.

– Хорошо, я попытаюсь. – Мириамель немного подумала и запела.

У нее был немного хриплый, но приятный голос.

– *В Катин-Дэйре жила девушка*, – начала она. Хотя Мириамель пела негромко, медленная мелодия заполнила всю темную лесную поляну.

*В Катин-Дэйре, возле Серебряного моря,
Самая прекрасная девушка на свете.
И я любил ее, а она любила меня.*

*У Серебряного моря дует холодный ветер,
Растет высокая трава и всюду лежат древние камни.
Там покупаются сердца, а любовь продается.
Снова и снова звучит одна и та же история
В жестоком Катин-Дэйре.*

*Мы встретились, когда осенняя луна сияла в небе
В Катин-Дэйре, у Серебряного моря,
В серебряном платье и золотых туфельках
Она танцевала и дарила мне улыбку.*

*Когда зимний лед лег на крыши
В Катин-Дэйре, у Серебряного моря,
Мы пели у зажженного камина.
Она улыбалась и дарила мне свои губы.*

*У Серебряного моря дует холодный ветер,
Растет высокая трава и всюду лежат древние камни.
Там покупаются сердца, а любовь продается,
Снова и снова звучит одна и та же история
В жестоком Катин-Дэйре.*

*Когда весна спала в полях
В Катин-Дэйре, у Серебряного моря,*

*В святилище Мирчи горели свечи,
Она дала мне клятву.*

*Когда лето горело над холмами
В Катин-Дэйре, у Серебряного моря,
В городе объявили о свадьбе,
Но она не пришла, чтобы выйти за меня.*

*У Серебряного моря дует холодный ветер,
Растет высокая трава и всюду лежат древние камни.
Там покупаются сердца, а любовь продается,
Снова и снова звучит одна и та же история
В жестоком Катин-Дэйре.*

*Когда вновь взошла осенняя луна
В Катин-Дэйре, у Серебряного моря,
Я видел, как она танцевала в серебряном платье,
Но ее партнером был другой.*

*Когда зима показала свои жестокие когти
В Катин-Дэйре, у Серебряного моря,
Я покинул городские стены.
Это место больше не будет мучить меня.*

*У Серебряного моря дует холодный ветер,
Растет высокая трава и всюду лежат древние камни.
Там покупаются сердца, а любовь продается,
Снова и снова звучит одна и та же история
В жестоком Катин-Дэйре...*

– Какая красивая песня, – сказал Саймон, когда Мириамель закончила петь. – Печальная. – Навязчивый мотив все еще звучал у него в голове, и теперь он понимал, почему Мириамель напевала его, сама того не замечая.

– Моя мать пела ее в саду, в Мермунде. Она всегда что-то пела. Все говорили, что у нее необыкновенно красивый голос.

Некоторое время они молчали. Саймон и Мириамель лежали, завернувшись в плащи, и каждый лелеял свои тайные мысли.

– Я совсем не знал своей матери, – наконец сказал Саймон. – Она умерла при моем рождении. Да и отца я никогда не видел.

– Я тоже.

К тому моменту, когда странность этих слов проникла в сознание Саймона, Мириамель повернулась спиной к огню – и к нему. Он хотел спросить, что она имела в виду, но почувствовал, что она больше не хотела разговаривать.

И он просто смотрел на догорающий костер, который мерцал в темноте.

29. Окна, подобные глазам

Бараны стояли так близко друг к другу, что между ними едва удавалось пройти. Бинабик пел тихую, успокаивающую пастушескую песню, пробираясь через покрытые шерстью препятствия.

– Сискви, – позвал он. – Мне нужно с тобой поговорить.

Она сидела, скрестив ноги, заново завязывая узлы упряжи своего барана. Вокруг нее несколько других троллей заканчивали последние дела, готовясь к началу путешествия – отряд принца выступал в Наббан.

– Я здесь, – сказала она.

Бинабик огляделся по сторонам.

– Ты не могла бы пойти со мной туда, где поспокойнее? – спросил он.

Она кивнула и положила упряжь на землю:

– Хорошо.

Они пробрались через стадо баранов и поднялись на холм. Когда они уселись на траву, перед ними раскинулся лагерь, где кипела работа. Палатки начали складывать еще утром, и сейчас от маленького городка осталась лишь двигавшаяся масса людей и животных.

– Ты нервничаешь, – неожиданно сказала Сискви. – Расскажи мне, что тебя тревожит, любимый, – хотя мы уже видели немало печальных событий в последние дни, способных сделать людей печальными на долгое время.

Бинабик вздохнул и кивнул.

– Ты права, – ответил он. – Гибель Джелой – суровый удар, и дело не только в ее мудрости. Я скучаю по ней, Сискви. Мы никогда не увидим подобной ей женщины.

– Но это не все, – мягко сказала Сискви. – Я слишком хорошо тебя знаю, Бинбиникгабеник. Ты встревожен из-за Саймона и принцессы?

– Да, причина в них. Взгляни – я сейчас кое-что тебе покажу. – Он разделил на две части свой посох. На свет появилось длинное белое древко, которое заканчивалось сине-серым наконечником.

– Стрела Саймона. – Глаза Сискви широко раскрылись. – Подарок ситхи. Он его оставил?

– Думаю, случайно. Я нашел ее среди рубашек, которые сшила для него Гутрун. Саймон взял с собой совсем немного, но захватил мешок с самыми ценными вещами: зеркало Джирики, к примеру, камень с могилы Эйстана и кое-что другое. Я думаю, Белую стрелу он оставил по ошибке. Возможно, вытащил по какой-то причине, а потом забыл положить обратно. – Бинабик поднял стрелу так, что она засияла в лучах утреннего солнца. – Это напомнило мне кое о чем, – медленно проговорил он. – Стрела является символом долга Джирики перед Саймоном. Долга, который лежит на мне после смерти моего наставника Укекука и доктора Моргенеса.

На лице Сискви вдруг появился страх, хотя она постаралась его скрыть.

– Что ты имеешь в виду, Бинабик?

Он с тоской посмотрел на стрелу:

– Укекук обещал помочь Моргенесу. И я взял на себя его клятву – защищать юного Саймона, Сискви.

Она сжала его руку в своих ладонях.

– Ты все сделал, и даже больше, Бинабик. Ты ведь не можешь охранять его днем и ночью до конца своей жизни.

– Тут совсем другое. – Бинабик аккуратно спрятал стрелу внутрь посоха. – Дело не только в моем долге, Сискви. Саймону и Мириамель уже сейчас в пустошах грозит опасность, и она

будет еще более серьезной, если они направляются туда, куда я думаю. Но они также подвергают риску и всех нас.

– Что ты хочешь сказать? – Ей пришлось очень постараться, чтобы Бинабик не уловил боли в ее голосе.

– Если Саймона и Мириамель поймают, то отведут к Прайрату, советнику короля Элиаса. Ты его не знаешь, Сискви, но я про него слышал, хотя лично не встречал. Он могущественный человек, способный безрассудно использовать свою силу, и очень жестокий. Он заставит их рассказать все, что им известно о нас, а это очень много – о наших планах, о Мечах, обо всем. Прайрат их убьет, во всяком случае, Саймона, чтобы получить нужные ему сведения.

– Значит, ты намерен их отыскать? – тихо спросила она.

Он опустил голову:

– Я чувствую, что должен.

– Но почему ты? У Джошуа целая армия!

– На то есть причины, любимая. Пойдем со мной, когда я буду говорить с Джошуа, ты их услышишь. В любом случае ты должна там присутствовать.

Сискви бросила на него дерзкий взгляд.

– Если ты отправишься за ними, я пойду с тобой, – заявила она.

– И кто тогда позаботится о наших людях в этой чужой стране? – Он указал в сторону троллей, оставшихся внизу. – Ты уже немного говоришь на вестерлинге. Мы не можем уйти оба и оставить кануков немymi и глухими.

На глазах Сискви появились слезы.

– Неужели ничего нельзя придумать? – спросила она.

– Я не вижу других вариантов, – медленно ответил он. – Я бы очень хотел их найти. – Теперь глаза заблестели у Бинабика.

– Камни Чукку! – выругалась Сискви. – Неужели мы столько выстрадали, чтобы быть вместе, а теперь нам снова предстоит разлука? – Она сильно сжала его пальцы. – Почему ты такой прямой и благородный, Бинабик из Минтахока? Я уже проклинала тебя за это прежде, но никогда с такой горечью, как сейчас.

– Я вернусь к тебе. Клянусь, Сисквинанамук. Что бы ни случилось, я к тебе вернусь.

Сискви наклонилась к нему, прижалась лбом к его груди и заплакала. Бинабик крепко обнял ее за плечи, и по его щекам тоже побежали слезы.

– Если ты не вернешься, – жалобно сказала Сискви, – у тебя не будет ни мгновения покоя до конца времен.

– Я вернусь, – повторил он и смолк.

Они долго сидели, не размыкая печальных объятий.

* * *

– Не могу сказать, что мне нравится твоя идея, Бинабик, – сказал принц Джошуа. – Мы не можем лишиться твоих мудрых советов – в особенности сейчас, после смерти Джелой. – Принц выглядел очень печальным. – Один лишь Эйдон знает, каким это стало ударом. Все у меня внутри болит. И у нас даже нет тела, чтобы его оплакать.

– Она так хотела, – мягко сказал Бинабик. – Но, если говорить о вашей первой проблеме, полагаю, бегство вашей племянницы и Саймона может оказаться еще более серьезной, мягко говоря, неприятностью. Я уже рассказал вам о своих тревогах.

– Может быть, – не стал спорить Джошуа. – Но как быть с загадкой Мечей? Нам еще многое нужно узнать.

– Сейчас я больше не в силах помочь Тиамаку и отцу Стрэнгъярду, – ответил тролль. – Почти все манускрипты Укекука я перевел на вестерлинг. Ну, а те немногие, что остались,

поможет перевести Сискви. – Он указал на свою невесту, которая с покрасневшими глазами молча сидела рядом. – К тому же должен с сожалением добавить: когда эта проблема будет решена, она заберет оставшихся кануков, и они вернутся домой.

Джошуа посмотрел на Сискви:

– Еще одна серьезная потеря.

Она молча склонила голову.

– Но сейчас вас много, – заметил Бинабик. – Наш народ также страдает, а эти пастухи и охотницы потребуются у Озера Голубой грязи.

– Конечно, – ответил принц. – Мы всегда будем благодарны вашему народу за помощь. Мы этого никогда не забудем, Бинабик. – Принц нахмурился. – Значит, ты решил идти?

Тролль кивнул:

– По многим причинам это кажется мне наилучшим образом действий. Кроме того, я опасаюсь, что Мириамель надеется добыть Сияющий Коготь, рассчитывая с его помощью положить конец сражениям. Меня это пугает, ведь если история графа Эoleyра истинна, дварры уже признались приспешникам Короля Бурь, что Миннеяр сейчас находится в могиле вашего отца.

– Что, весьма вероятно, положит конец всем нашим надеждам, – мрачно сказал Джошуа. – Ведь если Элиас это знает, зачем ему его там оставлять?

– То, что известно Королю Бурь и вашему брату, совсем не обязательно совпадает, – заметил Бинабик. – Союзники часто скрывают друг от друга многие вещи. К тому же, возможно, Король Бурь не знает, что мы обладаем этими сведениями. – Он улыбнулся, показав желтые зубы. – Все очень сложно, не так ли? Кроме того, из истории, которую часто рассказывал старик Тайгер, про то, как вел себя ваш брат, когда Тайгер передавал ему меч, может следовать, что те, на ком лежит порча Стормспайка, не способны выдержать его близость.

– Остается рассчитывать, что так и есть, – сказал Джошуа. – Изгримнур? Что ты думаешь? Герцог заерзал на своем низком стуле.

– О чем? О Мечах или намерении тролля отправиться за Мири и мальчишкой?

– Да. О том и другом. – Джошуа устало махнул рукой.

– О Мечах мне нечего сказать, но я вижу в словах Бинабика определенный смысл. Что же до остального... – Изгримнур пожал плечами. – Кто-то должен отправиться на поиски, тут нет сомнений. Однажды я сумел ее вернуть, поэтому готов вновь за ней отправиться, если ты пожелаешь, Джошуа.

– Нет. – Принц решительно покачал головой. – Ты нужен мне здесь. И я не стану снова разлучать вас с Гутрун из-за моей упрямой племянницы. – Он повернулся к троллю: – Сколько людей ты хочешь с собой взять, Бинабик?

– Никого, принц Джошуа.

– Никого? – Принц заметно удивился. – В каком смысле никого? Наверняка тебе следует взять нескольких надежных людей, как во время путешествия на Урмшейм? Так вам будет грозить не такая огромная опасность.

Бинабик покачал головой:

– Я думаю, Саймон и Мириамель не станут прятаться от меня, но наверняка постараются ускользнуть от конного отряда солдат, который будет их преследовать. Кроме того, мы с Кан-такой способны пройти там, где не сумеют даже такие опытные всадники, как тритинги Хот-виги. И я могу двигаться более бесшумно. Нет, мне лучше отправиться на поиски одному.

– Мне это не нравится, – признался Джошуа. – И я вижу, что твоей Сискви тоже. Но, быть может, так будет только к лучшему: на кону стоит больше, чем моя любовь к племяннице, – есть еще и страх за Мириамель и Саймона, которые могут попасть в руки моего брата. Необходимо что-то делать. – Он поднял руку и потер висок. – Дайте мне немного подумать.

– Конечно, принц Джошуа. – Бинабик встал. – Но помните, что даже замечательный нос Кантаки не может уловить запах, если прошло слишком много времени.

Он поклонился, Сискви последовала его примеру, и они вышли из шатра.

– Какой он маленький, как и Сискви, – задумчиво сказал Джошуа. – Дело не в том, что я не хочу, чтобы они ушли. Я жалею, что у меня нет еще тысячи таких же воинов.

– Он отважен, этот Бинабик, вне всякого сомнения, – сказал Изгримнур. – Иногда кажется, что больше у нас ничего не остается.

* * *

Эoleyр смотрел, как летает муха вокруг головы его скакуна. Лошадь, если не считать периодического подергивания ушами, не обращала на нее внимания, но Эoleyр продолжал за ней наблюдать. А на что еще смотреть, когда ты едешь по западной части Эрнистира вдоль границы Фростмарша? Кроме того, муха напоминала ему то, о чем думать не хотелось, но требовало внимания. Граф Над-Муллах наблюдал за двигавшейся черной точкой, пока не сообразил, почему она кажется важной.

Первая муха, которую я увидел за долгий промежуток времени, – первая с тех пор, как наступила зима, так мне кажется. Должно быть, становится теплее.

Эта самая обычная мысль вызвала другую, менее очевидную.

Быть может, все изменилось в лучшую сторону? – подумал он. – Возможно, Джошуа и его люди сумели добиться каких-то результатов, власть Короля Бурь стала слабеть, и его магическая зима отступила? – Он посмотрел на небольшую группу потрепанных эрнистирейцев, ехавших у него за спиной, и на многочисленный отряд ситхи впереди, чьи знамена и доспехи искрились разными цветами. – Неужели то, что народ Джоурики вступил в сражение, каким-то образом качнуло весы в нашу сторону? Или я делаю слишком поспешные выводы из столь незначительного факта?

Он мысленно горько рассмеялся. Последний год и сопутствовавшие ему ужасы сделали его, подобно предкам времен Эрна, склонным верить в дурные предзнаменования.

В последние несколько дней мысли Эoleyра постоянно возвращались к предкам. Объединенная армия ситхи и людей двигалась в сторону Наглимунда, не так давно они остановились в замке Эoleyра Над-Муллах, на реке Баррейлеан. Армия провела там два дня, и к графу явились шесть десятков мужчин из окружающих замок земель, которые пожелали присоединиться к армии, – впрочем, Эoleyр подозревал, что большинство привлекла возможность поглазеть на Мирных, и едва ли ими двигало чувство долга или жажда мести.

Молодые люди, согласившиеся присоединиться к его отряду, главным образом принадлежали к семьям, лишившимся своих владений во время недавнего конфликта. Те, кто все еще владел землей или у кого имелись семьи, которые нуждались в защите, не испытывали желания участвовать в новой войне, какими бы благородными ни были ее цели. Эoleyр не мог отдать им приказа – так повелось еще со времен короля Тестейна.

С Над-Муллахом обошлись не так жестоко, как с Эрнисдарком, но замок пострадал от людей Скали. За то короткое время, что Эoleyр в нем провел, он собрал немногих слуг, что там остались, и постарался навести порядок, решив, что, если сумеет вернуться домой после безумной войны, которая с каждым днем становилась все ужаснее, сложит бразды правления, откажется от ответственности и приведет в прежний вид любимый Над-Муллах.

Его люди долго обороняли замок против части армии Скали, оставленной для осады, но, когда они начали голодать, его кузина Гвинна, стойкая и умная женщина, открыла ворота. Многие красивые и дорогие вещи, которые находились в семье Эoleyра еще со времен союза Синнаха с королем Эрлом, были уничтожены или украдены, как и другие предметы, которые сам Эoleyр привез из путешествий по Светлому Арду. И все же, утешал он себя, стены замка

устояли, поля, лежавшие под снегом, остались плодородными, а широкая река Баррейлеан, несмотря на войну и зиму, продолжала катить свои воды мимо Над-Муллаха к Эбенгеату и морю.

Граф одобрил решение Гвинны и сказал, что поступил бы на ее месте так же. Его слова не особенно утешили Гвинну – для нее вторжение солдат Скали стало едва ли не худшим, что могло с ней произойти.

Эти чужестранцы, возможно, из-за того, что их хозяин жил далеко от Эрнисдарка, или потому, что они не принадлежали к дикому клану Скали Кальдскрика, вели себя не так агрессивно, как захватчики в других районах Эрнистира. Они плохо обращались с пленниками, забирали ценности и крушили все, что им хотелось испортить и сломать, но не занимались насилием и пытками и не устраивали бессмысленных убийств, что было характерно для основной части армии Скали, которая вошла в Эрнисдарк.

И все же урон, нанесенный замку Эoleyра, наполнял его сердце стыдом и гневом. Его предки построили замок, чтобы контролировать этот участок речной долины. А когда враг атаковал замок, графа даже не было дома. Слугам и родственникам пришлось сражаться в одиночку.

Я служил своему королю, – сказал он себе. – Что еще мне оставалось делать?

Он не находил ответа на этот вопрос, но знал, что ему придется жить с воспоминаниями о сожженных гобеленах, исчезнувших вещах, опустошенных горем взглядах людей. Даже если война и бесконечная зима закончатся завтра, огромный вред уже причинен.

– Не хотите ли еще чего-нибудь поесть, миледи? – спросил Эoleyр.

Он постоянно спрашивал себя, что Мегвин в своем безумии думает о не самых лучших условиях во время путешествия в Наглимунд. Ничего другого и не следовало ожидать от страны, которая сильно пострадала от войны, но ему было любопытно, как черствый хлеб и вялый лук можно считать пищей богов.

– Нет, Эoleyр, благодарю. – Мегвин покачала головой и мягко улыбнулась. – Даже в стране бесконечных удовольствий мы должны периодически от них отдыхать.

Бесконечные удовольствия! Граф не сумел сдержать улыбки. Было бы неплохо воспринимать мир как Мегвин, в особенности во время еды.

Через мгновение он отругал себя за жестокие мысли.

Посмотри на нее. Она как ребенок. Тут нет ее вины – быть может, дело в ударе, который нанес ей Скали. Да, он ее не убил, как она думает, но внес беспорядок в разум.

Он посмотрел на Мегвин. Принцесса с очевидным удовольствием наблюдала за закатом. Казалось, ее лицо испускает сияние.

Как говорят в Наббане? «Святые безумцы». Именно так она выглядит – как человек, который больше не находится на земле.

– Небо рая еще краше, чем я представляла, – мечтательно сказала Мегвин. – Возможно, это наше небо, только мы его видим с другой стороны.

И даже если существует какое-то лекарство, – вдруг подумал Эoleyр, – разве я имею право забрать у нее это? – Мысль показалась Эoleyру шокирующей, словно ему в лицо плеснули холодной водой. – Она счастлива – впервые с того момента, как ее отец отправился на войну, навстречу смерти. Она ест, спит, говорит со мной и с другими... пусть по большей части ее слова – полнейшая чепуха. Станет ли ей лучше, если она придет в себя и вернется в наше ужасное время?

Конечно, ответа не существовало. Эoleyр сделал глубокий вдох, стараясь побороть усталость, которая наваливалась на него, когда он находился рядом с Мегвин. Он встал, подошел к куче таявшего снега, вымыл свою миску и вернулся к дереву, где сидела Мегвин, глядя через покрытые серым снегом поля в сторону рыжего западного солнца.

– Я собираюсь поговорить с Джирики, – сказал Эoleyр. – С вами все будет в порядке?

Она кивнула, и по ее губам пробежала быстрая улыбка:
– Конечно, граф Эoleyр.
Он склонил голову и покинул Мегвин.

Ситхи сидели на земле вокруг костра Ликимейи. Эoleyр остановился на некотором расстоянии, восхищаясь диковинным зрелищем, которое предстало его глазам. Хотя возле костра расположилась почти дюжина ситхи, все молчали: лишь обменивались взглядами, словно вели безмолвную беседу. Уже не в первый раз граф Над-Муллага почувствовал, как от суеверного удивления шевелятся волосы у него на затылке. Какие же странные у них союзники!

Ликимейя все еще оставалась в маске из пепла. Вчера сильные дожди обрушились на их армию, из чего граф сделал вывод, что она рисовала маску каждый день. Напротив нее сидела высокая женщина ситхи с узким лицом, тонкая, точно посох священника, с бледно-голубыми волосами, собранными на макушке наподобие птичьего гнезда. Если бы Джирики не сказал ему, он бы никогда не догадался, что эта суровая женщина по имени Зиньяда старше Ликимейи.

Кроме того, у огня сидели рыжеволосый дядя Джирики – Кендрайа’аро, одетый во все зеленое, и Чека’исо, прозванный Янтарные Локоны, чьи лохматые волосы и на удивление открытое лицо – Эoleyр даже видел, как он улыбался и смеялся, – делали его похожим на человека. По другую сторону от Джирики устроился Йизаши, его длинное серое копье из ведемного дерева украшала золотая лента, и Каройи, который был самым высоким во всем отряде ситхи и эрнистирийцев, такой бледный и холодный, что из-за своих черных волос он вполне мог сойти за норна. Были и другие, три женщины и двое мужчин, которых Эoleyр видел прежде, но чьих имен не знал.

Некоторое время он стоял, испытывая смущение, не зная, уйти или остаться. Наконец Джирики поднял голову.

– Граф Эoleyр, – сказал он. – Мы размышляем о Наглимунде.

Эoleyр кивнул и поклонился Ликимейе, которая слегка опустила подбородок. Никто из остальных ситхи не обратил на него особого внимания, одарив лишь короткими взглядами кошачьих глаз.

– Да, мы скоро там будем, – сказал Эoleyр.

– Через несколько дней, – подтвердил Джирики. – Мы, зида’я, не привыкли атаковать замок, который занимает противник, – нам не приходилось этого делать с печальных времен Вениха До’сэ. Среди ваших людей есть такие, кто хорошо знаком с твердыней Джошуа или обладает знаниями о подобных битвах? У нас много вопросов.

– Осадная война?... – с сомнением спросил Эoleyр. Он полагал, что пугающе компетентные ситхи будут к ней готовы. – Среди моих людей есть несколько солдат, которые в качестве наемников воевали на Южных островах и участвовали в войне Озер. В Эрнистире царил мир в течение жизни нескольких поколений. Что до Наглимунда... думаю, я знаю его лучше всех ныне живущих эрнистирийцев. Я провел там много времени.

– Подойдите и присядьте рядом с нами. – Джирики указал на свободное место рядом с Чека’исо.

Черноволосый Каройи сказал что-то на текущем языке ситхи, пока Эoleyр усаживался на землю, и по губам Джирики пробежала быстрая улыбка.

– Каройи говорит, что норны выйдут из замка и сразятся с нами за его воротами. Он считает, что хикедя’я не станут прятаться за стенами, сложенными смертными, когда зида’я придут, чтобы разрешить давно назревшие между ними противоречия.

– Я ничего не знаю о... тех, что называют себя норнами, – осторожно заговорил Эoleyр. – Однако я не могу поверить, что, если у них серьезные намерения, они откажутся от преимущества, которое дает крепость.

– Я думаю, вы правы, – сказал Джирики. – Но моих людей будет трудно убедить. Многие из нас долго не верили, что мы отправляемся на войну с хикедая, не говоря уже о том, что те могут спрятаться в крепости и бросать на нас камни, как делают смертные. – Он что-то сказал Каройи, который коротко ему ответил и замолчал, а его глаза стали похожи на холодные бронзовые пластины. Джирики повернулся к остальным.

– Невежливо говорить на языке, которого граф Эoleyр не знает. Если кто-то из вас не готов использовать вестерлинг или эрнистирийский язык, я буду счастлив перевести ваши слова, чтобы граф их понял.

– Языки смертных и стратегии смертных. Нам всем предстоит учиться, – неожиданно заговорила Ликимейя. – Сейчас другой век. Если законы смертных теперь заставляют мир вращаться, значит, мы должны их изучить.

– Или решить, можно ли жить в таком мире. – Голос Зиньяды оказался низким и странным образом застывшим, словно она изучала вестерлинг, но никогда не слышала, как он звучит. – Быть может, нам следует отдать мир смертных хикедая, которые так стремятся им обладать.

– Хикедая уничтожат смертных еще охотнее, чем нас, – спокойно ответил Джирики.

– Одно дело, – заговорил Йизаши Серое Копье, – исполнить древний долг, как мы только что поступили у М'йин Азошаи. И к тому же разобрались со смертными, потомками приплывших на кораблях людей Фингила. И совсем другое – воевать с Садорожденными, чтобы помочь смертным, которым мы ничего не должны – в том числе тем, что долго выслеживали нас после того, как мы утратили Асу'а. Отец Джошуа был нашим врагом!

– Значит, ненависть никогда не закончится? – спросил Джирики. – У смертных короткие жизни. Не они воевали с нашим рассеянным по разным землям народом.

– Да, жизни смертных быстро заканчиваются, – бесстрастно ответил Йизаши. – Но их ненависть пускает глубокие корни и передается от родителей к детям.

Эoleyр ощущал определенные сомнения, но решил, что сейчас ему рано вступать в разговор.

– Возможно, ты забыл, благородный Йизаши, – сказал Джирики, – что войну против нас начали хикедая. Именно они нарушили святость Ясиры. И рука Утук'ку, а не смертного нанесла удар кинжалом и убила Первую Бабушку.

Йизаши ничего не ответил.

– В подобных разговорах нет смысла, – сказала Ликимейя. Эoleyр не мог не заметить, как сильно отражают глаза Ликимейи свет, сияя оранжевым, точно взгляд озаренного факелами волка. – Йизаши, я задавала вопрос тебе и другим из Дома Размышлений, Дома Собраний, всех домов, чтобы отдать долг Роце. И вы согласились. И мы выбрали такой курс, потому что должны разрушить планы Утук'ку Сейт-Хамака, а не только исполнить долг чести или отомстить за убийство Амерасу.

– У смертных есть поговорка, – снова заговорил черноволосый Каройи. Его голос звучал ровно, с жуткой мелодичностью, а эрнистирийский был избыточно точным. – *«Враг моего врага – мой друг... на некоторое время»*. Серебряная маска и ее родня взяли в союзники одних смертных, и мы выбираем их врагов в качестве наших. Кроме того, Утук'ку и ее приспешники нарушили Договор Сесуад'ры. И я не вижу для себя позора, чтобы сражаться бок о бок с судхода'я до тех пор, пока вопрос не будет решен. – Он поднял руку, словно хотел остановить вопросы, но весь круг хранил молчание. – Никто не говорил, что я должен любить наших смертных союзников: я не испытываю к ним подобных чувств и уверен, что ни при каких обстоятельствах этого не произойдет. И если я доживу до того, когда все конфликты закончатся, то вернусь в свой тайный высокий дом в Анвиджанье, потому что мне уже давно наскучила компания других существ, как смертных, так и Садорожденных. Но до тех пор я выполняю обещание, данное Ликимейе.

После того как Каройи замолчал, наступила долгая пауза. Ситхи вновь хранили молчание, но у Эoleyра возникло ощущение, что между ними появилось напряжение, которое должно как-то разрешиться. Когда молчание продлилось так долго, что Эoleyр вновь подумал, не следует ли ему уйти, Ликимейя подняла руки и широко развела их в стороны.

– Итак, – сказала она. – Нам следует подумать о Наглимунде и решить, что мы будем делать, если хикедая не выйдут из замка, чтобы сразиться в открытом поле.

Ситхи принялись планировать предстоящую осаду, словно и не спорили по поводу правильности сражения бок о бок со смертными. Эoleyра поразила их цивилизованность. Каждый мог говорить столько, сколько пожелает, и его никто не перебивал. И какие бы разногласия между ними ни существовали – хотя Эoleyр все еще плохо понимал бессмертных, у него не возникло сомнений в том, что между ними имелись противоречия, – теперь складывалось впечатление, что они исчезли: обсуждение Наглимунда, пусть и достаточно энергичное, оставалось спокойным, и в нем отсутствовали взаимные претензии.

Возможно, когда живешь так долго, – подумал Эoleyр, – ты учишься следовать подобным правилам. Вечность – это слишком долгое время, чтобы лелеять обиды.

Теперь, когда Эoleyр почувствовал себя спокойнее, он вступил в обсуждение – сначала нерешительно, но, когда увидел, что к его мнению относятся с достаточным уважением, стал говорить открыто и уверенно о Наглимунде, который знал почти так же хорошо, как Таиг в Эрнисдарке. Он много раз там бывал и замечал, что Джошуа был очень полезен, если речь шла о нововведениях при дворе его покойного отца, короля Джона Пресвитера. Принц – один из немногих людей, кто мог выслушать новую идею и поддержать ее, если она этого заслуживала – независимо от того, выгодна она ему или нет.

Они говорили долго; в конце концов костер погас, и остались лишь тлеющие угольки. Ликимейя достала из своего одеяния несколько хрустальных сфер и поставила их на землю перед собой. Постепенно они начали испускать сияние, и очень скоро их круг залил яркий свет.

Эoleyр встретил Изорна на обратном пути с совета ситхи.

– Привет, граф, – сказал юный риммер. – Вышел прогуляться? У меня есть мех с вином – из твоих погребов в Над-Муллахе. Давай найдем Уле и выпьем.

– С радостью. У меня выдался странный вечер. Наши союзники... Изорн, я никогда не встречал никого похожего на них.

– Они очень древние и к тому же язычники, – безмятежно ответил Изорн и тут же рассмеялся. – Мои извинения, граф. Иногда я забываю, что ты эрнистириец...

– И тоже язычник? – Эoleyр слабо улыбнулся. – Никаких обид. Я привык быть чужаком за годы, проведенные при дворе эйдонитов. Но никогда прежде я не испытывал таких странных чувств, как сегодня вечером.

– Ситхи отличаются от нас, Эoleyр, но они отважны, как гром.

– Да, и умны, – согласился Эoleyр. – Много из того, что они говорили, я не понимал, но, думаю, никто из нас еще не видел сражения, подобного тому, которое состоится у стен Наглимунда.

Его слова заинтриговали Изорна, и он приподнял бровь:

– Похоже, это из тех историй, которые лучше рассказывать с чашей вина в руке, но я буду рад услышать ее в любом случае. Если мы выживем, нам будет чем порадовать наших внуков.

– Если мы выживем, – повторил Эoleyр.

– Давай пойдем быстрее, – весело предложил Изорн. – Я чувствую, как меня одолевает жажда.

На следующий день они пересекли Иннискрич. На поле сражения, на котором Скали одержал победу, а король Ллут получил смертельную рану, все еще лежал снег, всюду виднелись небольшие холмики, тут и там валялись ржавый металл или древки сломанных копий. Хотя многие тихо произносили проклятия или молились, никто из эрнистирийцев не хотел

задерживаться там, где они потерпели столь сокрушительное поражение и погибли многие их соплеменники. Для ситхи это место не имело особого значения, большая армия быстро его миновала, и они двинулись дальше на север, вдоль течения реки.

Река Баррейлеан отмечала границу между Эрнистиром и Эркинландом, народ Утаниата, живший на восточном берегу, называл реку Зеленым Бродом. В те дни вдоль ее берегов селилось совсем немного людей, поэтому водилась рыба. Погода стала теплее, но Эoleyр видел, что земля выглядела безжизненной. Те немногие, кто уцелел, владели жалкую жизнь у южных окраин Фростмарша, а теперь попросту бежали перед приближавшейся армией ситхи и людей, они не ждали ничего хорошего от новых, закованных в доспехи захватчиков.

Наконец, после недели, прошедшей после того, как они покинули Над-Муллах, – даже когда ситхи не особо спешили, они двигались быстро, – армия перешла реку и углубилась в Утаниат, восточную оконечность Эркинланда. Здесь все вокруг было однообразно серым. Густые утренние туманы, которые стелились по земле, когда они скакали по Эрнистиру, больше не исчезали с восходом солнца, и армия, словно души умерших в загробной жизни, двигалась от рассвета до заката в холодной влажной дымке. Казалось, страну окутал похоронный саван. Воздух был таким морозным, что холод проникал до самых костей Эoleyра и его спутников.

Вокруг царила почти мертвая тишина, которую нарушали лишь шорох ветра и приглушенный стук копыт, здесь даже не пели птицы. По ночам, когда граф вместе с Мегвин и Изорном жался к костру, тяжелая неподвижность нависала над всем миром. Казалось, как сказал однажды вечером Изорн, они пересекают огромное кладбище.

С каждым днем они все дальше углублялись в бесцветную, лишенную радости страну. Риммеры Изорна молились и часто делали знак Деревя, между ними без особой на то причины постоянно вспыхивали ссоры. Эрнистирийцы Эoleyра в меньшей степени поддавались мрачному настроению. Но даже ситхи казались более сдержанными, чем всегда. Нескончаемый туман и неприятная тишина делали все их усилия лишенными смысла.

Эoleyр обнаружил, что надеется скоро увидеть хоть какие-то следы неприятеля, он уже не сомневался, что дурные предчувствия, нависшие над жуткими, безлюдными землями, более коварный враг, чем любое создание из плоти и крови. Даже ужасающе чуждые норны были предпочтительнее, чем путешествие через этот потусторонний мир.

– Я что-то чувствую, – проговорил Изорн. – Что-то укололо меня в шею.

Эoleyр кивнул, но тут же сообразил, что сын герцога не может его видеть из-за тумана, хотя он ехал совсем рядом.

– Да, и меня тоже, – признался Эoleyр.

Прошло девять дней после того, как они покинули Над-Муллах. Либо погода ухудшилась, либо зима не уходила из этой небольшой части мира. Землю покрывал снег. По обе стороны дороги, поднимавшейся на невысокий холм, лежали высокие сугробы. Слабое солнце давно исчезло за тучами, день выдался отвратительно серым, и им уже казалось, что они больше никогда не увидят сияния дня.

Впереди слышались лязг доспехов и мелодичный говор текучей речи ситхи. Эoleyр прищурился сквозь туман.

– Мы останавливаемся. – Он прищипорил лошадь и поскакал вперед. Изорн и Мегвин, которая молчала весь день, последовали за ним.

Ситхи действительно остановились и теперь молча сидели на своих лошадях, чего-то дожидаясь, их яркие разноцветные доспехи и гордые знамена, казалось, потускнели в тумане. Эoleyр проехал через их ряды к Джирики и Ликимейе. Они смотрели вперед, но в движущемся тумане ничего нельзя было разглядеть.

– Мы остановились, – сказал граф.

Ликимейя повернулась к нему.

– Мы нашли то, что искали, – сказала она.

Черты ее лица оставались неподвижными, словно оно превратилась в маску.

– Но я ничего не вижу. – Эoleyр повернулся к Изорну, который пожал плечами, соглашаясь.

– Подождите немного, – ответила Ликимейя.

Эoleyр, продолжая смотреть вперед, с сомнением погладил шею лошади. Снова поднялся ветер и взметнул полы его плаща. Туман за клубился, и внезапно в сумраке появилось нечто темное.

Мощная фронтальная стена Наглимунда была неровной, множество камней выпало, точно чешуйки гниющей рыбы. Посреди серого камня виднелась заполненная камнями брешь с воротами, напоминавшими обвисший беззубый рот. Дальше сквозь щупальца тумана выступали высокие квадратные башни Наглимунда, и их темные окна походили на пустые глазницы черепа.

– Бриниох, – воскликнул Эoleyр.

– Клянусь Спасителем, – ответил похолодевший Изорн.

– Теперь вы видите? – спросила Ликимейя, и Эoleyру показалось, что в ее голосе прозвучал жутковатый смех. – Мы прибыли на место.

– Это Скадах, – с ужасом сказала Мегвин. – Дыра в Небесах. Теперь я ее вижу.

– Но где город Наглимунд? – спросил Эoleyр. – Где целый город, располагавшийся у подножия замка!

– Мы проехали мимо него, во всяком случае, миновали руины, – сказал Джирики. – Все остальное скрывает снег.

– Бриниох! – Ошеломленный Эoleyр сначала посмотрел на неровные комья, покрытые снегом, у себя за спиной, потом перевел взгляд на груды камней впереди. Все вокруг выглядело мертвым, однако нервы у него напряглись, точно натянутые струны лютни, а сердце отчаянно забилося в груди. – И мы просто туда въедем? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

Мысль об этом показалась ему подобной прыжку головой вперед в темный туннель, полный пауков.

– Я туда не поеду, – резко заявила Мегвин, которая заметно побледнела. Впервые с того момента, как ею завладело безумие, она выглядела по-настоящему напуганной. – Если мы войдем в Скадах, то лишимся защиты Небес. Оттуда никто не возвращается.

Эoleyр даже не смог сказать ничего успокаивающего, лишь протянул руку и сжал ее ладонь, затянутую в перчатку. Их лошади стояли рядом, и облачка дыхания смешивались.

– Мы не станем туда заезжать, – серьезно ответил Джирики. – Во всяком случае, сейчас.

Пока он говорил, в черных провалах окон башен начал мерцать желтый свет, словно тот, кому принадлежали эти пустые глаза, проснулся.

* * *

Дракониха Рейчел беспокойно спала в своей крохотной комнатке в подземелье Хейхолта.

Ей снилось, что она в своей прежней комнате, где жили горничные, которую она так хорошо знала. Она была одна, и ее переполнял гнев: вечно она должна искать глупых девчонок.

Кто-то скребся в дверь, и у Рейчел вдруг появилась уверенность, что это Саймон. Даже во сне она помнила, что однажды ее уже обманул такой шум. Она тихо подошла к двери и некоторое время стояла возле нее, прислушиваясь к непонятным звукам, которые доносились снаружи.

– Саймон? – позвала она. – Это ты?

Она услышала голос своего давно пропавшего подопечного, но он показался ей высоким и тонким, словно доносился издали.

Рейчел, я хочу вернуться. Пожалуйста, помоги мне. Я хочу вернуться. – Царапанье возобновилось, настойчивое и странным образом громкое...

Прежняя госпожа горничных проснулась, дрожа от холода и страха, чувствуя, как колотится в груди сердце.

Вот. Снова шум, такой же, как она слышала во сне – но сейчас Рейчел проснулась. Странный звук – не столько царапанье, сколько скрежет, далекий, но ритмичный. Рейчел села.

Теперь она знала, что это не сон. Рейчел вспомнила, что слышала нечто похожее, когда засыпала, но тогда она не обратила внимания на необычные звуки. Может, крысы в стенах? Или что-то похуже? Рейчел спустила на пол ноги с соломенного матраса. Маленькая жаровня, наполненная тлевшими углями, почти не давала света.

Крысы в толстых каменных стенах? Возможно, но маловероятно.

А что еще это может быть, старая дура? Кто-то ведь скребется у тебя за дверью.

Рейчел бесшумно подошла к жаровне, взяла пучок заранее приготовленного тростника и прижала его конец к углям. Когда он загорелся, она подняла факел вверх.

Комната. Хорошо знакомая после многих проведенных здесь недель, была пустой – если не считать сделанных ею запасов. Рейчел наклонилась, чтобы заглянуть в темные углы, но и там никого не обнаружила. Скребущие звуки стали слабее, но не исчезли. Казалось, они доносились от дальней стены. Рейчел шагнула к ней и задела босой ногой деревянный сундучок, который не задвинула обратно к стене после того, как изучала его содержимое вчера вечером. Она тихонько вскрикнула от боли, уронила несколько горящих тростинок и быстро взяла кувшин, чтобы залить их водой. Покончив с этим, она осталась стоять на одной ноге, потирая свободной рукой пальцы ноги.

Когда боль стихла, она поняла, что стало тихо. Либо ее крик испугал того, кто шумел, – весьма возможно, если это была мышь или крыса, – или кто-то сообразил, что его слышат. Мысль о том, что кто-то мог затаиться между стенами, совсем не понравилась Рейчел.

Крысы, – сказала она себе. – Конечно, это крысы. Они учуяли еду, которую я тут собрала, проклятые маленькие демоны.

Так или иначе, но шум прекратился. Рейчел села на стул и стала надевать туфли. Она знала, что теперь уже не заснет.

Что за странный сон о Саймоне, – подумала она. – Может быть, это бродит его беспокойный призрак? Я знаю, что его убил чудовище Прайрат. Существуют легенды, утверждающие, будто мертвые не могут найти покоя, пока их убийцы не будут наказаны. Но я уже сделала все, что могла, – и к чему это привело? Теперь от меня никому нет пользы.

Мысли о Саймоне, приговоренном к одинокой тьме, были печальными и пугающими.

Встань, женищина. Сделай что-нибудь полезное.

Рейчел решила выставить еще немного еды для бедного слепого Гутвульфа.

Она зашла в комнату с узкими окнами наверху и увидела, что рассвет уже близится, потом посмотрела на темно-синее небо и тускневшие звезды, и к ней стала возвращаться уверенность.

Я по-прежнему просыпаюсь вовремя, пусть и живу по большей части в темноте, как крот. И это уже что-то.

Рейчел спустилась в свое тайное убежище, помедлив у двери и прислушиваясь к тишине, царившей в комнате. После того как она собрала еду для графа и своей подруги кошки, она надела тяжелый плащ и направилась к лестнице потайного хода, что находилась за гобеленом.

Подойдя к тому месту, где она обычно оставляла еду для Гутвульфа, Рейчел с огорчением увидела, что ее предыдущее подношение осталось нетронутым: ни мужчина, ни кошка вчера не приходили.

Он ни разу не пропускал двух дней подряд с того самого момента, как я начала его кормить, – с тревогой подумала Рейчел. – Благословенный Риан, неужели несчастный где-то упал?

Рейчел собрала старую еду и поставила на ее место свежую, словно рассчитывала, что новая порция все тех же сушеных фруктов и вяленого мяса может соблазнить бродившего по коридорам графа.

Если он сегодня не придет, – решила она, – я отправлюсь на поиски. Больше о нем никому позаботиться. Так должен поступить любой эйдонит.

Встревоженная Рейчел вернулась в свою комнату.

* * *

Бинабик, сидевший верхом на серой волчице, точно на боевом коне, с посохом в руке, который он держал как копье, при других обстоятельствах выглядел бы забавно, но Изгримнуру совсем не хотелось улыбаться.

– Я все еще не уверен, что это правильное решение, – сказал Джошуа. – Я очень боюсь, что нам будет не хватать твоей мудрости, Бинабик из Иканука.

– В таком случае мне следует отправиться в путь прямо сейчас, и тогда я вернусь быстрее. – Троль почесал Кантаку за ушами.

– А где твоя леди? – спросил Изгримнур, оглядываясь по сторонам. Приближался рассвет, но на склоне холма было пусто, если не считать трех мужчин и волчицы. – Я думал, она захочет с тобой попрощаться.

Бинабик не стал смотреть на Изгримнура, его взгляд остановился на косматой спине Кантаки.

– Мы попрощались рано утром, Сискви и я, – тихо ответил он. – Ей трудно видеть, как я уеду.

Изгримнур почувствовал глубокое сожаление, вспомнив множество своих глупых замечаний о троллях. Они были маленькими и странными, но столь же отважными, как большие люди. Он протянул руку, чтобы обменяться с Бинабиком рукопожатиями.

– Безопасного тебе путешествия, – сказал герцог. – И возвращайся к нам.

Джошуа сделал то же самое.

– Я надеюсь, ты найдешь Мириамель и Саймона. Но даже если нет, в том не будет твоей вины. Как сказал Изгримнур, возвращайся к нам, как только сможешь, Бинабик.

– А я надеюсь, что у вас все будет хорошо в Наббане.

– Но как ты нас найдешь? – неожиданно спросил Джошуа, и на его лице появилась тревога.

Бинабик посмотрел на него и неожиданно громко рассмеялся:

– Как я найду смешанную армию обитателей лугов и материка, которую ведут знаменитый, якобы погибший, герой и однорукий принц? Не думаю, что мне будет трудно узнать новости о вашем местоположении.

Джошуа не выдержал и улыбнулся в ответ:

– Наверное, ты прав. До свидания, Бинабик. – Он поднял руку, и стали видны кандалы, которые он носил как напоминание о плене и долге его брата.

– До свидания, Джошуа и Изгримнур, – ответил троль. – Пожалуйста, передайте мои слова прощания всем остальным. – Он наклонился и что-то прошептал на ухо терпеливо ждавшей волчице, а потом повернулся к друзьям: – В горах мы говорим так: *Инидэж коку на сикваса мин так* – «Когда мы встретимся снова, это будет хороший день». – Он положил обе руки на спину волчицы. – *Хиник*, Кантака. Найди Саймона. *Хиник амму!*

И Кантака помчалась по влажному склону. Бинабик раскачивался на ее широкой спине, но держался уверенно. Изгримнур и Джошуа смотрели им вслед, пока необычный всадник не перевалил через вершину холма и не исчез из вида.

– Боюсь, я никогда больше его не увижу, – сказал Джошуа. – Мне холодно, Изгримнур.

Герцог положил руку на плечо принца. Ему и самому было не слишком тепло и спокойно.

– Давай вернемся. Нам нужно, чтобы более тысячи человек пришли в движение к тому моменту, когда солнце поднимется над холмами.

Джошуа кивнул:

– Ты прав, пойдем.

Они повернулись и зашагали обратно по мокрой траве.

30. Тысяча листьев, тысяча теней

Мириамель и Саймон провели первую неделю после побега в лесу. Путешествие было медленным и болезненно утомительным, но Мириамель решила, что лучше потерять время, чем быть пойманной. Дневные часы они проводили, продираясь под ворчание Саймона между деревьями и сквозь плотный подлесок, и по большей части вели лошадей в поводу.

– Радуйся тому, – сказала ему однажды Мириамель, когда они отдыхали на поляне, опираясь о ствол старого дуба, – что нам удастся иногда видеть солнце. Когда мы выйдем из леса, двигаться будем только по ночам.

– По крайней мере, когда мы будем ехать по ночам, мне не придется следить за разными штуками, пытающимися содрать с меня кожу, – мрачно ответил Саймон, потирая через потрепанные штаны покрытое синяками тело.

Мириамель обнаружила, что у нее улучшилось настроение, когда появилась возможность что-то делать. Ощущение беспомощного ужаса, которое владело ею в течение недель, исчезло, позволив ясно мыслить и смотреть на мир новыми глазами... и даже получать удовольствие от того, что рядом находился Саймон.

Она и в самом деле радовалась, что Саймон поехал с ней. Иногда ей даже хотелось, чтобы удовольствие не было таким сильным. Ее преследовало ощущение, что она его каким-то образом обманывает. И вовсе не потому, что скрыла от него причины, заставившие ее покинуть дядю Джошуа и отправиться в Хейхолт. Мириамель чувствовала, что не может считать себя полностью чистой и готовой для общения с другими.

Дело в Аспитисе, – думала она. – Он это сделал со мной. До него я была чистой.

Но так ли это? Он ведь не взял ее силой. Она позволила ему сделать то, что он хотел, – в некотором смысле даже приветствовала. Аспитис оказался чудовищем, но он попал в ее постель так же, как поступают другие мужчины с любимыми женщинами. Он ее не насиловал. И если то, что они делали, неправильно и греховно, ее вина не меньше.

А как быть с Саймоном? Мириамель испытывала смешанные чувства. Он уже больше не был мальчиком, и какая-то ее часть опасалась мужчины, которым он стал, как и любого другого. Однако в нем осталась какая-то необычная невинность. В искренних попытках делать все правильно, в плохо скрытых обидах, когда она обходилась с ним слишком резко, все еще проглядывало что-то детское. От этого у нее портилось настроение, и она понимала, что он не знает настоящей Мириамель. Именно в моменты особенной доброты, когда он ею восхищался и делал комплименты, она сердилась на него сильнее всего. Казалось, он сознательно оставался слепым.

Испытывать подобные чувства было крайне неприятно. К счастью, Саймон, казалось, понял, что его искреннее восхищение ей неприятно, и начал вести себя в насмешливой дружеской манере, которая устраивала Мириамель гораздо больше. Когда, находясь рядом с ним, она могла не думать о себе, Саймон становился для нее хорошей компанией.

Несмотря на то что Мириамель выросла при дворах деда и отца, у нее редко появлялась возможность проводить время с мальчиками. Рыцари короля Джона по большей части умерли или вернулись в свои поместья, разбросанные по всему Эркинланду и другим местам, и двор ее деда в последние годы его жизни стал пустым, если не считать тех, кто остался для безбедной и беззаботной жизни. Позднее, после смерти матери, отцу не нравилось, если он видел ее с немногими ровесниками. Он не заполнил пустоту своим присутствием, а окружил Мириамель неприятными пожилыми мужчинами и женщинами, которые читали ей лекции о ритуалах и обязанностях принцессы, находя недостатки во всем, что она делала. К тому моменту, когда ее отец стал королем, одинокое детство Мириамель закончилось.

Служанка Лелет осталась практически единственной молодой спутницей принцессы. Девочка восхищалась Мириамель, внимая каждому ее слову, и, в свою очередь, рассказывала длинные истории о своем детстве с братьями и сестрами – она была младшей в большой семье барона, – и Мириамель заворожено ее слушала, пытаясь не жалеть о семье, которой никогда не имела.

Вот почему ей было так трудно снова видеть Лелет после того, как она добралась до Сесуад'ры. Полная жизни, веселая девочка, которую она помнила, исчезла. До того как они вместе сбежали из замка, Лелет иногда становилась очень тихой, многие вещи ее пугали, но теперь казалось, что за глазами маленькой девочки прячется совсем другое существо. Мириамель пыталась вспомнить какие-то признаки того, что Джелой обнаружила в ребенке, но ничего не приходило ей на ум, если не считать того, что Лелет посещали яркие, сложные и пугающие сны. Некоторые из них – детальные и необычные в ее пересказе, и Мириамель практически не сомневалась, что девочка их выдумывала.

Когда отец Мириамель взошел на трон, она обнаружила, что окружена людьми – и ужасно одинока. Казалось, все обитатели Хейхолта заразились пустыми ритуалами власти, но Мириамель прожила с ними так долго, что они полностью потеряли для нее интерес. С тем же успехом можно было наблюдать за непонятной игрой невоспитанных детей. Даже те немногие молодые люди, что за ней ухаживали, – точнее, за ее отцом, ведь большинство из них интересовало лишь богатство и власть, которые они могли получить, женившись на принцессе, – представлялись ей какими-то другими видами животных, непохожими на нее, скучными стариками в телах юношей, угрюмыми мальчиками, делавшими вид, что они взрослые.

Единственными обитателями Мермунда и Хейхолта, способными получать удовольствие от жизни, были слуги. В особенности в Хейхолте, где трудилась целая армия горничных, грумов и поварят, – казалось, это какая-то совсем другая разновидность людей, живущих бок о бок с теми, кто ее окружал. Однажды, в момент ужасной печали, Мириамель увидела огромный замок как перевернутое кладбище, населенное мертвецами, разгуливавшими сверху, в то время как живые пели и смеялись внизу.

Так Саймон и немногие другие слуги привлекли ее внимание – мальчики, которые хотели только одного: быть мальчиками. В отличие от детей придворных они не пытались повторять гнусавую медленную манеру речи старших. Мириамель наблюдала, как они неспешно выполняли свои обязанности, смеялись, прикрывая рот рукой, над глупыми проделками приятелей или играли в жмурки во дворе, и ей ужасно хотелось быть как они. Их жизнь казалась ей такой простой. И даже после того, как мудрость возраста научила Мириамель, что она тяжела и утомительна, принцесса иногда мечтала отбросить свое королевское происхождение, как плащ, и стать одной из них. Ее никогда не пугала тяжелая работа, но она боялась одиночества.

– Нет, – твердо сказал Саймон. – Тебе не следовало подпускать меня *настолько* близко.

Он повернул рукоять меча так, чтобы завернутый в ткань клинок оттолкнул ее оружие в сторону, и внезапно она поняла, что он стоит совсем рядом. Его запах, смесь пота, кожаной куртки и раздавленных листьев, оказался очень сильным. А какой он высокий! Иногда она об этом забывала. Столкновение помешало Мириамель ясно мыслить.

– Теперь ты стала совершенно незащитной, – сказал он. – Если бы я воспользовался кинжалом, у тебя не осталось бы никаких шансов. Помни, ты всегда будешь сражаться с тем, у кого руки длиннее.

Вместо того чтобы поднять меч для продолжения поединка, она уронила его на землю и двумя руками толкнула Саймона в грудь. Он отлетел назад, с трудом сохранив равновесие.

– Оставь меня в покое. – Мириамель повернулась к нему спиной, отошла на несколько шагов и наклонилась, чтобы подобрать несколько веток для костра, стараясь хоть чем-то занять дрожащие руки.

– Что случилось? – удивленно спросил Саймон. – Я сделал тебе больно?

– Ничего. – Она бросила собранный хворост в круг, который они расчистили для костра. – Просто мне на данный момент надоела эта игра.

Саймон покачал головой, потом сел и принялся снимать ткань, которой обмотал клинок своего меча.

В тот день они разбили лагерь рано, когда солнце еще находилось высоко над вершинами деревьев. Мириамель решила, что завтра они пойдут вдоль берега небольшого ручья, который давно был их спутником, к Речной дороге, что шла вдоль Имстрекки, мимо Стэншира, в Долину Асу. Она считала, что лучше выйти на дорогу к полуночи, чтобы иметь возможность идти по ней в темноте, до самого рассвета, чем провести всю ночь в лесу.

Так у них впервые появилась возможность взяться за мечи за последние несколько дней, если не считать необходимости прорубать себе дорогу через заросли. Именно Мириамель предложила час позаниматься перед ужином, чем невероятно удивила Саймона. Она ужасно хотела сказать, что тут нет его вины, но у нее возникло смутное ощущение, что каким-то образом он виноват – в том, что он мужчина, что она ему нравится и он отправился вместе с ней в то время, как она предпочла бы страдать от одиночества.

– Не обращай на меня внимания, Саймон, – наконец сказала она, почувствовав себя слабой из-за этих слов. – Я просто устала.

Саймон немного успокоился, закончил возиться с мечом, бросил тряпки в седельную сумку и присоединился к Мириамель, уже сидевшей у костра.

– Я просто хотел предупредить тебя, чтобы ты соблюдала осторожность. Ты слишком наклонилась вперед, – сказал он.

– Я знаю, Саймон, ты уже говорил.

– Ты не должна близко подпускать того, кто намного больше.

Мириамель вдруг отчаянно захотелось, чтобы он замолчал.

– Я знаю, Саймон. Просто я устала.

Он почувствовал, что снова вызвал у нее раздражение:

– Но ты стала лучше, Мириамель. Ты сильная.

Она кивнула, сосредоточившись на кремне. Искра упала на завитки трута, но огонь не загорелся. Мириамель наморщила нос и сделала еще одну попытку.

– Хочешь, я попробую?

– Нет, я не хочу, чтобы ты пробовал. – Она снова взмахнула кремнем, но у нее опять ничего не получилось.

Мириамель чувствовала, как руки у нее наливаются усталостью.

Саймон посмотрел на деревянную стружку, перевел взгляд на лицо Мириамель и быстро опустил глаза.

– Помнишь желтый порошок Бинабика? С его помощью он мог разжечь огонь даже во время ливня. Я однажды видел, как он это сделал в Сиккихоке, а тогда шел снег и дул сильный ветер...

– Ладно. – Мириамель встала, позволив кремню и стальному бруску упасть на землю. – Давай ты. – Она подошла к своей лошади и стала рыться в седельной сумке.

Саймон собрался ей ответить, но промолчал и принялся разжигать костер. Довольно долго у него также ничего не получалось. Наконец, когда Мириамель вернулась с платком, в котором лежали вещи, найденные ею в сумке, ему удалось высечь искру – и огонь загорелся. Когда она стояла над ним, Саймон заметил, что ее волосы успели отрасти, и золотые локоны окутывали плечи.

Он смущенно на нее посмотрел, и его глаза были полны тревоги.

– Что-то не так? – спросил Саймон.

Она не ответила на его вопрос.

– Тебе нужно подстричь волосы, – сказала она. – Я этим займусь после того, как мы поедем. – Она развязала платок. – Тут два последних яблока. Они в любом случае уже начинают портиться – я даже не знаю, где Фенгболд их нашел. – Ей рассказали об источниках запасов Джошуа, которые удалось конфисковать у врага. Они получали удовольствие, поедая запасы напыщенного хвастуна. – У нас осталось еще немного вяленой баранины, и очень скоро нам придется попытаться счастья с луком.

Саймон открыл рот, но тут же его закрыл.

– Мы завернем яблоки в листья и спрячем под горячие угли. Конюх Шем всегда так делал. Тогда уже не будет иметь значения, что они немного вялые.

– Как скажешь, – ответила Мириамель.

Мириамель откинулась назад и облизала пальцы. Они все еще слегка болели от горячей яблочной кожуры, но оно того стоило.

– Конюх Шем наделен поразительной мудростью, – сказала она.

Саймон улыбнулся. Его борода слиплась от яблочного сока.

– Это было вкусно. Но больше у нас нет яблок.

– В любом случае я наелась. А завтра мы выйдем на дорогу в Стэншир. Я уверена, там мы сможем найти что-нибудь такое же хорошее.

Саймон пожал плечами.

– Интересно, где сейчас старина Шем? – проговорил он после небольшой паузы. Огонь зашумел, поглощая почерневшие листья, в которых они готовили яблоки. – И Рубен. И Рейчел. Как ты думаешь, они все еще живут в Хейхолте?

– Почему нет? Король, как и прежде, нуждается в конюхах и кузнецах. Кроме того, без Госпожи горничных обойтись никак нельзя. – По губам Мириамель пробежала слабая улыбка.

Саймон сдавленно фыркнул:

– Это правда. Я даже представить не могу, чтобы кто-то мог вынудить Рейчел уйти – если только она сама не захотела бы. С тем же успехом можно пытаться согнать дикобраза с голого пня. Даже король – твой отец – не сумеет заставить ее против воли покинуть Хейхолт.

– Сядь. – Неожиданно у Мириамель возникло желание что-то сделать. – Я собираюсь тебя подстричь.

Саймон пощупал свой затылок.

– Ты думаешь, уже пора?

Мириамель бросила на него суровый взгляд:

– Даже овец нужно стричь один раз в сезон.

Она достала точильный камень и принялась править свой нож. Звук получился очень резким, перекрыв стрекотание сверчков, прятавшихся в темноте.

Саймон оглянулся через плечо:

– Я чувствую себя так, словно меня сейчас будут разделять для пира на Эйдонмансу.

– Никто не знает, что произойдет, когда закончится вяленое мясо, – заявила Мириамель. – А теперь смотри вперед и помалкивай. – Она встала у него за спиной, но света костра не хватало. Когда Мириамель села, его голова оказалась слишком высоко. – Сиди на месте.

Она притащила большой камень, оставляя колею на влажной земле, а когда на него усеялась, оказалась на правильной высоте. Мириамель приподняла волосы Саймона и внимательно на них посмотрела.

– Немного снизу. Нет, нужно срезать побольше.

Его волосы оказались более тонкими, чем она думала. Густые, но довольно мягкие. И грязные после многих дней путешествия. Она подумала о том, как выглядят ее собственные волосы, и нахмурилась.

– Когда ты в последний раз мылся? – спросила она.

– Что? – Саймон заметно удивился. – Что ты имеешь в виду?

– А ты сам как думаешь? В твоих волосах полно веточек и грязи.

Саймон фыркнул:

– А на что ты рассчитывала, если я столько дней болтался в дурацком лесу?

– Ну, я не могу их стричь в таком виде. – Мириамель немного подумала. – Я собираюсь их вымыть.

– Ты сошла с ума? Зачем их мыть? – Саймон приподнял плечи, словно защищаясь от удара ножом.

– Я же сказала. Чтобы тебя постричь.

Мириамель встала и направилась к меху с водой.

– Это наша питьевая вода, – запротестовал Саймон.

– Я наполню мех снова перед тем, как мы двинемся дальше, – спокойно ответила она. – А теперь закинь голову назад.

Она подумала, не нагреть ли воду, но ее рассердили жалобы Саймона, и она получила удовольствие, слушая, как он возмущается, когда она вылила холодную воду ему на голову. Затем она взяла прочный костяной гребень, который ей подарила Воршева в Наглимунде, и постаралась расчесать волосы, игнорируя протесты Саймона. Часть веточек так сильно запутались, что ей пришлось распутывать узлы ногтями – и подойти к нему вплотную. Запах мокрых волос смешался с сильным запахом Саймона, показавшимся ей приятным, и Мириамель начала тихонько напевать.

Закончив с узлами, Мириамель взяла нож и принялась подравнивать волосы. Как она и подозревала, просто подрезать кончики оказалось недостаточно. Двигаясь быстро, чтобы Саймон не успел начать протестовать, Мириамель взялась за дело и вскоре увидела бледную часть его шеи – волосы скрывали ее от солнца.

Когда она посмотрела на шею Саймона, расширявшуюся у основания, где рыже-золотые пряди становились более густыми, Мириамель неожиданно почувствовала волнение.

В каждом человеке есть что-то волшебное, – мечтательно подумала она. – *В каждом.*

Она провела пальцами по щеке Саймона, и он подпрыгнул от неожиданности.

– Эй! Что ты делаешь? Щекотно!

– Закрой рот. – Она улыбнулась за его спиной, но он этого не увидел.

Мириамель подровняла волосы над ушами, оставив столько, чтобы они скрывали начало бороды. Затем подрезала волосы спереди, чтобы они не попадали ему в глаза. Снежная прядь выделялась, как молния.

– Здесь на тебя попала кровь дракона. – Белая прядь на ощупь ничем не отличалась от остальных волос. – Расскажи еще раз, как все произошло.

Саймон хотел ответить что-нибудь легкомысленное, но сделал паузу.

– Это было... – тихо заговорил он, – необычно, Мириамель. Все произошло очень быстро. Я испугался, а потом словно кто-то протрубил в рог у меня в голове. И, когда кровь меня коснулась, я почувствовал ожог. А больше я ничего не помню – пока не пришел в себя рядом с Джирики и Эйстаном. – Он тряхнул головой. – В общем, совершенно невероятное переживание. Некоторые вещи трудно объяснить.

– Я знаю. – Она выпустила пряди его влажных волос. – Я закончила.

Саймон поднял руки и пощупал шею и виски.

– Кажется, ты подстригла меня очень коротко, – сказал он. – Я бы хотел на себя посмотреть.

– Подожди до утра, тогда сможешь увидеть свое отражение в ручье. – Она вдруг почувствовала, что на ее губах появилась глупая улыбка – без всякой на то причины. – Если бы я знала, что ты такой тщеславный, то захватила бы с собой одно из моих зеркал.

Он повернулся к ней, чтобы бросить наигранно суровый взгляд, и тут выпрямился.

– У меня *есть* зеркало, – проворчал он. – Подарок Джирики. Оно в седельной сумке.

– Я думала, это опасно! – воскликнула Мириамель.

– Нет, если только смотреть в него. – Саймон встал и направился к седельным сумкам, а потом принялся энергично в них рыться, как медведь, ищущий мед в дупле. – Вот, нашел, – сказал он.

Он вытащил руку с зеркалом и нахмурился, засунул в сумку другую руку и продолжил копаться внутри.

– Что ты ищешь?

Саймон достал мешок со шнуровкой и, подойдя к костру, протянул ей зеркало ситхи, которое Мириамель взяла почти с благоговением, а сам принялся с мрачным видом снова рыться в мешке.

– Ее нет, – с отчаянием сказал Саймон.

– Чего нет? – спросила Мириамель.

– Белой Стрелы. Ее здесь нет. – Он вытащил руки из мешка. – Кровь Эйдона! Должно быть, я оставил ее в палатке. – Затем на его лице появился ужас. – Надеюсь, я не забыл ее на Сесуад'ре!

– Но ты ведь отнес ее в свою палатку, верно? В тот день, когда хотел мне подарить?

Он медленно кивнул:

– Верно. Должно быть, она осталась где-то там. Во всяком случае, стрела не потерялась. – Он посмотрел на свои пустые руки. – Но у меня ее нет. – Он рассмеялся. – И я пытался ее отдать. Наверное, это нехорошо. К подаркам ситхи, сказал Бинабик, следует относиться серьезно. Помнишь, что было на реке, когда мы в первый раз путешествовали вместе? Я стал хвастаться и упал в воду.

Мириамель печально улыбнулась:

– Я помню.

– Но я снова это сделал, не так ли? Если Бинабик найдет стрелу, он о ней позаботится. И я не должен иметь ее при себе, чтобы что-то доказать Джирики. Если я вообще его когда-нибудь увижу. – Саймон пожал плечами и попытался улыбнуться. – Можно я возьму зеркало?

Он принялся изучать свои волосы.

– Хорошо получилось, – сказал он. – Они короткие сзади. Как у Джошуа или у тех, кто на него похож. – Саймон посмотрел на Мириамель. – Как у Камариса.

– Как у рыцаря, – добавила Мириамель.

Некоторое время Саймон смотрел на свою руку, потом взял пальцы Мириамель и сжал их в теплой ладони – не глядя в глаза.

– Спасибо тебе. Ты сделала очень красиво.

Она кивнула, ей отчаянно хотелось высвободить руку, не оставаясь рядом с ним, но одновременно нравилась его близость.

– Всегда рада помочь, Саймон.

Наконец он неохотно отпустил ее руку.

– Наверное, нам нужно попытаться поспать, если мы хотим отправиться в путь в полночь, – сказал он.

– Да, ты прав, – согласилась она.

Они убрали свои вещи и разложили постели в дружеском, пусть и неловком, молчании.

Мириамель проснулась посреди ночи, когда чья-то рука зажала ей рот. Она попыталась закричать, но рука прижалась еще сильнее.

– Нет! Это я! – Рука исчезла.

– Саймон? – прошипела она. – Ты идиот! Что ты делаешь?

– Тихо. Здесь кто-то есть.

– Что? – Мириамель села, безрезультатно вглядываясь в темноту. – Ты уверен?

– Я как раз начал засыпать... – сказал он ей на ухо, – но это не был сон. Я услышал такие же звуки уже после того, как окончательно проснулся.

– Это животное – олень, – предположила Мириамель. В лунном свете Саймон оскалил зубы.

– Я не знаю животных, которые разговаривают сами с собой, – а ты?

– Что?

– Тихо! – прошептал он. – Просто слушай.

Они сидели молча и не шевелясь. Мириамель слышала только биение собственного сердца. Она бросила взгляд в сторону костра, несколько угольков еще продолжали тлеть, и, если кто-то находился рядом, он наверняка их заметил. *Интересно, есть ли смысл забросать сейчас костер землей*, – подумала она.

И тут она услышала потрескивание, которое доносилось, как ей показалось, с расстояния в сотню шагов. У нее стало покалывать кожу. Саймон со значением на нее посмотрел. Они снова услышали те же звуки – казалось, они удалялись.

– Кто бы это ни был, складывается впечатление, что он уходит, – заметила Мириамель.

– Мы собирались выйти на дорогу через несколько часов. Я не думаю, что теперь нам следует так рисковать.

Мириамель собралась возразить – ведь это было ее путешествие, – но поняла, что не может. Мысль о том, что они будут идти вдоль заросшего берега реки в свете луны, когда кто-то за ними следует...

– Я согласна, – сказала она. – Подождем до рассвета.

– Я останусь стоять на страже. А потом, когда я тебя разбужу, ты дашь мне немного поспать. – Саймон сел, скрестив ноги, и прислонился спиной к пню. Меч он положил на колени. – Иди, спи. – Он выглядел напряженным, почти сердитым.

Мириамель почувствовала, как сердце у нее в груди постепенно стало биться медленнее.

– Ты сказал, что кто-то разговаривал сам с собой?

– Возможно, их было несколько, – ответил Саймон, – но вдвоем они произвели бы больше шума. К тому же я слышал только один голос.

– И что он говорил? – спросила Мириамель.

Она смутно видела, как Саймон покачал головой.

– Я не разобрал. Он говорил слишком тихо. Просто... слова.

Мириамель устроилась на своей постели.

– Может быть, охотник. В лесу тоже живут люди.

– Вполне возможно. – Голос Саймона показался ей слишком ровным, и Мириамель вдруг поняла, что ему, наверное, тоже страшно. – В лесу может оказаться кто угодно, – добавил Саймон.

Она опустила голову и теперь видела лишь несколько звезд, заглядывавших вниз сквозь прорехи в лесном пологe.

– Если почувствуешь, что засыпаешь, не будь героем, Саймон. Разбуди меня.

– Я так и сделаю. Но я не думаю, что в ближайшее время мне захочется спать, – ответил он.

Как и мне, – подумала Мириамель.

Мысль о том, что их преследуют, вызывала у нее ужас. Но если кто-то действительно шел за ними; кто-то, кого послал ее дядя, то почему он ничего не сделал? Быть может, это преступники, сбежавшие в лес? И они бы убили их во сне, если бы Саймон не проснулся. Или животное, а Саймону лишь показалось, что оно говорит.

Наконец Мириамель погрузилась в беспокойный сон, в котором ей снились двуногие рогатые фигуры, прятавшиеся в лесных тенях.

Они потратили значительную часть утра, чтобы выбраться из леса. Казалось, низкие ветки и цеплявшийся за ноги подлесок пытались им помешать, от земли поднимался предательски плотный туман, и, если бы не шум ручья, они бы обязательно заблудились. Наконец, усталые, потные и еще более грязные, чем на рассвете, они вышли в сырую долину.

Они довольно быстро пересекли луга и оказались на Речной дороге, когда утро уже заканчивалось. Снега здесь не было, но небо оставалось темным и угрожающим, казалось, будто густой лесной туман их преследовал и полностью скрывал землю.

Сама Речная дорога оставалась практически пустой: им навстречу попался всего один фургон, который перевозил целую семью вместе с пожитками. Возница, измученный заботами мужчина, который наверняка выглядел старше прожитых им лет, казалось, потратил последние силы, кивнув Саймону и Мириамель, когда они проезжали мимо.

Мириамель повернулась, чтобы проводить взглядом фургон с запряженным в него художочным быком, медленно ехавший на восток. Может, они решили отправиться на Сесуад'ру, чтобы связать свою судьбу с Джошуа? Мужчина, его тощая жена и молчаливые дети выглядели печальными и измученными, и Мириамель было страшно подумать, что будет, когда они обнаружат, что там никого нет. Ей захотелось их предупредить, но она ожесточила свое сердце и снова стала смотреть вперед. Такой поступок мог оказаться опасной глупостью: а появление в Эркинланде людей со сведениями о Джошуа привело бы к непоправимым последствиям.

Днем они миновали несколько небольших поселений, которые казались почти заброшенными; лишь серые плюмажи дыма, которые поднимались над несколькими домами, все еще окруженными туманом, говорили о том, что люди продолжали оставаться даже в таких мрачных местах. Впрочем, если здесь и жили фермеры, то доказательств тому было немного: поля заросли темными сорняками, и они нигде не видели домашнего скота. Мириамель понимала, что если наступили совсем плохие времена в других частях Эркинланда, то оставшиеся немногие коровы, свиньи и овцы наверняка тщательно спрятаны.

– Я не уверена, что нам следует и дальше здесь оставаться. – Мириамель прищурилась, подняв взгляд от широкой мощеной дороги к покрасневшему западному небу.

– Мы за весь день видели не более дюжины человек, – ответил Саймон. – И, если за нами следят, нам лучше оставаться на открытом месте – тогда мы заранее увидим любую угрозу.

– Мы скоро подъедем к окраине Стэншира. – Мириамель несколько раз бывала в этих местах вместе с отцом и имела представление о том, где они находились. – Это более крупный город, чем небольшие поселения, мимо которых мы проезжали. Там наверняка будут люди на дорогах. Возможно, стража.

Саймон пожал плечами:

– Наверное. И что нам делать, ехать через поля?

– Я не думаю, что кто-то станет обращать на нас внимание. Разве ты не видел, в каком плохом состоянии почти все дома? Сейчас слишком холодно, чтобы люди выглядывали в окна.

В ответ Саймон выдохнул облако туманного воздуха и улыбнулся:

– Как скажешь. Только нужно постараться не завести лошадей в болото или топи. Скоро стемнеет.

Они свернули с дороги и проехали сквозь изгородь из кустов. Солнце уже почти зашло, и на небе осталось лишь небольшое алое пятно. Ветер усилился, заставляя клониться высокую траву.

В холмах уже наступил вечер, когда они увидели первые признаки Стэншира. Городок расположился на обоих берегах реки, которые соединял центральный мост, дома на северной стороне практически упирались в лес. Саймон и Мириамель остановились на вершине холма и посмотрели вниз на мерцавшие огни.

– Стэншир стал меньше, – сказала Мириамель. – Раньше он занимал всю долину.

Саймон прищурился:

– Я думаю, он и сейчас такого же размера – посмотри, всюду дома. Просто огни или светильники горят только в половине. – Он снял перчатки, чтобы подышать на пальцы. – Ну, и где мы проведем ночь? У тебя есть деньги на постоянный двор?

– Мы не будем спать под крышей.

Саймон приподнял бровь.

– Нет? Ну, по крайней мере, мы можем рассчитывать на горячий ужин?

Мириамель повернулась к нему.

– Ты правда не понимаешь? Эта страна принадлежит моему отцу. Я бывала здесь раньше. На дорогах сейчас совсем мало путешественников, и, даже если нас никто не узнает, нам будут задавать вопросы. – Она покачала головой. – Я не хочу рисковать. Конечно, ты можешь попробовать купить еды – у меня есть немного денег, – но остановиться на постоялом дворе? С тем же успехом мы могли бы нанять глашатая, который шел бы перед нами.

В сумерках было трудно понять, но Мириамель показалось, что Саймон покраснел.

– Как скажешь, – ответил он, но в его голосе она услышала гнев.

Мириамель попыталась успокоиться:

– Пожалуйста, Саймон. Неужели ты думаешь, что я не хотела бы вымыть лицо, посидеть за столом и нормально поужинать? Просто я стараюсь сделать как лучше.

Саймон посмотрел на нее и кивнул:

– Извини. Ты рассуждаешь разумно. Я просто раздражен.

Мириамель вдруг почувствовала влечение к нему.

– Я знаю. Ты хороший друг.

Саймон бросил на нее быстрый взгляд, но ничего не ответил, и они спустились по склону в долину Стэншира.

С городом что-то случилось. Мириамель помнила после визита, который состоялся полдюжины лет назад, что это было шумное, процветающее место, где главным образом жили рудокопы с семьями и по ночам горели фонари – но сейчас редкие прохожие торопились поскорее покинуть улицы, и даже постоянные дворы оставались тихими, как монастыри, и пустыми.

Мириамель остановилась в тени у «Клина и Жука», а Саймон потратил часть медных монет на хлеб, молоко и луковицы.

– Я спросил владельца, нет ли у него баранины, а он лишь на меня посмотрел, – сказал Саймон. – Наверное, у них выдался очень плохой год.

– Он задавал тебе вопросы?

– Он хотел знать, откуда я приехал. – Саймон уже начал жевать хлеб. – Я сказал, что я свечник из Долины Асу, ищу работу. Он так странно на меня посмотрел, а потом сказал: «Ну, ты уже понял, что здесь ничего для тебя нет, верно?» Хорошо, что *он* не предложил мне поработать, потому что я забыл почти все, что Джеремиа мне рассказывал о том, как делать свечи. Но он спросил, как давно я покинул Долину Асу и правда ли, что в горах полно призраков.

– Призраков? – Мириамель почувствовала, как у нее по спине пробежал холодок. – Мне это совсем не нравится. Что ты ему сказал?

– Я ответил, что ушел оттуда давно и направился на юг в поисках работы. А потом, прежде чем он успел задать мне новый вопрос, я сказал, что меня ждет жена в фургоне на Речной дороге и мне пора.

– Твоя жена?

Саймон улыбнулся:

– Я же должен был ему что-то сказать. Зачем еще мужчине покупать еду и спешить на холод?

Мириамель презрительно фыркнула и взобралась в седло.

– Нам нужно отыскать место для ночлега, хотя бы на одну ночь. Я ужасно устала.

Саймон огляделся по сторонам.

– Я не знаю, куда мы можем пойти, – определить, какие дома пустые, трудно, даже если в них не горит огонь, а из трубы не идет дым. Люди могли их покинуть, или у них просто нет дров.

В этот момент пошел легкий дождь.

– Нам нужно двигаться дальше, – сказала Мириамель. – На западной окраине города мы сможем найти пустой амбар или сарай. Кроме того, там находится большая каменоломня.

– Звучит превосходно. – Саймон откусил от сморщенной луковицы. – Показывай дорогу.

– Только не съешь по ошибке мой ужин, – мрачно сказала Мириамель. – И не разлей молоко.

– Конечно, миледи, – ответил он.

Пока они ехали по Дороге Мокрого дерева, одной из главных улиц Стэншира, Мириамель обнаружила, что ее странным образом встревожили слова Саймона. Было невозможно определить, живет ли кто-то в темных домах и лавочках, но у нее возникло ощущение, будто чьи-то глаза наблюдают за ними сквозь щели в ставнях.

Довольно скоро они добрались до расположенных за городом ферм. Дождь почти прекратился и теперь лишь тихонько моросил. Мириамель указала в сторону каменоломни, которая с высоты Дороги Мокрого дерева казалась огромной черной дырой. Когда дорога начала подниматься вверх, они увидели мерцавшие на нижних стенах каменоломни красные огни.

– Кто-то разжег там костер, – заметил Саймон, – и довольно большой.

– Возможно, они добывают камень, – ответила Мириамель. – Но нам совершенно ни к чему знать, что они там делают. Чем меньше людей нас увидит, тем лучше. – Она свернула с широкой дороги на одну из узких улочек, уходивших от каменоломни в сторону Речной дороги. Она оказалась грязной, и Мириамель решила, что стоит зажечь факел, чтобы не рисковать ногами лошадей. Они спешили, Саймон накрыл Мириамель и себя своим плащом, и Мириамель взялась за кремь. Наконец ей удалось зажечь пропитанную маслом тряпку.

Проехав немного дальше, они нашли подходящее укрытие, большой сарай посреди поля, заросшего сорняками и ежевикой. Дом, которому он принадлежал, стоял в нескольких сотнях футов, в долине, и выглядел заброшенным. Ни Мириамель, ни Саймон не были полностью уверены, что он действительно пустует, но сарай выглядел вполне безопасным местом, и они понимали, что в нем им будет теплее, чем под открытым небом. Они стреножили лошадей у старой и печально бесплодной яблони за сараем, так что из дома их не могли увидеть.

Внутри в свете факела они разглядели сырую солому на земляном полу, а также ржавые инструменты с треснувшими или отсутствовавшими рукоятками, ждавшими ремонта у стены. Проржавевшая бесполезная коса вызвала у Мириамель грусть, но говорила о том, что ею уже очень давно никто не пользовался. Успокоенные Саймон и Мириамель вернулись наружу за седлами.

Мириамель собрала солому в две одинаковые кучи, а затем разложила на одной из них свои постельные принадлежности. Она с сомнением огляделась по сторонам.

– Я бы хотела рискнуть и разжечь настоящий костер, – сказала она, – но даже факел может оказаться опасным.

Саймон воткнул горевшую ветку в землю, подальше от соломы.

– Мне нужно видеть, чтобы есть, – заявил он. – Скоро мы погасим факел.

Они жадно поужинали, запивая засохший хлеб холодным молоком. После того как они вытерли губы и пальцы рукавами, Саймон поднял голову.

– Итак, что мы будем делать завтра? – спросил он.

– Ехать дальше. Если погода не изменится, мы сможем двигаться днем. В любом случае мы не увидим даже маленьких городов, пока не доберемся до стен Фальшира, и на дороге едва ли будет много людей.

– Если местность будет оставаться такой же, как Стэншир, – сказал Саймон, – мы за весь день не встретим и полдюжины путешественников.

– Может быть. Но, если мы услышим, что к нам приближается большая группа всадников, нам придется съехать с дороги, чтобы не рисковать.

После того как Мириамель сделала последний глоток из меха с водой, наступило молчание, затем она перебралась к приготовленной постели и накрылась плащом.

– Ты не собираешься рассказать мне о цели нашей поездки? – наконец спросил Саймон.

Мириамель почувствовала, что он старается сохранять осторожность, не хочет ее рассердить. Она была тронута его осмотрительностью, но ей стало обидно – Саймон вел себя с ней как с ребенком, склонным к капризам.

– Я не хочу говорить об этом сейчас, Саймон. – Мириамель повернулась к нему спиной, ей не нравилось собственное поведение, но она не хотела делиться с ним своими самыми сокровенными тайнами.

Она слышала, как он забрался в свою постель, а затем услышала тихое ругательство – очевидно, он уже потушил факел, и ему пришлось возвращаться через весь сарай в темноте.

– Не намочи его, – сказала она. – Тогда в следующий раз его будет легче зажечь.

– Конечно, миледи. – Голос Саймона прозвучал обиженно.

Вскоре он вернулся в свою постель.

– Спокойной ночи, Саймон,

– Спокойной ночи. – Он все еще казался рассерженным.

Мириамель лежала в темноте и думала о том, что спросил Саймон. Сможет ли она ему объяснить? Для любого другого ее слова прозвучат как полнейшая глупость – разве не так? Именно Элиас начал эту войну – точнее, она не сомневалась, что развязал ее под влиянием Прайрата, – как сказать Саймону, что ей необходимо увидеть отца и поговорить с ним? Это будет похоже на бред сумасшедшего.

Возможно, так и есть, – мрачно подумала она. – Что, если я себя обманываю? Меня может поймать Прайрат, и я никогда не увижу отца. И что произойдет тогда? Чудовище в красных одеяниях узнает все тайны Джошуа, которые известны мне.

Мириамель содрогнулась. Почему она не рассказала Саймону о своих планах? И, что еще важнее, почему не поделилась ими с дядей Джошуа, прежде чем убежать? Однако то небольшое, что она успела ему сказать, вызвало его гнев и подозрения... но, кто знает, возможно, он был прав. Кто она такая – всего лишь молодая женщина – и может ли она решать, что правильно, а что нет для ее дяди и его последователей? А сейчас она взяла их жизни в свои руки, чтобы удовлетворить собственные прихоти?

Нет, никакие не прихоти. – Мириамель чувствовала себя так, будто она разделилась на две воюющие фракции, как ее отец и дядя, две половины конфликта. Она чувствовала, что рассыпается на части. Но это важно. Никто не может остановить войну, кроме моего отца, и лишь одна я знаю, кто все начал. Но мне так страшно...

Масштаб того, что она уже сделала и что планировала сделать, стал ее одолевать, и внезапно ей показалось, что она задыхается, внутри у нее сейчас что-то сломается – и починить уже не удастся. Она сделала мучительный вдох.

– Мириамель? Мириамель, что случилось?

Она отчаянно пыталась взять себя в руки и не отвечала. Она слышала, как зашевелился Саймон, зашуршала солома.

– У тебя что-то болит? Приснился плохой сон? – Его голос прозвучал совсем рядом, почти возле ее уха.

– Нет, – выдохнула она и заплакала.

Саймон коснулся ее плеча, потом его пальцы осторожно дотронулись до лица.

– Ты плачешь! – удивленно сказал он.

– О... – Она пыталась заговорить. – Я так... я так... *одинока!* Я х-хочу д-домой! – Она села и наклонилась вперед, прижимаясь лицом к влажному плащу на коленях.

Все ее тело содрогнулось от нового приступа рыданий. Одновременно какая-то часть ее сознания стояла сбоку и с отвращением наблюдала за представлением.

Слабая, – сказала ей эта часть. – *Стоит ли удивляться, что ты не получаешь желаемого. Ты слабая.*

– ...Домой? – удивленно повторил Саймон. – Ты хочешь вернуться к Джошуа и остальным?

– Нет, идиот! – Гнев на собственную глупость помог Мириамель справиться с рыданиями, и она смогла говорить. – Я хочу вернуться домой. Хочу, чтобы все стало как прежде!

Саймон в темноте притянул ее к себе. Сначала Мириамель сопротивлялась, но потом позволила себе опустить голову ему на грудь. Все тело у нее болело.

– Я буду тебя защищать, – нежно сказал он. В его голосе появились новые интонации, тихое волнение. – Я позабочусь о тебе Мириамель.

Она оттолкнула его. В луче лунного света, проникшего сквозь приоткрытую дверь сарая, она видела его силуэт со спутанными волосами.

– Мне не нужно, чтобы меня защищали! Я не ребенок. Я лишь хочу, чтобы все стало правильно.

Саймон долго не шевелился, а потом она почувствовала, как он обнял ее за плечи. Его голос оставался тихим, и Мириамель ждала, что сейчас к ней вернется гнев.

– Мне очень жаль, – сказал Саймон. – Мне и самому страшно. Прости.

И, пока он говорил, она вдруг поняла, что рядом с ней Саймон и он ей не враг. Она прижалась к его груди, наслаждаясь теплом и силой, и слезы вновь хлынули из ее глаз.

– Пожалуйста, Мири, – беспомощно сказал он. – Не плачь. – Он обнял ее второй рукой и сильно прижал к себе.

Постепенно слезы иссякли, но Мириамель могла лишь опираться на Саймона, она полностью лишилась сил. Она прижималась к нему, как испуганное животное, ее лицо оказалось у его шеи, и она ощущала щекой биение его пульса.

– О, Саймон, – хрипло прошептала она. – Мне так жаль.

– Мириамель, – начал он и замолчал.

Она почувствовала, как его рука нежно коснулась ее подбородка. Он повернул ее лицо к себе, к своему теплему дыханию. Ей показалось, что он собрался что-то сказать. Слова повисли между ними, дрожащие, произнесенные. Потом она ощутила его губы на своих губах, его борода щекотала ее щеку.

Мгновение Мириамель парила в каком-то удивительном месте, а время остановилось. Она искала убежище, чтобы спрятаться от боли, окружавшей ее, словно буря. Его губы были нежными и осторожными, но рука Саймона, касавшаяся лица, дрожала. Теперь дрожала и сама Мириамель. Ей хотелось упасть в него, нырнуть, как в тихий водоем.

Внезапно перед ней возникла другая картина: граф Аспитис, золотые локоны в свете лампы, он наклоняется над ней. Обнимавшая ее рука внезапно превратилась в коготь.

– Нет, – сказала она, отстраняясь от него. – Нет, Саймон, я не могу.

Он сразу ее отпустил, точно его застали на воровстве.

– Я не...

– Просто оставь меня в покое. – Она услышала собственный голос, ровный и холодный, который совсем не соответствовал вихрю чувств, который ее подхватил. – Я... я просто... – Ей также не хватало слов.

В наступившей тишине послышался какой-то шум. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем Мириамель сообразила, что он доносится снаружи. Испуганно ржали лошади. А через мгновение возле двери треснул сучок.

– Там кто-то есть! – прошептала Мириамель.

Смущение чувств сменилось ледяным страхом.

Саймон ощупью отыскал меч и, сжав рукоять, подошел к двери. Мириамель следовала за ним.

– Открыть дверь? – спросил он.

– Нам не нужно, чтобы нас здесь застали, – быстро прошептала она. – Иначе мы окажемся в ловушке.

После коротких колебаний Саймон распахнул дверь, и снаружи тут же возникло движение. Кто-то убегал, сквозь ночной туман в сторону дороги метнулась тень.

Саймон отбросил мешавший ему плащ и побежал за удалявшейся фигурой.

31. Огненный танец

Саймона переполнял гнев, дикая ярость толкала в спину, точно ураганный ветер. Убегавший мужчина споткнулся, и Саймон начал сокращать разделявшее их расстояние. Он чувствовал себя как Кантака, преследующая маленького зверька.

Ты следил за мной! Следил за мной, попробуй еще?!

Мужчина снова споткнулся. Саймон поднял меч, приготовившись зарубить следившего за ними врага. Еще несколько шагов...

– *Саймон!* – Что-то вцепилось в его рубашку. – Не надо!

Он опустил руку, чтобы сохранить равновесие, меч задел высокую траву и упал на землю. Саймон принялся его искать, но не мог найти в темноте и густой траве. После коротких колебаний он увидел, что тень продолжает убегать. С проклятьем Саймон оставил меч и помчался за ним. Дюжина быстрых шагов, он снова догнал беглеца, схватил его обеими руками, и оба покатались по земле.

– *О, добрый Усирис!* – завыл незнакомец. – *Не сжигай меня! Не нужно меня сжигать!* – Саймон продолжал его удерживать, перехватив руки.

– Что ты делаешь!? – прошипел Саймон. – Зачем нас преследуешь?

– Не сжигайте меня! – кричал мужчина, стараясь отвернуть лицо в сторону и отчаянно размахивая тонкими руками. – Я ни за кем не следил!

К ним подбежала Мириамель, которая держала двумя руками меч Саймона.

– Кто это?

Все еще дрожа от гнева и не понимая, почему он так поступает, Саймон схватил мужчину за ухо, – как часто делала Дракониша Рейчел с одним нерадивым поваренком, – и заставил беглеца повернуть к нему лицо.

Пленник оказался немолодым человеком; Саймон его не знал. Широко раскрытые глаза мужчины быстро моргали.

– Я не хотел ничего плохого, старый Хенвиг не виноват! – сказал он. – Не сжигайте меня!

– Сжигать тебя? Что ты несешь? Почему ты следил за нами?

– Саймон, мы не можем стоять здесь и кричать, – вмешалась Мириамель. – Давай отведем его в сарай.

– Не сжигайте Хенвига!

– Никто никого не собирается сжигать, – проворчал Саймон.

Он поставил старика на ноги и повел к сараю. Несчастный всхлипывал и умолял его пощадить.

Саймон удерживал старика, пока Мириамель пыталась зажечь факел. В конце концов она отбросила его и достала из седельной сумки другой. Когда факел наконец загорелся, Саймон посадил старика спиной к двери, чтобы он больше не пытался сбежать.

– У него нет оружия, – сказал Саймон. – Я проверил карманы.

– Нет, господа, у меня ничего нет. – Теперь Хенвиг уже не казался таким напуганным, но все еще вызывал жалость попытками не сердить Саймона. – Пожалуйста, отпустите меня, и я ничего никому не скажу.

Саймон оглядел его с головы до ног. У старика были мутные глаза, красные щеки и нос настоящего пьяницы. Он испуганно смотрел на факел, словно тот представлял главную опасность. От него не исходило угрозы, но покои доктора Моргенеса, маленькие снаружи и большие внутри, давным-давно научили Саймона, что внешность бывает обманчивой.

– Почему ты следил за нами? – спросил Саймон. – И почему думаешь, что мы намерены тебя сжечь?

– Никого не нужно сжигать, – сказал старик. – Старый Хенвиг не хотел ничего плохого. Он никому не скажет.

– Отвечай на вопрос. Что ты здесь делал?

– Искал место для ночлега, господи. – Старик быстро оглядел сарай. – Я уже бывал здесь один или два раза. Не хотел спать под открытым небом – только не сегодня.

– Ты следил за нами в лесу? Подходил к нашему лагерю прошлой ночью?

Старик посмотрел на него с искренним изумлением:

– В лесу? В Альдхорте? Хенвиг там не бывает. Там страшные звери – плохое место, господи. Не ходите в Альдхорт.

– Я думаю, он говорит правду, – сказала Мириамель. – Скорее всего, он шел сюда, чтобы провести здесь ночь. – Она вытащила из седельной сумки мех с водой и протянула его старику.

Тот с подозрением на нее посмотрел, тогда Мириамель сделала несколько глотков и снова протянула мех старику. Он схватил его и с жадностью начал пить, а потом возмущенно на нее посмотрел, словно его подозрения насчет яда оправдались.

– Вода, – недовольно пробормотал он.

Мириамель удивленно на него взглянула, а Саймон улыбнулся, вытащил другой мех, который Мириамель берегла для особенно холодных ночей или болезненных ушибов и ран, налил в чашку немного красного пердруинского вина и показал старику. Хенвиг протянул дрожавшую руку, но Саймон отвел ее в сторону.

– Сначала ответь на наши вопросы. Ты клянешься, что не искал нас?

Хенвиг энергично затряс головой.

– Я вас раньше никогда не видел. И не вспомню, когда вы уйдете. Даю слово. – Он снова протянул к чашке худые трясущиеся руки.

– Пока нет. Почему ты решил, что мы тебя сожжем?

Старик посмотрел на них, потом перевел взгляд на вино, он явно испытывал противоречивые чувства.

– Думал, что вы Огненные танцоры, – наконец ответил он с очевидной неохотой. – Думал, что меня сожжете, как старого Виклафа, который был Первым молотоносцем.

Саймон недоуменно покачал головой, но Мириамель наклонилась ближе к старику, и на ее лице появились страх и отвращение.

– Огненные танцоры? Здесь Огненные танцоры?

Старик посмотрел на нее так, словно она спросила, умеет ли рыба плавать.

– В городе их полно. Они гнались за мной, гнались за Хенвигом. А я спрятался. – На его лице появилась слабая улыбка, но глаза оставались осторожными и расчетливыми. – Они будут сегодня в каменоломне танцевать и молиться своему Королю Бурь.

– Каменоломня! – выдохнула Мириамель. – Так вот почему там огни!

Саймон по-прежнему не верил старику. Его беспокоило еще что-то, как жужжавшая вокруг головы муха, но он никак не мог понять, что именно.

– Если он говорит правду.

– Я сказал правду, – с неожиданной силой заявил Хенвиг и попытался расправить плечи, глядя на Саймона слезившимися глазами. – Я шел сюда, чтобы немного поспать, но услышал вас. Я подумал, что здесь Огненные танцоры, по ночам они бродят по городу. Люди, у которых есть дома, запирают двери на засовы, но у Хенвига больше нет дома. И я убежал.

– Дай ему вина, Саймон, – сказала Мириамель. – Это жестоко. Он просто напуганный старик.

Саймон скорчил гримасу и протянул Хенвигу чашку. Старик понюхал вино, на его морщинистом лице появился восторг, и он принялся жадно пить.

– Огненные танцоры. – Мириамель обхватила себя руками. – Милосердная Элизия, Саймон, нельзя, чтобы они нас схватили. Они безумны. Они напали на Тиамака в Кванитупуле, и я видела, как они поджигают себя, сгорают и умирают.

Саймон перевел взгляд с Мириамель на Хенвига, который облизывал потрескавшиеся губы языком, как у существа из морской раковины. Ему ужасно хотелось ударить старого пьяницу, хотя тот не сделал ничего плохого. Саймон вдруг вспомнил, как поднял меч и охваченный яростью мог убить несчастного старика. Ему стало стыдно.

Каким бы я был рыцарем, если бы убил жалкого пьяницу?

Но что за жуткое стечение обстоятельств отправило старика пугать лошадей и трещать сучками, когда он держал Мириамель в объятиях? И они целовались! Она, принцесса, красивая Мириамель, поцеловала Саймона!

Он снова перевел взгляд со старика на Мириамель, которая тоже наблюдала за Хенвигом, занятым чашкой с вином, но сейчас посмотрела на Саймона. Даже в свете факела он видел, что она покраснела. Судьба жестока... но ранее она была добра. О, добрая Судьба, о, добрая Удача!

Саймон внезапно рассмеялся. Большая часть его гнева исчезла, как солома на ветру. Самая прелестная девушка в мире, умная и быстрая, – поцеловала его. Назвала по имени! Кончики его пальцев все еще помнили форму ее лица. Какое право он имеет жаловаться?

– Ну, и что теперь будем делать? – спросил он.

Мириамель старалась не смотреть на Саймона.

– Проведем здесь ночь. А утром постараемся уйти от Огненных танцоров как можно дальше.

Саймон бросил взгляд на Хенвига, который с надеждой смотрел на седельные сумки.

– А что с ним? – спросил он.

– Мы позволим ему провести здесь ночь, – ответила Мириамель.

– А если он выпьет все вино и попытается нас задушить, пока мы будем спать? – запротестовал Саймон.

Такие слова о слабом старике звучали глупо, но он хотел снова остаться наедине с Мириамель.

Казалось, она все поняла и была полна решимости этого не допустить.

– Он не станет так поступать, – сказала Мириамель. – Мы будем спать по очереди. Так тебя устраивает, Саймон? Ты сможешь стеречь вино.

Старик переводил взгляд с одного из них на другого, очевидно, пытался понять, где пролегает линия фронта.

– Старый Хенвиг никого не станет тревожить. Вам не нужно бодрствовать, молодые господа. Вы устали. А такой старик, как я, не нуждается в сне. Я буду следить за появлением Огненных танцоров.

Саймон фыркнул:

– Не сомневаюсь, что так и будет. Давай вышвырнем его вон, Мириамель. Если за нами следил не он, у нас нет никаких причин его удерживать.

– Есть очень серьезная причина. Он старик, и ему страшно. Ты забыл, Саймон, я видела Огненных танцоров, а ты – нет. Не будь жестоким только из-за того, что ты в плохом настроении. – Она одарила его суровым взглядом, но ему показалось, что в ее глазах искрился смех.

– Нет, не отправляйте меня к Огненным танцорам, – взмолился Хенвиг. – Они сожгли Виклафа, да, я видел. А он никого не обижал. Они подожгли его на Подвесной дороге и кричали: «Вот, видите, что вас ждет! Всех вас сожгут». – Хенвиг содрогнулся и смолк. Если сначала он оправдывался, то теперь страшная сцена снова появилась у него перед глазами. – Не отсылайте меня, господа. Я не скажу ни слова. – Сейчас его искренность не вызывала ни малейших сомнений.

Саймон перевел взгляд с Мириамель на старика и снова посмотрел на принцессу. Его ловко обошли с фланга.

– Ну, ладно, – проворчал он. – Но я буду стоять первую стражу, старик, и если ты сделаешь хоть что-то подозрительное, то сразу окажешься за дверь – ты и охнуть не успеешь.

Он бросил на Мириамель последний недовольный взгляд и устроился у двери сарая.

Рано утром Саймон проснулся и обнаружил, что старик и Мириамель уже не спят, более того, они мирно о чем-то разговаривали. Саймон подумал, что при свете дня Хенвиг выглядит еще хуже: грязное, морщинистое лицо, а одежда такая рваная и испачканная, что даже нищета не могла служить извинением.

– Ты должен пойти с нами, – говорила Мириамель. – Тогда тебе не будет грозить опасность. В любом случае до тех пор, пока Огненные танцоры не останутся далеко позади.

Старик с сомнением покачал головой.

– В наши дни эти безумцы могут оказаться где угодно.

Саймон сел. Во рту у него пересохло, голова болела, словно именно он был пьяницей.

– Ты что? Мы не можем взять его с собой.

– Я определенно могу, – заявила Мириамель. – Ты меня сопровождаешь, Саймон, но не имеешь права указывать, куда мне следует идти и кто пойдет с нами.

Некоторое время Саймон смотрел на нее, понимая, что у него нет шансов выиграть этот спор, что бы он ни сказал. Он все еще обдумывал ответ, когда Хенвиг избавил его от бессмысленного спора.

– Вы направляетесь в Наббан? – спросил старик. – Я никогда не видел тех мест.

– Мы едем в Фальшир, – ответила Мириамель. – А потом в Долину Асу.

Саймон собрался возразить и сказать, что им не следует делиться с незнакомцем своими планами – и куда только подевалась ее осторожность, о которой она столько говорила раньше? – но старик ахнул. Саймон обернулся, он разозлился при мысли, что старого пьяницу вырвет прямо у них на глазах, но лицо Хенвига исказилось от ужаса.

– В Долину Асу? – Он почти кричал. – Вы сошли с ума? Там же полно призраков! – Он сделал пару шагов к двери и попытался схватиться за ручку, словно два путешественника хотели силой утащить его в жуткое место. – Уж лучше я поползу в каменоломню к Огненным танцорам.

– Что значит полно призраков? – потребовала ответа Мириамель. – Мы слышали о них раньше. Что это значит?

Старик посмотрел на нее, глаза у него закатились, и стали видны белки.

– Призраки, монстры из могил. Ведьмы и тому подобное!

Мириамель пристально на него смотрела. После событий последнего года она уже не могла отбросить подобные предположения, назвав суевериями.

– Мы все равно туда пойдем, – наконец сказала она. – Мы должны. Ты можешь идти с нами столько, сколько захочешь.

Хенвиг с трудом поднялся на ноги.

– Не хочу на запад. Хенвиг останется здесь. У жителей Стэншира еще осталась еда, которой они могут поделиться, даже в такие плохие времена. – Он потряс головой. – Не ходите туда, юная госпожа. Вы были добры ко мне. – И он бросил укоризненный взгляд на Саймона, давая ему понять, как он к нему относится.

Старый пьяница, – с горечью подумал Саймон. – Интересно, кто дал ему вино? И кто не пробил ему голову, когда следовало?

– Идите на юг, там вы будете счастливы, – продолжал Хенвиг, и в его голосе появились умоляющие интонации. – Держитесь подальше от Долины.

– Мы должны туда попасть, – сказала Мириамель. – Но мы не станем заставлять тебя идти с нами.

Хенвиг, который медленно подбирался к двери, остановился, положив руку на стенку, и наклонил голову.

– Я благодарю вас, юная госпожа. Пусть на вас прольется свет Эйдона. – Он помолчал в поисках нужных слов. – Надеюсь, вы благополучно вернетесь назад.

– Спасибо тебе, Хенвиг, – серьезно ответила Мириамель.

Саймон с трудом сдержал стон раздражения, напомнив себе, что рыцарь не строит рожи и не издает непотребных звуков, как поваренок, – в особенности рыцарь, который хочет сохранить добрые отношения со своей леди. Хорошо уже то, что старик не пойдет с ними. Неплохая компенсация за терпение.

Когда они выехали из Стэншира и оказались в сельской местности, снова начался дождь. Сначала он лишь моросил, но к середине утра усилился. Поднялся ветер, который пригоршнями швырял воду им в лицо.

– Это так же плохо, как на лодке во время шторма, – сказала Мириамель.

– Ну, там есть весла, – ответил Саймон. – Скоро они нам понадобятся здесь.

Мириамель рассмеялась и еще ниже опустила капюшон.

От мысли, что ему удалось развеселить Мириамель, Саймону стало теплее. Ему было стыдно из-за того, как он обошелся со стариком; почти сразу после того, как Хенвиг побрел обратно к центру Стэншира, Саймон почувствовал, что его злость исчезла. Теперь он едва ли смог бы объяснить, что в старике вызвало у него тревогу – на самом деле тот ничего плохого не сделал.

Они вернулись на Речную дорогу и поехали вдоль колеи, оставленной проезжавшими фургонами, – впрочем, она превратилась в канавки и ямы, заполненные грязью. Местность стала более дикой. И, хотя фермерские поля вокруг Стэншира заросли сорняками, повсюду виднелись следы деятельности людей: ограды и каменные стены, изредка попадались домики, но по мере того, как они все дальше отъезжали от города, следов цивилизации становилось все меньше.

Это были особенно унылые места. Почти бесконечная зима лишила листвы все деревья, кроме вечнозеленых, но даже сосны и ели выглядели так, словно подверглись особо жестокому обращению. Саймона удивляли кривые стволы и ветви, которые напоминали ему извивавшиеся человеческие тела с фрески часовни в Хейхолте. Он провел много скучных часов в церкви, зачарованно разглядывая сцены пыток и восхищаясь изобретательностью неизвестного художника. Но здесь, в реальном, холодном и сыром мире, скрюченные формы приводили его в уныние. Голые дубы, вязы и ясени тянулись к небу, сжимая и разжимая под порывами ветра ветки, подобные рукам скелетов. Темные тучи казались синяками на мрачном небе, косой дождь, не прекращаясь, поливал покрытые грязью холмы, и Саймону стало казаться, что картины в часовне выглядели более веселыми.

Саймон и Мириамель ехали сквозь бурю, по большей части молча, и Саймона огорчало, что она ни единым словом не обмолвилась про вчерашний поцелуй. Конечно, погода не располагала к подобным разговорам, но Мириамель делала вид, что ничего не произошло, а Саймон не знал, как себя вести: несколько раз он собирался задать ей вопрос, но не мог придумать слов, которые не прозвучали бы глупо при свете дня. Этот поцелуй напомнил ему тот момент, когда он приехал в Джао э-Тинукай'и, оказавшись за границами времени. Возможно, как и путешествие на волшебную гору, в том, что они пережили прошлой ночью, было нечто магическое, обреченное исчезнуть так же быстро, как сосулька на солнце.

Нет. Я не позволю потускнеть чудесному воспоминанию. Я буду помнить об этом всегда... даже если она забудет.

Саймон бросил незаметный взгляд на Мириамель. Большую часть ее лица скрывал капюшон, но он видел нос, часть щеки и острый подбородок. *Она похожа на ситхи*, – подумал он, – *грациозная и красивая и совершенно непостижимая*. Что творится у нее в голове? Вчера

она так к нему прижималась, а теперь молчит, и у него появились сомнения: а было ли что-то между ними? Или он просто сходит с ума? Она ведь ответила на его поцелуй с таким же желанием, какое наполняло его? Саймон совсем немного знал о женщинах и поцелуях, но не мог поверить, что реакция Мириамель ничего не означала.

Почему бы просто не спросить? Я сойду с ума, если не узнаю ответа. А если она посмеется надо мной или рассердится – или забыла?

Мысль о том, что Мириамель, возможно, не испытывала таких же сильных чувств, как он, вызывала у него холодный ужас. Его решимость заставить ее говорить внезапно исчезла. Ему требовалось еще немного подумать.

Но я хочу снова ее поцеловать.

Саймон вздохнул, но громкий шорох дождя заглушал все звуки.

Речная дорога по-прежнему была грязной и практически пустой. Как Саймон и предсказывал, за весь день они встретили менее дюжины путешественников. Лишь один из них сделал больше, чем просто кивнул; он ехал в крытом тентом фургоне со скобяными товарами, который тащила лошадка с шишковатыми коленями. Надеясь хоть что-то узнать о том, что их ждет впереди, Саймон набрался мужества и попросил его остановиться. Лудильщик остался стоять под дождем, явно обрадовавшись возможности поболтать, и сообщил им, что вскоре после заката они доберутся до почтовой станции, рассказал, что покидает Фальшир, в городе тихо, и дела там идут не слишком хорошо. Убедившись, что Мириамель не против, Саймон предложил лудильщику переждать дождь под соснами, неплохо защищавшими от дождя. Они угостили его вином, и, пока их новый знакомый делал несколько добрых глотков, Саймон повторил историю о безработном свечнике.

– Большое вам спасибо. – Лудильщик вернул мех с вином. – Теперь мне стало теплее, да. – Он кивнул. – Вы можете рассчитывать на день святого Таната и святого Эйдона. Удачи вам. Но, если вас интересует мое мнение, я бы не советовал вам ехать западнее Фальшира.

Саймон и Мириамель переглянулись и снова повернулись к путешественнику.

– А почему? – спросил Саймон.

– Говорят, там плохо. – Лудильщик натянуто улыбнулся. – Ну, знаете, обычные истории. Про разбойников. А еще поговаривают, будто в горах происходят странные вещи. – Он пожал плечами.

Саймон попытался узнать подробности, но лудильщик не стал отвечать на его вопросы. Саймон не мог представить лудильщика, который с радостью не прикончил бы мех с вином, развлекая слушателей рассказами о своих путешествиях; был ли этот исключением из правила, или какие-то события произвели на него такое сильное впечатление, что он предпочитал помалкивать, Саймон не знал. Однако лудильщик показался ему разумным человеком.

– Нам нужна лишь крыша над головой и работа со скромной оплатой, ничего больше, – сказал Саймон.

Лудильщик приподнял бровь, глядя на меч Саймона и кольчугу, торчавшую из-под рукавов.

– Вы неплохо вооружены для свечника, сэр, – мягко сказал он. – Думаю, это говорит о том, в каком состоянии сейчас дороги. – Он кивнул с молчаливым одобрением, словно хотел сказать, что не станет задавать лишних вопросов свечнику со снаряжением рыцаря – пусть и бедного рыцаря, одетого достаточно скромно.

Саймон уловил не высказанный вслух намек на то, что он должен вести себя так же, и молча протянул ему руку, когда они вернулись на дорогу и попрощались.

– Вам что-нибудь нужно? – спросил лудильщик, взяв в руки поводья лошади, которая терпеливо стояла под дождем. – У меня есть кое-что на продажу – немного овощей, металла... гвозди для подков...

Саймон ответил, что у них есть все необходимое, чтобы добраться до Фальшира, он сомневался, что в промокшем фургоне найдутся нужные им вещи. Однако Мириамель заходила взглянуть на овощи и выбрала несколько длинных тонких морковок и четыре коричневые луковицы, заплатив за них медной монеткой. Потом они попрощались с лудильщиком, и он покатил по грязной дороге на восток.

Серый день клонился к вечеру, но дождь не прекращался, и Саймон устал от бесконечного стука по голове.

Как жаль, что я не сообразил захватить шлем, – подумал он. – Впрочем, наверное, это то же самое, что сидеть под ведром, когда кто-то швыряет в него камешки – тук, тук, тук, пока ты не сойдешь с ума.

Чтобы развлечь Мириамель, он решил спеть ей «Бадульф и заблудившаяся телка», которой его научил конюх Шем. Речь там шла о буре, и песня показалась Саймону вполне подходящей, но большая часть слов вылетела у него из головы, к тому же, когда он попытался пропеть то, что помнил, ветер с такой силой стал бросать воду ему в лицо, что он едва не задохнулся. И дальше они ехали молча.

Солнце, которое они не видели весь день, спряталось за край мира, и вокруг воцарилась непроглядная темнота. Они ехали дальше, дождь становился все холоднее, и вскоре у них начали стучать зубы, а руки, сжимавшие поводья, онемели. Саймон уже начал сомневаться, что лудильщик сказал правду про почтовую станцию, когда они ее увидели.

Оказалось, что это обычный сарай, четыре стены, крыша с дырой для дыма и каменный круг на полу для очага. Позади имелся навес для лошадей, но Саймон расседлал их и отвел в рощу, где деревья защищали от дождя, и они могли пощипать редкую траву.

Последний, кто побывал на станции – Саймон решил, что это был их знакомый лудильщик, – оказался достойным и благородным человеком и принес свежий хворост перед тем, как уехать. Саймон не сомневался, что его собрали недавно – он еще не высох, и ему не сразу удалось развести костер: он трижды начинал все заново, прежде чем сырые ветки разгорелись. Они с Мириамель приготовили похлебку с морковкой, одной луковицей, добавив в нее муку и остатки вяленого мяса из запасов Мириамель.

– Горячая еда, – провозгласил Саймон, облизывая пальцы, – замечательно! – Он облизал миску.

– Ты испачкал бороду, – сурово сказала Мириамель.

Саймон распахнул дверь, выставил наружу сложенные ладони и набрал воды. Часть он выпил, остальным вымыл лицо и бороду.

– Так лучше? – спросил он.

– Наверное, – ответила Мириамель и принялась раскладывать постель.

Саймон встал, удовлетворенно поглаживая живот, потом принес свою постель и разложил рядом с Мириамель. Несколько мгновений она молча на него смотрела; затем, так же молча, перебралась на другую сторону костра, положив на пол между ними несколько вязанок сена.

Саймон поджал губы.

– Мы будем стоять на страже по очереди? – спросил он. – На дверях нет засова.

– Это разумно, – ответила Мириамель. – Кто первый?

– Я. Мне нужно о многом подумать.

Его тон заставил Мириамель поднять голову, и некоторое время она с опаской на него смотрела, словно он сделал что-то пугающее.

– Хорошо. Разбуди меня, когда устанешь.

– Я и сейчас устал. Ты тоже. Спи. Я тебя разбужу, когда ты немного поспишь.

Мириамель не стала возражать, улеглась, закуталась в плащ и закрыла глаза. В их убежище воцарилась тишина, если не считать стука дождя по крыше. Саймон довольно долго сидел неподвижно, глядя на мерцавшие блики костра на бледном спокойном лице Мириамель.

* * *

Примерно около полуночи Саймон обнаружил, что начал засыпать. Он сел, потряс головой и прислушался. Дождь прекратился, но вода все еще капала с крыши на землю.

Он подполз к Мириамель, собираясь разбудить, но помедлил, глядя на нее в красном свете умиравших углей. Она повернулась во сне, и плащ, служивший одеялом, сполз в сторону, а рубашка выбилась из мужских штанов, которые она носила, – в результате обнажилась белая кожа и изгиб нижней части ребер. Саймон почувствовал, как задрожало у него в груди сердце, ему отчаянно захотелось до нее дотронуться.

Его рука, словно по собственному желанию, потянулась к ней; пальцы, нежные, точно бабочки, коснулись кожи. Она оказалась прохладной и гладкой. Саймон почувствовал, что у нее появились мурашки.

Мириамель что-то недовольно пробормотала во сне, словно бабочки превратились в неприятных насекомых, и Саймон быстро убрал руку.

Он немного посидел, пытаясь восстановить дыхание, чувствуя себя вором, которого едва не застали на месте преступления. Наконец он снова протянул руку, но коснулся плеча и осторожно его сжал.

– Мириамель. Проснись, Мириамель.

Она что-то проворчала и повернулась к нему спиной. Саймон снова встряхнул ее, на этот раз сильнее. Она запротестовала, и ее пальцы принялись безуспешно искать плащ, словно она надеялась найти защиту от жестокого призрака, который на нее напал.

– Давай, Мириамель, твоя очередь стоять на страже.

Но принцесса крепко спала. Саймон наклонился к самому уху Мириамель.

– Просыпайся. Время пришло. – Ее волосы оказались совсем рядом с его щекой.

По губам Мириамель пробежала быстрая улыбка, словно кто-то пошутил, но она так и не открыла глаза. Саймон лег рядом и несколько долгих мгновений смотрел на изгиб ее щеки, сиявшей в тусклом красном свете. Его рука скользнула по ее плечу к талии, он прижался грудью к спине Мириамель, и ее волосы упали ему на щеку. Она удовлетворенно вздохнула, слегка к нему придвинулась и снова затихла. Саймон затаил дыхание, опасаясь, что она проснется, он закашляется или чихнет и испортит замечательный момент. Он ощущал, как тепло разлилось по всему его телу. Мириамель была намного меньше, чем он, и он мог бы прикрыть ее собой, как доспехами. Он подумал, что готов лежать так вечно.

Пока они прижимались друг к другу, как два котенка, Саймон заснул. Он забыл, что должен охранять их сон, все разумные мысли исчезли у него из головы, точно листок, унесенный течением реки.

Саймон проснулся один. Мириамель вышла наружу и веткой без листьев чистила свою лошадь. Когда она вернулась, они позавтракали хлебом и водой. Мириамель ничего не сказала о прошедшей ночи, но Саймону показалось, что она стала вести себя не так холодно, как раньше, словно часть льда растопилась, пока они спали рядом.

Они еще шесть дней ехали по Речной дороге, но монотонные дожди, превращавшие ее в жидкую грязь, замедляли продвижение вперед. Погода была такой отвратительной, а дорога совершенно пустой, что Мириамель почти перестала опасаться, что их обнаружат, хотя продолжала прятать лицо, когда они проезжали через небольшие городки вроде Брегсхейма и Гарвинсволда. Они ночевали на почтовых станциях или под прохудившимися крышами придорожных храмов, когда они сидели рядом после ужина и перед сном, Мириамель рассказывала

Саймону истории из своего детства в Мермунде. В ответ он вспоминал дни, проведенные среди поварят и горничных; но постепенно стал все больше говорить о времени с доктором Моргенесом, стариком с удивительным чувством юмора и редкими вспышками темперамента, о его презрении к тем, кто не задавал вопросов, и умении радоваться жизненным трудностям.

В ночь после того, как они миновали Гарвинсволд, Саймон неожиданно заплакал, когда рассказывал, как однажды Моргенес поведал ему о чудесах улья. Мириамель с удивлением смотрела, как он старался взять себя в руки; потом бросала на него странные взгляды – прежде Саймон не замечал ничего похожего, и, хотя сначала ему стало стыдно, он не видел презрения на ее лице.

– Я мечтал о том, чтобы он оказался моим дедом или отцом, – как-то сказал Саймон, когда они уже улеглись спать. Хотя Мириамель, как обычно, расположилась на расстоянии вытянутой руки, у него появилось ощущение, что она ближе, чем в любую ночь с того момента, как они поцеловались. Конечно, один раз он ее обнимал, но она спала. Теперь Мириамель лежала рядом в темноте, и ему казалось, что между ними установилось понимание. – Он был так добр ко мне. Мне очень жаль, что он умер.

– Он был хорошим человеком.

– Нет, больше, чем просто хорошим, – возразил Саймон. – Он... вел себя как человек, который делает то, что необходимо. – Саймон почувствовал, как у него перехватило в горле. – Он умер, чтобы мы с Джошуа могли спастись. Он обращался со мной... как будто я был его сыном. Так неправильно, ему не следовало умирать.

– Никто не должен умирать, – медленно проговорила Мириамель. – В особенности если они живы.

Некоторое время удивленный Саймон лежал молча. Прежде чем он успел спросить, что она имела в виду, он почувствовал, как ее прохладные пальцы коснулись его руки, а потом устроились в ладони.

– Хороших снов, – прошептала она.

Когда его сердце успокоилось, Мириамель все еще не забрала руку. Наконец ему удалось заснуть, но он продолжал осторожно, словно крошечного птенца, сжимать ее пальцы.

Им мешали не только дождь и серый туман. Сама земля, измученная плохой погодой, казалась почти безжизненной, унылой, точно пейзаж из камней, костей и паутины. Жители городов выглядели уставшими и напуганными, они даже не проявляли любопытства или подозрительности, с какими обычно относились к появлению незнакомцев. По ночам они закрывали ставни, и грязные улицы пустели. Саймону представлялось, будто они проезжают через призрачные деревни, настоящие обитатели которых давно уехали, оставив лишь иллюзорные тени прошлых поколений, обреченных на утомительное и бесцельное блуждание по семейным домам.

Ближе к вечеру седьмого, такого же мрачного дня в Стэншире Саймон и Мириамель обогнули излучину реки и увидели на западном горизонте массивную крепость замка Фальшир. Прежде холм, на котором он стоял, точно королевская мантия, покрывала зеленая трава, но сейчас, несмотря на сильные дожди, поля на холме оставались голыми и бесплодными, а возле вершины виднелись пятна снега. У подножия, на обоих берегах реки, главной жизненной артерии, расположился окруженный стенами город. Из доков корабли, нагруженные шкурами и шерстью, направлялись в Кинслаг и дальше, а возвращались с золотом и другими товарами, которые уже давно сделали Фальшир одним из самых богатых городов Светлого Арда и вторым по важности после Эрчестера.

– Прежде замок принадлежал Фенгболду, – сказала Мириамель. – Подумать только, отец хотел выдать меня за него замуж! Интересно, кто из его семьи теперь здесь всем управляет? – Она нахмурилась. – Если новый правитель города похож на прежнего, я надеюсь, что все здесь придет в негодность.

Саймон вглядывался в рассеянный западный свет, который превращал замок в черный утес необычной формы, а затем указал в сторону города внизу, чтобы отвлечь ее внимание.

– У нас есть шанс прибыть в Фальшир до заката. И тогда мы сможем рассчитывать на настоящий ужин.

– Мужчины всегда думают о желудке, – проворчала Мириамель.

Саймон посчитал такую оценку несправедливой, но ему понравилось, что его назвали мужчиной, – поэтому он улыбнулся.

– Ну, а что ты скажешь о том, чтобы провести ночь на постоялом дворе, в сухой постели? Мириамель покачала головой.

– Нам везет, Саймон, но мы с каждым днем все ближе к Хейхолту. Я много раз бывала в Фальшире. Весьма вероятно, что кто-то меня узнает.

Саймон вздохнул:

– Ладно. Но ты не против, если я куда-нибудь зайду и куплю нам еды, как в Стэншире?

– Если только мне не придется ждать тебя всю ночь. Быть женой бедного свечника не самая лучшая участь, не говоря уже о том, чтобы торчать под дождем, пока муж прихлебывает эль у горячего очага.

Саймон усмехнулся:

– Бедная жена свечника.

Мириамель бросила на него суровый взгляд.

– Бедным будет свечник, если рассердит жену, – заявила она.

Постоялый двор назывался «Смоляная бочка», внутри ярко горели факелы, словно был какой-то праздник, но, когда Саймон туда заглянул, настроение посетителей не показалось ему веселым. Народу собралось довольно много, две или три дюжины человек, но они так тихо разговаривали, что Саймон слышал, как с плащей, висевших у двери, на пол падает вода.

Он прошел между занятыми скамейками к задней части зала, головы поворачивались в его сторону, а разговоры немного оживились, но он старался ни с кем не встречаться глазами. Худой мужчина с редящими волосами, лицо которого лоснилось от пота – рядом пылал очаг, – посмотрел на нового посетителя.

– Да? Тебе нужна комната? – Он посмотрел на потрепанную одежду Саймона. – Два квиниса за ночь.

– Два куса баранины и хлеб. Ну, и немного эля. Снаружи меня ждет жена. Нам нужно ехать дальше.

Хозяин крикнул кому-то, чтобы тот немного подождал, и с подозрением посмотрел на Саймона:

– Тебе потребуется собственный кувшин, моя посуда за порог не выходит. – Саймон показал ему свой кувшин, и хозяин кивнул. – Шесть квинисов за все. Расчет сразу.

С некоторым неудовольствием Саймон бросил монеты на стол. Хозяин взял их, внимательно осмотрел, отправил в карман и отошел.

Саймон повернулся и окинул взглядом зал. Большинство посетителей были довольно бедно одетыми фальширцами. Саймон увидел всего несколько человек, похожих на путешественников, несмотря на то что постоялый двор находился совсем рядом с городскими воротами и Речной дорогой. Некоторые поглядывали в его сторону, но он не заметил злобы или любопытства. Жители Фальшира, если считать этот постоялый двор типичным, казалось, имели очень много общего с овцами, которых они выращивали и стригли.

Саймон повернул голову, чтобы посмотреть на хозяина, когда почувствовал внезапное движение в зале. Возможно, фальширцы заинтересовались его появлением больше, чем ему показалось сначала. Потом он почувствовал, как холодный воздух коснулся его шеи.

Дверь гостиницы распахнулась, и на фоне лившейся с крыши воды на пороге возникли три фигуры в белых балахонах, они спокойно смотрели на посетителей, и Саймон увидел, как

все как-то сжались, принялись незаметно обмениваться взглядами, разговоры стали тише или громче. А некоторые сразу потянулись к выходу.

У Саймона возникло такое же желание.

«*Должно быть, это Огненные танцоры*», – подумал он, и сердце быстрее забилось у него в груди. Видели ли они Мириамель? Впрочем, чем она могла их заинтересовать?

Саймон оперся спиной о длинный стол и принялся со спокойным интересом разглядывать вновь прибывших. Двое из них были крупными и мускулистыми, как докеры, работавшие у Морских ворот Хейхолта, оба держали в руках посохи, больше подходившие для драки, чем ходьбы. Третий, старше своих спутников, очевидный вожак, маленький, толстый, с бычьей шеей, поигрывал длинной дубинкой. Когда он снял капюшон, его почти квадратная лысая голова заблестела в свете факелов. Саймон сразу обратил внимание на его умные свинячьи глаза.

Шум разговоров стал обычным, но, когда три Огненных танцора медленно шли через зал, многие украдкой бросали на них взгляды. Мужчины в белом явно кого-то искали, и Саймон почувствовал беспомощный страх, когда на нем остановились темные глаза вожака, но тот лишь приподнял бровь, посмотрев на меч Саймона, и тут же перевел взгляд на кого-то другого.

Саймон почувствовал облегчение. Очевидно, он их не заинтересовал. Он повернулся к стойке и увидел, что хозяин постоянного двора стоит рядом, держа в руках старое деревянное блюдо. Саймон взял баранину и хлеб и завернул их в платок, а хозяин наполнил элем его кувшин. Несмотря на то что это требовало внимания, он не спускал глаз с трех мужчин в белых балахонах и в ответ на вежливую благодарность Саймона пробурчал что-то невнятное. Саймон радовался тому, что может уйти.

Когда он распахнул дверь, он сразу заметил бледное, встревоженное лицо Мириамель, стоявшей в тени на противоположной стороне улицы. И тут у него за спиной послышался громкий насмешливый голос:

– Ты и в *самом деле* думал, что можешь уйти, а мы ничего не заметим?

Саймон застыл в дверном проеме, а потом медленно повернулся. В одной руке он держал сверток с мясом и хлебом, в другой – так что рука для меча была занята – эль. Он раздумывал, как поступить – швырнуть кувшин в Огненных танцоров и потом обнажить меч? Эйстан немного учил его драться в тавернах, хотя главная рекомендация эркингарда состояла в том, чтобы их избегать.

Саймон повернулся, ожидая увидеть множество лиц, направленных в его сторону и угрожавших ему Огненным танцоров, но, к собственному удивлению, обнаружил, что никто не обращает на него внимания. Три человека в белых балахонах остановились у скамьи, находившейся дальше всего от огня, – на ней сидели двое, мужчина и женщина средних лет, которые с ужасом смотрели на Огненных танцоров.

Вожак с дубинкой наклонился вперед, его голова, похожая на камень катапульты, оказалась почти на одном уровне со столом, и, хотя поза предполагала сдержанность, голос разнесся по всему залу:

– Вы пойдете с нами. Вы же не думали, что сможете просто уйти, верно?

– М-Мэйфвару, – запинаясь, заговорил мужчина, – мы не можем... мы думали, что...

Огненный танцор положил тяжелую руку на стол, заставив его замолчать.

– Это не та верность, которой ожидает Король Бурь. – Он говорил негромко, но Саймон, стоявший у двери, слышал каждое слово. Остальные молча смотрели на Огненного танцора. – Мы обязаны ему нашими жизнями, потому что он одарил нас видением того, каким должен быть мир, – и дал шанс стать его частью. Вы не можете повернуться к нему спиной.

Губы мужчины шевелились, но он не мог произнести ни слова. Его жена также молчала, но по ее лицу бежали слезы, а плечи дрожали. Очевидно, встреча с Огненными танцорами вызывала настоящий ужас.

– Саймон!

Он повернулся. Мириамель находилась в нескольких шагах от него, посреди дороги.

– Что ты делаешь?? – громким шепотом спросила она.

– Подожди.

– Саймон, здесь Огненные танцоры! Неужели ты их не видишь?!

Он поднял руку, чтобы ее остановить, и повернулся лицом к залу. Два больших Огненных танцора заставили мужчину и женщину встать, а когда оказалось, что ноги не держат женщину, потащили ее по деревянному полу. Теперь она уже громко плакала, а ее спутник лишь смотрел вниз и что-то бормотал.

Саймон почувствовал, как в нем закипает гнев. Почему никто не пришел к ним на помощь? В зале сидели почти три дюжины человек, а Огненных танцоров всего трое.

Мириамель потянула его за рукав.

– Какие-то проблемы? Идем, Саймон, нам пора уходить!

– Я не могу, – тихо, но упрямо ответил он. – Они уводят куда-то двух человек.

– Мы не можем допустить, чтобы нас поймали, Саймон, сейчас не время геройствовать.

– Я не хочу, чтобы они забрали этих людей, Мириамель. – Он молился о том, чтобы кто-то из посетителей встал и оказал сопротивление Огненным танцорам.

Но Мириамель была права: они не могли позволить себе совершать безрассудные поступки. Но люди лишь перешептывались и смотрели.

Проклиная себя за глупость, а Бога и Судьбу за то, что они поставили его в такое ужасное положение, Саймон высвободил рукав из руки Мириамель, шагнул обратно в зал, аккуратно поставил пакет и кувшин у стены и положил ладонь на рукоять меча, который ему дал Джошуа.

– Остановитесь! – громко сказал он.

– Саймон!

Вот теперь все головы повернулись в его сторону. Последним на него обратил внимание вожак. Хотя он был лишь немногим ниже среднего мужчины, он сильно напоминал гнома с непомерно большой головой. Крошечные глазки уставились на Саймона, и на сей раз в них появилось новое выражение.

– Что? Остановитесь, ты сказал? Что остановить?

– Я не думаю, что эти люди хотят с тобой идти. – Саймон обратился к пленнику, который слабо сопротивлялся в руках одного из громадных Огненных танцоров. – Ведь так?

Глаза мужчины метались между Саймоном и вожаком. Наконец он с несчастным видом покачал головой. В этот момент Саймон понял, что мужчина испытывает почти непреодолимый страх и рискует сделать свое положение отчаянным – не особенно рассчитывая на помощь Саймона.

– Вот видите? – Саймон с переменным успехом старался говорить спокойно. – Они не хотят идти с вами. Отпустите их.

Сердце отчаянно колотилось у него в груди, а собственные слова казались какими-то формальными, даже высокопарными, словно это была легенда Таллистро или хроники чьего-то воображаемого героизма.

Лысый мужчина оглядел зал, словно оценивая, многие ли готовы присоединиться к Саймону. Больше никто не двинулся; казалось, все затаили дыхание. Огненный танцор повернулся к Саймону, и на его толстых губах появилась улыбка:

– Они нарушили нашу клятву Повелителю. Тебя это не касается.

Саймон почувствовал, что им овладевает ярость. Он видел достаточно запугиваний и преступлений по всему Эркинланду, которые совершались именем короля или жестокостью Прайрата. Он сильнее сжал рукоять меча.

– Нет, теперь касается. Отпустите этих людей и уходите, – заявил Саймон.

Не вступая в дальнейшие споры, вожак произнес единственное слово помощнику, который тут же отпустил женщину – она повалилась на стол и сбросила с него миску – и прыгнул к Саймону, а его длинный посох описал широкую дугу. Несколько человек испуганно закричали. Саймон на мгновение застыл, он успел лишь наполовину вытащить меч из ножен.

Идиот! Олух!

Он упал на пол, и посох просвистел у него над головой, смахнув на пол несколько висевших у входа плащей и запутавшись в одном из них. Саймон воспользовался моментом и прыгнул в ноги противнику. Оба повалились на пол, меч Саймона вылетел из ножен и упал на пол. Саймон ушиб плечо, его противник был тяжелым и мускулистым, он сумел высвободить свое оружие и ударил посохом Саймона по ноге, боль оказалась такой же острой, как от раны ножом. Саймон покатился к мечу и ощутил огромное облегчение, сжав его рукоять. Громила уже двигался к нему, и его посох метался из стороны в сторону, точно атакующая змея. Краем глаза Саймон увидел, что второй Огненный танцор направился в его сторону.

Все по порядку, – успел подумать он – так всегда говорила ему Рейчел, когда ему приходилось выполнять какие-то поручения, а хотелось взобраться на дерево или поиграть. Он встал, принял боевую стойку, держа перед собой меч, и отбил удар первого Огненного танцора. Сейчас, посреди шума и паники, он не мог вспомнить все, чему его учили, но с облегчением понял, что до тех пор, пока сможет держать меч между собой и Огненным танцором, врагу до него не добраться. Но что делать после того, как в атаку пойдет второй?

Через мгновение он получил ответ, когда краем глаза уловил стремительное движение и был вынужден уйти в сторону. Посох второго противника пролетел мимо и задел первого. Саймон, не поворачиваясь, отступил на шаг и нанес размашистый удар мечом, достал руку оказавшегося у него за спиной врага, тот закричал от боли, уронил посох и отскочил к двери, зажимая рану другой рукой. Саймон вновь обратил внимание на первого громилу, рассчитывая, что второй если и не побежден, то выведен из строя хотя бы на несколько важнейших мгновений. Между тем первый Огненный танцор понял, что ему не следует подходить слишком близко, и попытался наносить удары концом посоха, чтобы заставить Саймона перейти к защите.

Неожиданно сзади послышался грохот, и от неожиданности Саймон едва не потерял из виду первого врага. Тот тут же обрушил удар ему на голову, но Саймон успел отбить его клинком, а когда Огненный танцор снова поднял посох, Саймон резко вскинул меч вверх, посох отлетел в сторону, задел потолочную балку и застрял в соломе. Огненный танцор удивленно на него посмотрел, в этот момент Саймон сделал шаг вперед, всадил меч ему в живот и сразу попытался его вытащить, понимая, что второй противник или вожак могут его атаковать.

Что-то ударило его сбоку, отбросив на стол, и на мгновение он оказался рядом с удивленным лицом одного из посетителей, моментально развернулся и увидел, что его толкнул лысый Мэйфвару, который пробирался между столами к двери; он даже не остановился, чтобы посмотреть на своих помощников – того, которого Саймон убил, или того, кто в странной позе лежал у двери.

– Это не будет легко, – закричал Мэйфвару через дверной проем и исчез в темной дождливой ночи.

Через мгновение в зал вошла Мириамель. Она посмотрела на лежавшего на полу Огненного танцора, которого Саймон ранил в руку.

– Я разбила кувшин о его голову, – сказала она, слегка задыхаясь. – Но я думаю, что тот, который сейчас выбежал из гостиницы, скоро вернется со своими друзьями. Проклятье, я не нашла ничего подходящего, чтобы его ударить. Нам нужно бежать.

– Лошади, – спросил Саймон, – они?..

– В двух шагах, – ответила Мириамель. – Пошли.

Саймон наклонился и поднял сверток с едой, лежавший на полу. Ткань намочла от эля, который выплеснулся из кувшина, осколки валялись возле неподвижного Огненного танцора.

Он оглядел зал, мужчина и женщина, которых хотели увести Мэйфвару и его подручные, стояли у дальней стены, ошеломленно глядя на Саймона и Мириамель, как, впрочем, и все посетители таверны.

– Вам также лучше отсюда уйти, – сказал он им. – Лысый скоро вернется и приведет с собой подмогу. Бегите!

Все не сводили с него глаз. Саймон хотел сказать что-нибудь умное и смелое – герои всегда так поступают, – но ничего не сумел придумать. Кроме того, он видел, что на его мече осталась настоящая кровь, и его едва не вырвало. Он поспешил за Мириамель к двери, оставив два тела и полный зал ошеломленных людей, которые молча смотрели им вслед.

32. Круг сужается

Метель начала слабеть, но ветер продолжал яростно дуть вдоль склона холма под Наглимундом, завывая в зубцах разбитой стены. Граф Эoleyр направил своего скакуна к лошади Мегвин, ему хотелось как-то ее защитить – и не только от холода, но и ужаса голых каменных башен, в окнах которых мерцал свет.

Йизаши Серое Копье, держа копье одной рукой, выехал вперед из рядов ситхи и поднял другую руку с зажатым в ней серебряным жезлом. Он описал им широкую дугу, вызвав громкий музыкальный звук, в котором было что-то металлическое, и серебряный жезл открылся, как женский веер, превратившись в блестящий полукруглый щит.

– *А йа'эй г'ейсу!* – закричал он в сторону молчаливой громады крепости. – *Яс'а при джосшой-пурна!*¹

Свет в окнах Наглимунда заметался, точно пламя свечей на ветру, и внутри зашевелились тени. Эoleyром овладело почти непреодолимое желание развернуться и умчаться прочь. Это место перестало принадлежать людям, а ядовитый ужас, который он ощущал, не имел ничего общего со страхом, возникающим перед человеческим сражением. Он повернулся к Мегвин. Ее глаза были закрыты, губы безмолвно шевелились. Эoleyр видел, что Изорну также не по себе, и, когда граф посмотрел назад, побелевшие эрнистирийцы с широко раскрытыми глазами и ртами походили на выстроившихся мертвецов.

Да хранит нас Бриниох, – в отчаянии подумал граф, – *мы не должны здесь находиться. Они мгновенно разбегутся, если я совершу ошибку.*

Он, не торопясь, обнажил меч, поднял его над головой, показывая своим людям, а потом опустил вдоль тела. Незначительная демонстрация смелости, но уже что-то.

Затем вперед выступили Джирики и его мать Ликимейя, которые остановились по обе стороны от Йизаши, они шепотом обменялись несколькими словами, Ликимейя прищипорила лошадь, выехала на несколько шагов вперед и совершенно неожиданно запела.

Ее голос, сначала слабый на фоне завывавшего ветра, постепенно набирал силу. Непостижимый язык ситхи тек легко и свободно, словно теплое масло из кувшина, несмотря на щелканье и некоторую невнятицу. Песня взмывала ввысь, опускалась и снова поднималась, с каждым мгновением обретая новое могущество. Хотя Эoleyр не понимал слов, в них слышалось нечто обличительное и бросающее вызов. Голос Ликимейи звучал точно медный рог герольда, и, как в зове рога, на фоне музыки проступал металл.

– Что происходит? – прошептал Изорн.

Эoleyр жестом призвал его к молчанию.

Казалось, туман перед стенами Наглимунда сгустился еще сильнее, словно закончился один сон и начался другой. Что-то изменилось в голосе Ликимейи, и Эoleyру потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что ситхи поет ту же песню, но к ней присоединился еще один голос. Сначала новая мелодия почти не отличалась от песни вызова и была такой же мощной, как у Ликимейи, но там, где у нее звучал металл, появились камень и лед. Через некоторое время второй голос стал вести другую мелодию, вплетая диковинные узоры филигранной работы в колокольные звуки Ликимейи, и кожа графа Над-Муллага натянулась, волосы на всем теле, даже под одеждой, встали дыбом.

Эoleyр поднял взгляд, и сердце у него забилось быстрее.

В тусклом тумане над стеной замка появилась слабая черная тень. Она постепенно поднималась вверх, словно ею двигала чья-то рука. *Она размером с человека,* – подумал Эoleyр, но туман слегка искажал очертания, и в какие-то моменты тень казалась больше, а в следующие

¹ Эй вы, трусы! Волны вас не понесут!

щие – меньше и тоньше любого живого существа. Диковинное видение, одетое в черный плащ, смотрело на них сверху вниз, его лицо оставалось неразличимым под большим капюшоном, но Эoleyру не требовалось его видеть, чтобы понять, где находился источник высокого ледяного голоса.

В течение долгих мгновений непонятное существо стояло в мерцавшем тумане над стеной, выводя собственные мелодии над песней Ликимейи. Наконец, словно по общему согласию, оба замолчали.

Ликимейя нарушила молчание и произнесла несколько слов на языке ситхи. Черная тень ответила, и слова зазвенели, точно осколки зазубренного кремня, однако Эoleyр понял, что они те же, разница лишь в ритме и резкости речи существа в черном плаще. Разговор казался бесконечным.

Эoleyр почувствовал рядом какое-то движение и вздрогнул, а его лошадь взбила копытом снег. К смертным подъехала госпожа преданий Зиньяда, обладательница голубых волос.

– Они говорят о Договоре на Сесуад’ре. – Глаза Зиньяды неотрывно наблюдали за Ликимейей и ее собеседником. – О старых несчастьях и утренних песнях, которые сейчас прозвучали.

– Зачем столько разговоров? – отрывисто спросил Изорн. – Ожидание ужасно.

– Таковы наши обычаи. – Зиньяда поджала губы; ее худое лицо казалось высеченным из бледно-золотого камня. – Впрочем, традиции нарушены со смертью Амерасу.

Больше Зиньяда ничего не сказала, и Эoleyру оставалось лишь ждать, преодолевая страх и жуткую скуку, пока шел обмен вызовами.

Наконец существо на стене на несколько мгновений отвлеклось от Ликимейи, и его глаза загорелись, когда оно посмотрело на несколько десятков эрнистирийцев. Широким движением бродячего актера черная тень в плаще отбросила назад капюшон, открыв снежно-белое лицо и тонкие бесцветные волосы – ветер сразу их подхватил и, словно морские водоросли, разметал в разные стороны.

– *Шу’до-тжайха!* – сказал норн, и в его голосе послышалось нечто сродни ликованию. – Смертные! Они еще станут причиной гибели твоей семьи, Ликимейя Лунные Глаза! – Он, если это был он, говорил на вестерлинге с жесткой четкостью охотника, имитирующего предсмертный крик кролика. – Неужели ты настолько слаба, что призвала на помощь чернь? Едва ли это похоже на огромную армию Синнаха!

– Ты захватил замок смертных, – холодно ответила Ликимейя. Рядом с ней неподвижно сидел на лошади Джирики, и его худощавое лицо застыло, не выдавая ни единой эмоции; Эoleyр вновь подумал, что ему никогда не понять ситхи. – Твой господин и госпожа вмешались в распри смертных. Так что тебе нечем хвастаться.

Норн рассмеялся, и этот звук был подобен скрежету ногтей по сланцу.

– Да, мы их используем. Они крысы, забравшиеся в стены нашего дома, – мы можем содрать с них кожу на перчатки, но мы не приглашаем их за наш стол! Они ваша слабость, такая же, как была у Амерасу Рожденной на корабле.

– Не говори о ней! – закричал Джирики. – Твой рот слишком отвратителен, чтобы проносить ее имя, Ахенаби.

Тот, кого Джирики называл Ахенаби, улыбнулся:

– О, малыш Джирики. Я слышал истории о *твоих* приключениях – или вмешательстве. Тебе бы следовало перебраться к нам, в наши холодные земли. Тогда ты обрел бы силу, какой у тебя нет. Терпимость к смертным – непростительная слабость и одна из причин, по которым твоя семья стала беспутной, в то время как моя еще более стойкой и непреклонной, способной сделать все, что потребуется. – Норн повернулся и поднял голову, теперь он обращался к Эoleyру и нервно шептавшимся между собой эрнистирийцам. – Смертные! Вы рискуете больше чем жизнью, сражаясь бок о бок с бессмертными. Вы рискуете своими душами!

Эoleyр услышал испуганные восклицания у себя за спиной, пришпорил лошадь и выехал вперед на несколько шагов, высоко подняв меч.

– Пустые угрозы, – крикнул он. – Делай, что сможешь! Но наши души останутся с нами!

– Граф Эoleyр! – позвала Мегвин. – Нет! Это Скадах, Дыра в небесах! Не подходи ближе!

Ахенаби наклонился вниз, не спуская с графа черных круглых глаз:

– Капитан смертных, не так ли? Что ж, человечек, если ты не боишься за себя или свою армию, как насчет смертных пленников за этими стенами?

– Что ты имеешь в виду? – крикнул Эoleyр.

Ахенаби повернулся и поднял обе руки. Через мгновение на стене рядом с ним появились еще две фигуры. Хотя обе были в тяжелых плащах, их неуклюжие движения говорили о том, что это не норны, обладающие изяществом пауков.

– Вот некоторые из твоих собратьев! – возвестил Ахенаби. – Они наши гости. Хочешь увидеть, как они умрут ради твоих бессмертных союзников?

Два пленника стояли молча, поникшие и безвольные. По их лицам под капюшонами Эoleyр видел, что это люди, а не Садорожденные, и ощутил беспомощную ярость.

– Отпусти их! – крикнул Эoleyр.

Довольный норн рассмеялся:

– О нет, маленький смертный. Наши гости получают здесь огромное удовольствие. Хочешь увидеть, как они радуются? Может быть, они для тебя станцуют? – Он поднял руку и сделал широкий жест.

Оба пленника начали медленно кружиться, раскачиваясь из стороны в сторону, сталкиваясь друг с другом на глазах ухмылявшегося норна. На мгновение они взялись за руки, стоя на самом краю высокой стены, потом снова разошлись в стороны и возобновили свой странный танец.

Сквозь слезы ярости, застилавшие глаза, Эoleyр увидел, как Джирики пришпорил лошадь и подъехал ближе к стене. Ситхи поднял лук – его движение было стремительным, почти незаметным, вытащил стрелу, наложил ее на тетиву и приготовился к выстрелу. Усмешка стоявшего наверху Ахенаби стала еще шире. Он изогнулся, по его телу прошла дрожь – и в следующее мгновение он исчез, оставив наверху двух несчастных пленников, продолжавших свой смертельный танец.

Джирики выпустил стрелу. Она попала одному из них в ногу, оба потеряли равновесие и, пролетев двадцать элей, с жутким хрустом упали на засыпанный снегом камень. Несколько эрнистирийцев закричали и застонали.

– Клянусь кровью Ринна! – воскликнул Эoleyр. – Что вы сделали?!

Джирики, внимательно изучая край стены, проехал немного вперед, а когда оказался возле двух упавших тел, спешился, опустился рядом с ними на колени и жестом подозвал Эoleyра.

– Зачем вы это сделали, Джирики? – резко спросил граф. У него перехватило в горле, словно кто-то его душил. – Норна там уже не было. – Он посмотрел на изломанные фигуры в черном. Их вытянутые руки и пальцы, казалось, все еще тщетно пытались найти опору. – Вы пытались избавить несчастных от пытки? А если бы нам удалось изгнать норнов... возможно, еще оставался шанс спасти этих людей?

Джирики молча протянул руку и с огромной осторожностью перевернул ближайшее тело, высвободив его из объятий второго несчастного. А затем отбросил капюшон.

– Бриниох! – выдохнул Эoleyр. – Бриниох Небесный, да защитит нас!

На лице не было глаз – на их месте зияли черные дыры, кожа цвета воска в некоторых местах треснула в результате падения, но не вызывало сомнений, что человек давно умер.

– Кем бы он ни был, он умер во время сражения за Наглимунд, – тихо сказал Джирики. – Я не думаю, что за этими стенами остались живые пленники.

Граф Эoleyр почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

– Но они... двигались!..

– Здесь всем заправляет один из членов Красной руки, – сказал Джирики. – И теперь мы получили этому подтверждение, больше никто на такое не способен. Силу они черпают у своего господина.

– Но почему? – спросил Эoleyр, который посмотрел на два трупа, а потом перевел взгляд назад, к рядам ситхи и людей, стоявших посреди снежной равнины. – Зачем они это сделали?

Джирики тряхнул головой, и его белые волосы взметнулись, как у только что стоявшего на стене существа.

– Я не знаю. Но я уверен, что Наглимунд не падет до тех пор, пока мы не победим все его ужасы.

Эoleyр посмотрел на Изорна и Мегвин, со страхом ожидавших его возвращения.

– И мы не можем повернуть назад.

– Верно. Я боюсь, что наступили последние дни ожидания, – сказал Джирики. – Уж не знаю, хорошо это или плохо.

* * *

Герцог Изгримнур знал, что должен внимательно следить за происходящим вокруг, за жителями Метессы и тем, что делается в зале для приемов. Метесса являлась самым восточным из главных внешних районов Наббана и могла стать местом, где власть Джошуа утвердится или падет окончательно. Успех здесь мог зависеть от самых незначительных деталей, так что Изгримнуру было чем заняться – но не удавалось полностью сосредоточиться на делах, пока по пятам за ним, точно тень, ходил маленький мальчик.

– Ну вот, – сказал герцог, когда едва ли не в десятый раз чудом не наступил на ребенка. – Что ты задумал? Разве тебе не следует находиться в каком-то определенном месте? Где твоя мать?

Светловолосый худенький мальчик посмотрел на него, не выказывая ни малейшего страха перед крупным бородатым незнакомцем.

– Моя мама сказала, чтобы я держался подальше от принца и других рыцарей. Я с ней не согласен.

Ребенок обладал на удивление хорошей речью для своих лет, а его вестерлинг оказался почти таким же хорошим, как у самого Изгримнура. Ему было странно видеть, как варинстенский язык Престера Джона успел распространиться всего за два поколения. Но если все пойдет прахом, а складывалось впечатление, что так и будет, язык, как и все остальное, исчезнет. *Империи подобны морским стенам, – печально подумал Изгримнур, – даже те, что олицетворяют лучшие надежды. В них ударяет прилив хаоса, и как только люди перестают укреплять берега камнями...*

Изгримнур тряхнул головой, а потом зарычал на мальчишку немного более сурово, чем следовало:

– Если мать велела тебе держаться подальше от рыцарей, что ты делаешь здесь? Тут взрослые занимаются важными делами.

Мальчик расправил плечи, и теперь его макушка доставала до нижнего ребра герцога.

– Однажды я стану взрослым мужчиной. И я устал от жизни с женщинами. Моя мама боится, что я убегу, чтобы сражаться на войне, а я именно так и сделаю.

В его твердой решимости было нечто комичное – пусть и неосознанное, – и герцог не сдержал улыбки:

– Как тебя зовут, парень?

– Пасеваллес, сэр иностранный рыцарь. Моего отца зовут Бриндаллес, брат барона Серридана.

– На свете можно быть не только рыцарем. И война – это не игра. Она ужасна, маленький Пасеваллес.

– Я знаю, – сразу согласился мальчик. – Но иногда нет выбора, так говорит мой отец, и мужчины должны сражаться.

Герцог подумал о принцессе Мириамель в гнезде гантов и своей любимой жене, стоявшей с топором в руках возле Элвритсхолла, готовой защищать его до последней капли крови, пока Изорн не убедил ее бежать вместе с остальной семьей.

– Женщины также могут сражаться, – сказал герцог.

– Но они не могут быть рыцарями, – заявил мальчик. – А я намерен им стать.

– Ну, раз уж я не являюсь твоим отцом, то не могу приказывать тебе отправиться домой. И, похоже, мне не суждено от тебя избавиться. Так что можешь меня сопровождать. И Расскажи мне немного об этом месте.

Довольный Пасеваллес несколько раз подпрыгнул на месте, как щенок. И так же неожиданно замер на месте и бросил на Изгримнура подозрительный взгляд.

– А вы не враг? – резко спросил он. – Если да, сэр иностранный рыцарь, я не могу показать вам вещи, которые причинят вред моему дяде.

Изгримнур кисло улыбнулся:

– В наши дни, юный господин, трудно сказать, кто враг, а кто – нет. Но я тебя заверяю, что мой господин, принц Джошуа, не намерен вредить тем, кто живет в Метессе.

Пасеваллес немного подумал.

– Пожалуй, я вам поверю, – наконец ответил он. – Я думаю, вы сказали правду. Но если нет, тогда вы не рыцарь, ведь рыцари не должны лгать ребенка.

Улыбка Изгримнура стала шире.

Ребенок! Этот человек мог бы давать уроки политики графу Эoleyру.

– Не рассказывай мне того, что может помочь врагам твоего дяди, а я постараюсь не задавать вопросов, подвергающих опасности твою честь, – сказал Изгримнур.

– Это правильно, – серьезно заявил мальчишка. – И по-рыцарски.

Метесса оказалась больше, чем обычные владения барона на краю Наббана. Она граничила с землями тритингов, занимая огромную и процветающую территорию, холмистую, с множеством лугов, которые и после того, как неожиданно выпал снег, остались зелеными. Один из притоков Стеффлода, извиваясь, протекал по лугам, точно серебряная лента, яркая даже под тусклыми серыми небесами. На склонах паслись овцы и несколько коров.

Шасу Метесса, твердыня барона, стояла на одном из самых высоких холмов еще со времен последних императоров, и из нее открывался вид на небольшие фермы и поместья, на которые сейчас смотрел Изгримнур.

Граф отвернулся от окна и увидел, что Пасеваллес нетерпеливо расхаживает по залу.

– Давайте посмотрим оружие.

– Как мне кажется, как раз оружие ты не должен мне показывать, – заметил Изгримнур.

– Но это *старое* оружие. – У него вызвала отвращение тупость Изгримнура. – Очень старое.

Риммер позволил увлечь себя в оружейную. Казалось, энергия ребенка не знала границ.

Если бы Изорн был таким же приставучим, – с иронией подумал он, – я бы, скорее всего, довел его до Фростмарша и оставил там, как делали в прежние времена, когда приходилось кормить слишком много ртов.

Пасеваллес провел его через лабиринт коридоров, где Изгримнур увидел нескольких обитателей крепости, с тревогой смотревших на герцога, к угловой башне, которая показалась ему поздним добавлением к древней крепости на вершине горы. После того как они поднялись по

слишком длинной лестнице и у Изгримнура разболелась спина, они оказались в тесной комнате на самом верху башни. Потолок здесь давно не приводили в порядок – паутина свисала почти до головы, а пол и грубую мебель покрывал густой слой пыли, тем не менее на Изгримнура произвело впечатление то, что он увидел.

Вдоль стен, точно отряд безмолвных стражников, выстроились деревянные стойки, но в отличие от остальных предметов в комнатке оружие содержалось в относительном порядке. На каждой стойке находился набор оружия и доспехов, но не современных, как сердито указал ему Пасеваллес, а шлемы и нагрудники и диковинные металлические юбки, какие Изгримнур видел лишь на очень старых картинах в Санцеллане Маистревисе.

– Это же доспехи Империи! – сказал Изгримнур с уважением. – Или очень хорошие копии.

Пасеваллес снова расправил плечи.

– Это *не* копии! Они настоящие. Мой отец хранит их много лет. А дед купил в великом городе.

– В Наббане, – задумчиво сказал Изгримнур.

Он прошел вдоль рядов, разглядывая самые разные предметы, его опытный взгляд воина сразу находил неудачные конструкции или отсутствовавшие детали исходных доспехов.

Металл, который использовали прежние оружейники Империи, был более тяжелым, но работа оказалась превосходной. Изгримнур наклонился, чтобы лучше рассмотреть шлем с двойным гребнем морского дракона, и сдул с него тонкий слой пыли.

– Эти доспехи уже довольно давно не чистили, – рассеянно проговорил он.

– Мой отец болел. – Голос маленького Пасеваллеса неожиданно стал капризным. – Я пытался их чистить, но они слишком высокие, мне не достать до верха, и тяжелые, чтобы я мог их снять.

Изгримнур задумчиво оглядел комнату. Доспехи показались ему похожими на стражей Раэда, ждущих принятия решения. Но ему предстояло многое сделать, и, вне всякого сомнения, он провел достаточно времени с ребенком. Он подошел к окну башни и посмотрел на серое западное небо.

– У нас еще час до трапезы, – наконец сказал герцог, – а твой дядя и принц Джошуа не станут обсуждать важные проблемы до ее окончания. Принеси все, что необходимо для чистки доспехов, – и обязательно прихвати большую метлу, чтобы смести пыль. Мы вдвоем сумеем быстро навести здесь порядок.

– Правда? – казалось, мальчик не верит своим ушам.

– Правда. И мне совсем не хочется спускаться по тем ужасным ступенькам. – Пасеваллес продолжал смотреть на Изгримнура. – Ради всех святых, мальчик, отправляйся вниз и принеси светильник. Скоро стемнеет.

Пасеваллес выскочил из комнаты и помчался вниз по узкой лестнице, а Изгримнур покачал головой.

У каждой стены банкетного зала в Шасу Метесса имелось по камину, поэтому здесь было тепло и светло, несмотря на холодную погоду. Придворные и землевладельцы, собравшиеся со всей долины, казалось, нарядились в самую лучшую одежду: женщины надели мерцавшие платья и шляпы почти столь же необычной формы, как те, что можно увидеть в Санцеллане Маистревисе. И все же Изгримнур заметил, что в зале с высокими потолочными балками, подобно туману, повисла тревога. Дамы говорили быстро и громко, смеялись по самому пустяковому поводу. Мужчины главным образом помалкивали, а если что-то и произносили, то обязательно прикрывали рот рукой.

Бочку телигурийского вина открыли в самом начале и щедро разливали ее содержимое по кубкам. Изгримнур отметил, что Джошуа, который сидел справа от хозяина, барона Серридана,

множество раз подносил кубок к губам, но не видел, чтобы паж его наполнял. Герцог одобрял воздержание Джошуа. Принц и в лучшие времена не слишком любил выпить, но после появления надежды на свержение Бенигариса и лишения его герцогства для Джошуа было важно сохранять трезвую голову и не делать резких заявлений.

Когда герцог оглядывал зал, его внимание привлекло бледное пятно у входа, в противоположной части зала. Прищурившись, герцог неожиданно широко улыбнулся в бороду – Пасеваллес в очередной раз ускользнул от матери и ее придворных дам и пришел понаблюдать за настоящими рыцарями, собравшимися за столом.

И сейчас у него появится такой шанс.

Барон Серридан Метессис встал со своего места во главе стола и поднял кубок. За его спиной, на знамени, распростер крылья райский журавль – символ Дома Метессан.

– Давайте поприветствуем наших гостей, – сказал барон, насмешливо улыбнулся, и на его загорелом бородатом лице появились морщины. – Вне всякого сомнения, я стал предателем уже за то, что впустил вас в свои ворота, принц Джошуа, – так что, если мы выпьем за ваше здоровье, хуже уже не будет.

Изгримнур обнаружил, что Серридан ему нравился и вызывал уважение. Он совсем не вписывался в дорогой сердцу герцога образ хилого барона из Наббана: толстая шея и морщинистое крестьянское лицо делали Серридана больше похожим на настоящего мошенника, чем наследного правителя большого феодального владения, но глаза у него были умными, а манеры выдавали обманчивую склонность к самоиронии. Он настолько хорошо владел вестерлингом, что гладкая речь маленького Пасеваллеса уже не удивляла Изгримнура.

После того как все осушили свои кубки, Джошуа встал и произнес благодарственный тост в честь обитателей Шасу Метессы и их гостеприимства. Его слова были встречены одобрительным шепотом и вежливыми улыбками, которые показались Изгримнуру несколько притворными. Когда принц сел, гости заговорили громче, но Серридан жестом попросил внимания.

– Итак, – сказал он Джошуа, но достаточно громко, чтобы все за столом его услышали. – Мы выполнили долг добропорядочных эйдонитов – а кое-кто скажет, что сделали даже больше, ведь вы появились на наших землях без приглашения, да еще с армией. – Серридан улыбался, но его взгляд оставался холодным. – Собираетесь ли вы уйти отсюда утром, Джошуа из Эркинланда?

Изгримнур с трудом сдержал изумленный возглас. Он предполагал, что Серридан отошлет менее значительных придворных, чтобы спокойно поговорить с принцем наедине, но, похоже, у Серридана имелись другие планы.

Джошуа также удивился, но быстро ответил:

– Если вы меня выслушаете и мои слова вас не тронут, барон, завтра на восходе солнца мы вас покинем. Мои люди разбили лагерь возле ваших стен вовсе не для того, чтобы вам угрожать. Вы не сделали мне ничего плохого, и я не намерен причинить вам вред.

Барон довольно долго на него смотрел, а потом повернулся к брату:

– Бриндаллес, что думаешь ты? Тебе не кажется странным, что эркинландский принц пожелал пройти через наши земли? И куда он может направляться?

На худощавом лице брата виделось сходство с бароном, но Серридан выглядел коварным и опасным, а Бриндаллес казался каким-то стылым и слегка неуверенным в себе.

– Если он не направляется в Наббан, – последовал спокойный ответ, – то планирует уйти прямо в море. – Улыбка Бриндаллеса получилась бледной.

Было трудно поверить, что такой неуверенный в себе человек мог быть отцом яркого Пасеваллеса.

– Мы действительно направляемся в Наббан, – ответил Джошуа. – Тут нет никакого секрета.

– Какова цель вашего визита и как она может не быть опасной для меня и моего сеньора, герцога Бенигариса? – резко спросил Серридан. – Почему я не должен сделать вас своими пленниками?

Джошуа окинул взглядом зал, в котором стало совсем тихо. Все обитатели Шасу Метессы, сидевшие за длинным столом, следили за происходящим с огромным вниманием.

– Вы уверены, что хотите, чтобы я был предельно откровенен?

Серридан сделал нетерпеливый жест.

– Я бы не хотел, чтобы кто-то сказал, что я неправильно вас понял, и не важно, позволю я вам пройти через мои земли или захвачу в плен и передам Бенигарису. Говорите, и мои люди будут свидетелями.

– Хорошо. – Джошуа повернулся к Слудигу, который, несмотря на то что успел осушить несколько кубков, внимательно следил за происходящим. – Могу я получить свиток?

Пока риммер с соломенной бородой рылся в кармане плаща, Джошуа сказал Серридану:

– Как я уже говорил, барон: мы направляемся в Наббан, чтобы лишить Бенигариса власти в Санцеллане Маистревисе. Частично это связано с тем, что он является союзником моего брата, и его падение ослабит положение Верховного короля. Тот факт, что мы с Элиасом находимся в состоянии войны, также не является тайной, но причины известны далеко не так широко.

– Если вы полагаете, что они важны, – спокойно сказал Серридан, – откройте их нам. У нас много вина, и мы у себя дома. Тогда ваша маленькая армия может уйти завтра с рассветом или остаться.

– Я отвечу на ваш вопрос, потому что не стал бы просить союзников, которые не владеют всеми фактами, за меня воевать.

– *Ого!* Союзники? Воевать! – Барон нахмурился и выпрямился. – Вы ступили на опасный путь, Джошуа Однорукий. Бенигарис – мой сеньор. Даже подумать о том, чтобы пропустить вас через мои владения, – безумие, учитывая то, что я уже знаю, но я позволил вам говорить из уважения к вашему отцу. Однако сражаться на вашей стороне – неслыханно! – Он взмахнул рукой.

Две дюжины вооруженных солдат, стоявших в тени у стен, сразу вытянулись по стойке «смирно».

Джошуа не дрогнул, лишь спокойно посмотрел Серридану в глаза.

– Я объясню вам, почему Элиаса следует лишить Трона из Костей дракона, – продолжал принц. – Но не сейчас. Сначала я должен рассказать о других вещах. – Он протянул руку и взял у Слудига свиток. – Мой лучший рыцарь, сэр Деорнот из Хьюэншира, участвовал в сражении у горы Баллбек, когда герцог Леобардис, отец Бенигариса, пришел к моему замку в Наглимунде, чтобы нам помочь.

– Леобардис встал на вашу сторону, – коротко ответил Серридан. – А Бенигарис выбрал короля Элиаса. Решение старого герцога не влияет на мою верность его сыну. – Несмотря на произнесенные слова, Изгримнур увидел тень сомнения в глазах барона: казалось, Серридан жалел о том, что старый герцог мертв, в противном случае его обязательства были бы для него более естественными. – И какое отношение сэр-не-помню-его-имени имеет к Метессе?

– Быть может, гораздо более значительное, чем вы думаете. – Впервые в голосе Джошуа появилось нетерпение.

Осторожно. – Изгримнур потянул себя за бороду. – *Не позволяй скорби по Деорноту тебе помешать. Мы уже продвинулись дальше, чем я рассчитывал. Серридан слушает, а это уже немало.*

Словно услышав мысль старого друга, Джошуа сделал глубокий вдох и немного помолчал.

– Простите меня, барон Серридан, я понимаю вашу преданность Дому Короля-Рыбака. Я лишь хочу рассказать вам о вещах, которые вы должны знать, и не собираюсь говорить о вашем долге. Я прочитаю вам сообщение сэра Деорнота о том, что произошло рядом с горой Баллбек. Его слова записал отец Стрэнгъярд. – Принц указал на архивариуса, который старался не привлекать к себе внимания, сидя в самом конце длинного стола. – Деорнот поклялся перед священником и Господом, что его слова – чистая правда.

– А почему вы собираетесь прочитать нам что-то из свитка? – нетерпеливо спросил Серридан. – Если вашему человеку есть что рассказать, пусть выйдет к нам.

– Деорнот мертв, – ответил Джошуа. – Он умер от рук наемников тритингов, которых король Элиас послал против нас.

В зале поднялся шум. Тритинги вызывали презрение и страх у приграничных баронов Наббана – презрение, потому что жители Наббана считали их дикарями, страх – из-за регулярных набегов на приграничные владения вроде Метессы, которые приносили много горя.

– Читайте. – Серридан явно рассердился.

Изгримнур подумал, что осторожный барон почувствовал ловушку, в которую его завело собственное хитроумие. Он рассчитывал, что справится с возникшей сложной ситуацией, заставив Джошуа говорить о предательстве перед большим количеством свидетелей. Теперь же барон понял, что слова Джошуа будет трудно отбросить. Возникла новая сложная ситуация. Но даже сейчас властитель Метессы не стал отпускать собравшихся за его столом людей: он сделал свой ход, и теперь ему ничего не оставалось, как продолжить игру. Герцог Элвритсхолла снова испытал уважение к Серридану.

– Я попросил Деорнота рассказать то, чему он стал свидетелем, нашему священнику перед сражением за Новый Гадринсетт, – объяснил Джошуа. – То, что он видел, настолько важно, что я не хотел утратить эти сведения в случае его смерти. – Джошуа поднял свиток и развернул, используя обрубок правой руки. – Я прочитаю только ту часть, которая, уверен, вас заинтересует, но с радостью передам вам свиток, барон, чтобы вы могли полностью с ним ознакомиться. – Он немного помолчал, а потом начал читать. Все в зале наклонились вперед, ожидая услышать то, что потом будут долго обсуждать по всей Метессе:

– «...Когда мы оказались на поле сражения, воины Наббана устремились вслед за графом Утаниата и его людьми из клана Кабан и Копье, которые быстро отступали к склону Горы Баллбек. Герцог Леобардис и триста рыцарей рассчитывали вклиниться между армией Утаниата и Верховного короля, которая находилась еще довольно далеко – как мы думали.

Принц Джошуа, опасаясь, что Леобардис слишком сильно задержится и король сумеет попасть в незащищенные земли к югу от Наглимунда, вышел с большим отрядом рыцарей из замка, чтобы защитить Наббан, кроме того, он рассчитывал взять в плен Утаниата, лучшего военачальника короля Элиаса. Нас вели сам Джошуа и Изорн Изгримнурсон, также в нашем отряде было два десятка риммеров.

Когда мы ударили по флангу Кабана и Копья, то сначала нанесли им серьезный урон, ведь мы имели солидное преимущество в численности. Но Гутвульф и король приготовили ловушку, и очень скоро она сработала. Граф Фенгболд из Фальшира и несколько сотен рыцарей вылетели из леса, который находился на вершине горы Баллбек.

Герцог Леобардис и его сын Бенигарис находились немного в стороне от главного сражения, позади собственных всадников. Когда на вершине горы подняли флаг с соколом Фенгболда, я увидел, как Бенигарис обнажил меч и сзади нанес удар отцу, Леобардис упал на шею своей лошади, а из раны хлынула кровь...»

Когда Джошуа прочитал последнее предложение, его прервали возмущенные крики. Несколько вассалов барона Серридана вскочили на ноги и принялись яростно трясти кулаками, словно намереваясь наброситься на Джошуа. Но принц спокойно на них посмотрел, продолжая

держат перед собой свиток, а потом повернулся к Серридану. Барон оставался на своем месте, его загорелое лицо заметно побледнело, если не считать ярких пятен, появившихся на щеках.

– Молчать! – крикнул он, бросив свирепый взгляд на своих приверженцев, и те вернулись на свои скамьи, продолжая что-то негромко бормотать.

Нескольким женщинам помогли выйти из зала; они шли, спотыкаясь, словно сами получили удары кинжалом, а их изящные шляпы и вуали вдруг стали печальными, точно яркие знамена побежденной армии.

– Это старая история, – наконец сказал барон.

Его голос звучал напряженно, но Изгримнур подумал, что за ним стоит больше, чем просто ярость.

Он чувствует, что ловушка захлопнулась.

Серридан осушил кубок и ударил им по столу, заставив многих вздрогнуть.

– Старая история, – повторил он. – Я не раз ее слышал, но никто не мог представить доказательств. Почему я должен поверить в нее сейчас?

– Потому что сэр Деорнот видел все собственными глазами, – спокойно ответил Джошуа.

– Его здесь нет, – возразил Серридан. – И я не думаю, что поверил бы ему, даже если бы он здесь присутствовал.

– Деорнот не лгал. Он был истинным рыцарем, – сказал Джошуа.

Серридан хрипло рассмеялся.

– У меня есть только *ваше* слово, принц. Люди совершают странные поступки за своего короля и страну. – Он посмотрел на брата. – Бриндаллес? Видишь ли ты хоть одну причину, по которой мне не следует бросить принца и его сторонников в темницу под Шасу Метессой, чтобы они там дожидались правосудия Бенигариса?

Брат барона сложил руки так, что кончики пальцев касались друг друга, и вздохнул:

– Мне не нравится эта история, Серридан. Я услышал в ней неприятную правду, ведь те, кто готовил тело Леобардиса к погребению, с удивлением говорили, что рана была на удивление ровной. Но слова одного человека, пусть даже рыцаря принца Джошуа, недостаточно, чтобы приговорить правителя Наббана.

Да, в семье не чувствуется недостатка ума! – отметил герцог Элвритсхолла. – *Именно на таких упрямцев и должна опираться наша удача. Или падение.*

– Не только Деорнот видел ужасное деяние Бенигариса, – сказал Джошуа. – Некоторые из них еще живы, хотя многие погибли, когда Наглимунд пал.

– Здесь и тысячи будет недостаточно, – бросил Серридан. – Вы хотите, чтобы цвет дворянства Наббана последовал за вами – эркинландером и врагом Верховного короля – против истинного наследника Дома Короля-Рыбака на основании откровений одного мертвеца?

Со стороны собравшихся в банкетном зале Шасу Метессы послышался одобрительный шум.

Ситуация начинала приобретать мрачный оборот.

– Хорошо, – сказал Джошуа. – Я вас понимаю, барон. А теперь я покажу вам то, что убедит вас в серьезности моих слов. И даст ответ относительно вашего нежелания следовать за эркинландером. – Он повернулся и махнул рукой.

Рядом со Стрэнгъярдом в дальнем углу сидел мужчина в капюшоне – теперь он встал. Он оказался неожиданно высоким. Несколько воинов обнажили мечи, и от шелеста стали в зале сразу стало холоднее.

Не подведи нас, – подумал Изгримнур.

– Одно из ваших утверждений, барон, не было истинным, – негромко сказал Джошуа.

– Вы называете меня лжецом? – осведомился Серридан.

– Нет, – все так же спокойно ответил принц. – Но мы живем в странные дни, и даже такой образованный и умный человек, как вы, не может знать все. Даже если бы Бенигарис не

совершил отцеубийства, он не является первым претендентом на место герцога. Барон, народ Метессы, вот истинный наследник Дома Короля-Рыбака... Камарис Бенидривис.

Высокий мужчина в конце стола откинул капюшон, открыв водопад белых волос и лицо, полное печали и благородства.

– Что?.. – Барон пребывал в полнейшем смущении.

– Ересь! – закричал один из обалдевших землевладельцев, вскакивая на ноги. – Камарис мертв!

Одна из немногих оставшихся в зале женщин закричала. Сидевший рядом с ней мужчина упал лицом на стол в пьяном обмороке.

Камарис коснулся рукой груди.

– Я не мертв. – Он повернулся к Серридану. – Прошу меня простить, барон, за то, что нарушаю ваше гостеприимство.

– Нет. – Серридан хлопнул ладонью по столу. – Я не могу поверить. Камарис са-Винитта мертв – он исчез много лет назад, утонул в заливе Фираннос.

– Я утратил лишь разум, но не жизнь, – мрачно проговорил старый рыцарь. – И прожил много лет, забыв о своем прошлом. – Он провел рукой по лбу, и его голос дрогнул. – Иногда я жалею, что разум ко мне вернулся. Но так случилось. Я Камарис из Винитты, сын Бенидривиса. И, даже если это станет последним деянием в моей жизни, я отомщу за смерть брата и позабочусь, чтобы мой племянник лишился трона в Наббане.

Барон выглядел потрясенным, но все еще не мог поверить в то, что происходило у него на глазах.

– Пошлите за Энеппой, – сказал его брат Бриндаллес.

Серридан поднял взгляд, его глаза сверкали, словно он получил отсрочку от исполнения ужасного приговора.

– Да. – Он повернулся к одному из стражников. – Приведи с кухни Энеппу. И под страхом смерти *ничего* ей не говори.

Стражник ушел. Изгримнур посмотрел ему вслед и заметил, что маленький Пасеваллес также исчез в дверях.

Люди за столами возбужденно перешептывались, но Серридан не обращал на них внимания. Дожидаясь возвращения своего солдата, барон осушил целый кубок вина. Даже Джошуа, словно получил толчок, допил вино в своем кубке. Камарис продолжал стоять у дальнего конца стола, молча и спокойно, и взгляды присутствующих постоянно возвращались к его высокой фигуре.

Посланец вернулся вместе со старой женщиной – маленького роста, полной, с коротко подстриженными волосами, в простом платье, испачканном мукой и еще какими-то пятнами. Она молча стояла перед Серриданом, явно опасаясь наказания.

– Успокойся, Энеппа, – сказал барон. – Ты не сделала ничего плохого. Ты видишь вон того старика? – Он махнул рукой. – Подойди к нему и скажи, знаешь ли ты, кто он такой?

Старая женщина подошла к Камарису, который посмотрел ей в глаза.

– Нет, мой господин барон, – наконец сказала она.

Ее вестерлинг был не слишком уверенным.

– Итак. – Серридан скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула, и на его губах появилась гневная улыбка.

– Один момент, – вмешался Джошуа. – Энеппа, если тебя зовут именно так, перед тобой человек, которого ты очень давно не видела. Если ты и знала его, то много лет назад.

Старая женщина, точно испуганный кролик, перевела взгляд с принца на Камариса и уже собралась отвернуться так же быстро, как в первый раз, но что-то ее остановило. Энеппа посмотрела более внимательно, глаза у нее широко раскрылись, колени подогнулись, и она начала падать. Быстрый, точно полет мысли, Камарис ее подхватил и не дал упасть.

– *Алимор, Камарис?* – спросила она на наббанайском. – *Вевейс?* – И быстро заговорила на том же языке.

Гневная улыбка Серридана исчезла, и на лице появилось выражение почти комичного удивления.

– Ей сказали, будто я утонул, – перевел Камарис. – Ты можешь говорить на вестерлинге, добрая женщина? – спросил он у нее.

Энеппа не сводила с него глаз, Камарис увидел, что она уже твердо стоит на ногах, и отпустил ее плечи. Она была ошеломлена, узловатые пальцы сжимали ткань юбки.

– Он... Камарис. *Дуос претерат!* Мертвые снова к нам возвращаются?

– Не мертвые, Энеппа, – сказал Джошуа. – Камарис жив, но на много лет утратил разум.

– И хотя я узнаю твое лицо, добрая женщина, – удивленно продолжал старый рыцарь, – я забыл имя. Прости меня. Прошло очень много времени.

Теперь Энеппа заплакала по-настоящему, но одновременно она смеялась:

– Потому что тогда у меня было другое имя. Когда я работала в большом доме вашего отца, меня звали *Фьюри* – «цветок».

– Фьюри. – Камарис кивнул. – Конечно. Я тебя помню. Ты была прелестной девушкой, и у тебя для каждого находилась улыбка. – Он взял ее морщинистую руку и поцеловал, а она смотрела на него, разинув рот, словно к ней спустился сам Господь и предложил место в своей колеснице. – Спасибо тебе, Фьюри. Ты вернула мне кусочек моего прошлого. До того как я покинул это место, мы часто сидели с тобой у огня и разговаривали.

Продолжавшей всхлипывать кухарке помогли выйти из зала.

Серридан и Бриндаллес выглядели ошеломленными. Остальные сторонники барона, в равной степени потрясенные тем, что произошло у них на глазах, не произносили ни звука. Возможно, Джошуа почувствовал, что в этот вечер барон услышал слишком много откровений, поэтому просто сидел и ждал. Камарис, чья подлинность уже не вызвала сомнений, также погрузился в молчание. Его взгляд был устремлен на пламя камина, но Изгримнур не сомневался, что старый рыцарь вспоминал не место, а время.

Тишину нарушил громкий шепот, все головы повернулись, Изгримнур увидел Пасеваллеса, который вошел в зал, мальчик с трудом тащил что-то большое и блестящее. Он остановился в дверном проеме, с сомнением посмотрел на Камариса, потом медленно подошел к дяде.

– Я принес это для сэра Камариса, – сказал мальчик.

Смелые слова противоречили его дрожавшему голосу. Серридан некоторое время на него смотрел, а через мгновение глаза у него широко раскрылись:

– Это же шлем из оружейной твоего отца!

Мальчик торжественно кивнул:

– Я хочу отдать его сэру Камарису.

Серридан беспомощно повернулся к брату. Бриндаллес посмотрел на сына, потом бросил быстрый взгляд на Камариса, который все еще думал о чем-то своем. Наконец Бриндаллес пожал плечами.

– Он тот, за кого себя выдает, и почестям, которых он удостоен, нет числа, – сказал Бриндаллес сыну. – Ты правильно сделал, что сначала спросил. – Его улыбка была почти призрачной. – Полагаю, некоторые вещи следует приводить в порядок и начинать использовать. Давай, мальчик, отдай шлем Камарису.

Изгримнур завороченно наблюдал, как Пасеваллес прошел мимо него, прижимая к груди тяжелый шлем, украшенный изображением морского дракона. Глаза мальчика испуганно уставились в одну точку, словно он входил в пещеру великана. Он молча остановился напротив старого рыцаря, казалось, еще немного, и он упадет, не выдержав веса шлема.

Наконец Камарис поднял голову.

– Что?

– Мои отец и дядя сказали, чтобы я отдал этот шлем вам. – Пасеваллес попытался поднести шлем поближе к Камарису, который, даже сидя, возвышался над мальчиком. – Он очень старый.

На лице Камариса появилась улыбка:

– Как я, верно? – Он протянул большие руки. – Дай мне на него посмотреть, юный сэр. – Камарис подставил золотой шлем к свету. – Шлем Империи, – удивленно сказал он. – Он действительно старый.

– Шлем принадлежал императору Анитуллису, насколько мне известно, – сказал Бриндаллес с другого конца зала. – Он ваш, милорд Камарис, если вы пожелаете его взять.

Старик некоторое время разглядывал шлем, а потом надел. Его глаза скрылись в тени, нащечники спрятали скулы, как клинки.

– Он мне подходит, – сказал Камарис.

Пасеваллес, открыв рот, смотрел на старика и свернувшегося морского червя на верхушке шлема.

– Спасибо, парень. – Камарис снял шлем и поставил на стол рядом с собой. – Как тебя зовут?

– П-Пасеваллес.

– Я буду носить шлем, Пасеваллес. Это честь. Мои собственные доспехи проржавели много лет назад.

Казалось, мальчик перенесся в другое царство, его глаза горели, точно пламя свечи. Глядя на него, Изgrimнур почувствовал печаль. После ослепительных мгновений, связанных с рыцарством, разве сможет жизнь подарить восторженному ребенку что-то, кроме разочарований?

Благослови тебя Господь, Пасеваллес, – подумал герцог. – *Я надеюсь, твоя жизнь будет счастливой, но что-то мне подсказывает, что это маловероятно.*

Наблюдавший за мальчиком и Камарисом Джошуа наконец заговорил:

– Я еще не все вам рассказал, барон Серридан. Кое-что является пугающим, другое вызывает возмущение. Некоторые вещи окажутся более удивительными, чем то, что Камарис жив. Вы готовы подождать до утра? Или все еще хотите запереть нас в темнице?

Серридан нахмурился:

– Достаточно. Не нужно дразнить меня, Джошуа. Расскажите мне то, что я должен знать. И, если потребуется, мы будем бодрствовать до петухов. – Он показал, чтобы ему налили еще вина, и отослал своих потрясенных и озадаченных подданных по домам, оставив за столом только самых близких соратников.

О барон, – подумал Изgrimнур, – *скоро ты окажешься в одной яме с нами. Я пожелал бы тебе лучшей судьбы.*

Герцог Элвритсхолла придвинул свой стул поближе к Джошуа, который начал.

33. Белое дерево, черные плоды

Сначала она подумала, что это башня или гора – ничто, столь высокое, тонкое, унылое и совершенно белое не могло быть живым. Но по мере того, как она к нему подходила, она поняла, что огромное облако, окружавшее центральный ствол, рассеянная молочная бледность – лишь невероятное сплетение ветвей.

Перед ней стояло дерево, огромное и белое, такое высокое, что она не могла разглядеть его верхушку; казалось, она пронзала само небо. Она смотрела на него, ошеломленная зловещим величием. И хотя какая-то ее часть знала, что это сон, Мириамель каким-то образом понимала, что великая белая полоса есть нечто очень важное.

Мириамель приблизилась к нему – у нее не было тела: шла она или парила? Она не могла сказать – она видела, что дерево поднимается над лишенной выразительных черт землей одним гладким стволом, точно колонна неправильной формы из идеально отполированного мрамора. Если белоснежный гигант имел корни, то они находились глубоко-глубоко под землей, где-то в самом ее сердце. Ветви, окружавшие дерево, точно плащ из потрепанной паутины, были идеально тонкими и росли из ствола, но становились еще тоньше по мере того, как удалялись от него и тянулись вверх, а их переплетенные концы постепенно становились невидимыми.

Мириамель находилась уже совсем рядом с огромным деревом и начала подниматься, без всяких усилий двигаясь вверх. Ствол скользил перед ней, словно молочная река.

Она летела в огромном облаке ветвей. Серо-голубое небо за переплетенными белыми нитями было каким-то диковинно плоским. Она не видела горизонта, и ей казалось, что в мире, кроме дерева, больше ничего нет.

Паутина ветвей становилась толще. Тут и там среди ветвей висели маленькие ядрышки темноты, сгустки мрака, подобные опрокинутым звездам. Поднимаясь медленно, точно лебяжий пух, подхваченный порывом ветра, Мириамель потянулась вперед – внезапно она обрела руки, хотя остальная часть ее тела странным образом отсутствовала, – и прикоснулась к одному из черных сгустков. Он имел форму груши, но был гладким и мягким, как спелая слива. Мириамель дотронулась до другого и обнаружила, что он такой же. Однако следуя оказался немного иным. Пальцы Мириамель невольно сжались, и он упал на ее ладонь.

Она посмотрела на него и увидела такую же, как у других, плотную кожу, но чем-то он от них отличался. Быть может, был немного теплее. Каким-то образом она поняла, что он созрел.

Она продолжала на него смотреть, завитки белого дерева бесконечно падали по обе стороны от нее, а черный плод на ладони задрожал и раскрылся. В его середине, там, где персик прятал бы свое ядрышко, лежал ребенок размером с палец. Веки, крошечные, как снежинки, были опущены – он спал, но шевелил ручками и ножками и зевал, но глаза оставались закрытыми.

Значит, каждый из плодов имеет душу, – подумала она. – Или это... вероятности?

Она не знала, что означают подобные мысли во сне, но через мгновение ее охватил страх.

Я ведь сорвала его! Сорвала слишком рано! Я должна вернуть его обратно.

Что-то продолжало нести ее вверх, но сейчас она испытывала ужас. Она совершила нечто неправильное, должна вернуться и найти одну ветку среди тысяч других. Может быть, еще не поздно вернуть то, что она невольно украла.

Мириамель схватилась за сплетение веток, пытаясь замедлить подъем. Некоторые из них, тонкие и хрупкие, как сосульки, ломались у нее в руках, несколько черных плодов сорвались и начали падать в серо-белую пустоту под ней.

Нет! Ее охватил ужас. Она не хотела причинить такой вред. Мириамель протянула руку, чтобы поймать один из падавших плодов, и уронила крошечного ребенка. Она попыталась его схватить, но он уже был далеко.

Мириамель страшно закричала от отчаяния и ужаса...

Было темно. Кто-то ее держал, крепко прижимая к груди.

– Нет! – выдохнула она. – Я его уронила!

– Ты ничего не уронила, – сказал голос. – Тебе приснился плохой сон.

Она смотрела, но не могла разглядеть лица. А голос... она его узнала.

– Саймон?..

– Я здесь. – Его губы оказались возле ее уха. – Тебе ничего не грозит. Но лучше больше не кричать.

– Извини. Мне очень жаль. – Она вздрогнула и стала высвобождаться из его объятий. Пахло сыростью, а ее пальцы касались чего-то шершавого. – Где мы?

– В амбаре. В двух часах езды от Фальшира. Ты не помнишь?

– Немного, – ответила она. – Что-то мне нехорошо. – На самом деле Мириамель чувствовала себя ужасно. Она дрожала, и одновременно ей было жарко, а все вокруг окутал туман, более густой, чем когда она обычно просыпалась посреди ночи. – Как мы сюда попали?

– Мы подрались с Огненными танцорами.

– Да, я помню, – кивнула Мириамель. – А потом мы скакали.

Саймон издал какой-то звук в темноте, возможно, рассмеялся.

– А *потом* перестали скакать. Именно ты приняла решение здесь остановиться, – сказал Саймон.

Она покачала головой.

– Я не помню.

Саймон ее отпустил – Мириамель поняла, что неохотно – хотя сейчас она соображала не лучшим образом. Затем он отполз в сторону по тонкому слою сена, раздался скрежет, и появился свет. Темная фигура Саймона вырисовывалась на фоне окна. Он пытался открыть ставни.

– Дождь прекратился, – сказал он.

– Мне холодно. – Она попыталась зарыться в солому.

– Ты сбросила плащ. – Саймон снова к ней подполз, нашел плащ и накрыл ее до подбородка. – Если хочешь, я могу отдать тебе свой.

– Я думаю, мне хватит и моего, – ответила Мириамель, хотя ее зубы продолжали стучать.

– Хочешь чего-нибудь поесть? Я оставил тебе твою часть ужина – но кувшин с элем ты разбила о голову того огромного типа.

– Только немного воды. – Мысль о еде показалась ей неприятной.

Саймон возился с седельными сумками, пока она смотрела в окно на ночное небо, но вуаль облаков скрывала звезды. После того как Саймон принес ей мех с водой и она напилась, Мириамель почувствовала, что на нее снова накатила слабость.

– Я чувствую себя... плохо, – сказала она. – Наверное, мне нужно еще поспать.

Саймон не сумел скрыть разочарования:

– Конечно, Мири.

– Мне очень жаль. Я чувствую себя такой больной... – Она еще выше подтянула плащ.

Казалось, темнота вращалась вокруг нее, она снова увидела силуэт Саймона на фоне окна, а потом тени утащили ее в темноту.

К утру лихорадка Мириамель усилилась. Саймон ничего не мог для нее сделать, лишь протира л влажной тряпицей лоб и давал воды.

Темный день прошел в мелькании образов: серые тучи проносились мимо окна, зов одинокого голубя, встревоженное лицо Саймона, появлявшееся над ней с периодичностью луны. Мириамель обнаружила, что ее не особенно интересовало то, что с ней происходило. Все страхи и тревоги унесла болезнь. Если бы она могла заснуть на целый год, она не стала бы возражать; но вместо этого она теряла сознание и вновь приходила в себя, как потерпевший кораблекрушение матрос, хватающийся за обломок мачты. Ее сны были полны белых деревьев и затонувших городов, на улицах которых шевелились водоросли.

За час до рассвета второго дня, проведенного в амбаре, Мириамель пришла в себя, и в голове у нее немного прояснилось, но она чувствовала ужасную слабость и вдруг испытала жуткий страх, ей показалось, что Саймон ушел и она осталась одна.

– Саймон? – позвала она. Ответа не последовало. – *Саймон?!*

– Хм-м-м?

– Это ты?

– Что? Мириамель? Конечно, я. – Она услышала, как он повернулся и подполз к ней. – Тебе стало хуже?

– Нет, я думаю, лучше. – Она вытащила дрожащую руку, отыскала и сжала его ладонь. – Но мне все еще довольно плохо. Посиди со мной.

– Конечно. Тебе не холодно?

– Немного, – ответила Мириамель.

Саймон взял свой плащ и накрыл им Мириамель поверх ее собственного. Она чувствовала такую слабость, что ей хотелось плакать – и холодная слеза сбежала по ее щеке.

– Спасибо тебе. – Некоторое время она молчала.

Даже короткий разговор ее утомлял. Ночь, которая казалась огромной и пустой, когда она проснулась, теперь стала не такой пугающей.

– Думаю, я готова снова немного поспать. – Ее голос даже в собственных ушах прозвучал невнятно.

– Тогда спокойной ночи.

Мириамель чувствовала, как ускользает ее сознание. *Интересно*, – подумала она, – *снились ли Саймону такие странные сны, как мой о белом дереве и его необычных плодах*. Это показалось ей маловероятным...

Она проснулась, когда наступил свинцово-серый рассвет, и увидела, что ее по-прежнему укрывает плащ Саймона. Он спал рядом под тонким слоем сена.

В течение второго дня в амбаре Мириамель много спала, но в те моменты, когда бодрствовала, чувствовала себя гораздо лучше, почти как прежде. В полдень она смогла съесть немного хлеба с сыром. Саймон выходил наружу, чтобы исследовать окрестности, и, пока она ела, рассказал о том, что видел.

– Здесь совсем мало людей! Я видел двоих на дороге, ведущей из Фальшира, – и, даю тебе слово, не позволил им меня заметить, – и больше никого. Неподалеку есть почти развалившийся дом. В крыше несколько дыр, но большая часть соломы не протекает. Я не думаю, что сейчас там кто-то живет. Если нам потребуется тут задержаться, мы можем перебраться туда – там немного суше.

– Посмотрим, – ответила Мириамель. – Возможно, завтра я смогу ехать дальше.

– Может быть, но сначала нужно попробовать. Сегодня ты первый раз села после той ночи в Фальшире. – Он неожиданно к ней повернулся. – А меня едва не убили!

– Что? – Мириамель пришлось схватить мех с водой, чтобы не подавиться сухим хлебом. – Что ты сказал? – потребовала она ответа, когда откашлялась. – Огненные танцоры?

– Нет, – ответил Саймон, его глаза были широко раскрыты, выражение лица оставалось серьезным. Однако он тут же усмехнулся. – Тем не менее я чудом спасся. Я возвращался сюда с соседнего поля, собирал там... цветы.

Мириамель вопросительно на него посмотрела:

– Цветы? А зачем тебе цветы?

Саймон продолжал, словно не слышал ее вопроса:

– Я услышал шум и поднял голову. На вершине холма стоял бык.

– Саймон!

– И он не выглядел дружелюбным. Костлявый, с красными глазами, на боках длинные царапины. – Саймон провел пальцами вдоль своих ребер, показывая. – Мы стояли и смотрели друг на друга несколько мгновений, а потом он опустил голову и начал фыркать. Я повернулся и пошел в противоположном направлении. Он помчался за мной вниз по склону, делая маленькие танцующие шаги, но постепенно набирая скорость.

– Саймон! Что ты сделал?

– Ну, я решил, что глупо бежать вниз по склону перед быком, поэтому бросил цветы и взобрался на первое попавшееся высокое дерево. Он остановился под ним – я успел поднять ноги в самый последний момент – и вдруг наклонил голову и ударил по стволу... – бум! – Саймон стукнул кулаком по открытой ладони. – Дерево затряслось, и я едва не упал на землю. Но потом мне удалось забраться повыше и удобно устроиться на толстой ветке. И очень вовремя – идиотский бык принялся снова и снова колотить головой ствол, пока не повредил кожу на лбу и его морду не начала заливать кровь.

– Какой ужас! Должно быть, несчастное животное сошло с ума.

– Несчастное животное! Замечательно! – В голосе Саймона появилось насмешливое отчаяние. – Он пытался убить твоего лучшего защитника, а ты называешь его «несчастливым животным».

Мириамель улыбнулась:

– Я рада, что он тебя не убил. А что было дальше?

– В конце концов, он устал и ушел, – небрежно сказал Саймон. – Отправился вниз, в долину, и больше не стоял на моем пути вверх по склону. Тем не менее я побежал, и мне казалось, будто он мчится за мной.

– Ну, ты чудом спасся. – Мириамель не сумела сдержать зевков, и Саймон состроил гримасу. – Но я рада, что ты не стал убивать чудовище, – продолжала она, – пусть ты и рыцарь. Он не виноват в том, что безумен.

– Убить чудовище? Как? Голыми руками? – Саймон рассмеялся, но было видно, что он доволен. – Возможно, убить его стало бы лучшим для него исходом. Он выглядел так, что его уже невозможно спасти. Думаю, именно по этой причине его бросили.

– Или он сошел с ума *из-за того*, что его бросили, – медленно проговорила Мириамель, посмотрела на Саймона и увидела, что он услышал нечто необычное в ее голосе. – Я устала. Спасибо за хлеб.

– Но это еще не все. – Он засунул руку под плащ и вытащил маленькое зеленое яблоко. – Единственное, что мне удалось найти.

Некоторое время Мириамель с подозрением смотрела на яблоко, затем взяла его, фыркнула и откусила маленький кусочек. Оно было не сладким, а терпким, но Мириамель с удовольствием съела половину, другую – протянула Саймону.

– Это вкусно, – сказала она. – Очень вкусно. Но я все еще не могу много есть.

Саймон с удовольствием схрупал остаток. Мириамель нашла углубление, которое сделала для себя в сене, и забралась туда.

– Теперь я немного посплю, Саймон.

Он кивнул. Саймон смотрел на нее так пристально, что Мириамель пришлось отвернуться и накрыться плащом с головой. Сейчас у нее было недостаточно сил, чтобы выдерживать такое внимание.

Она проснулась заметно после полудня. Ее разбудил какой-то странный шум – глухой удар и свист, удар и свист. Немного испуганная и все еще очень слабая, Мириамель лежала неподвижно, пытаясь понять причину новых звуков – их кто-то ищет? Или вернулся бык Саймона, или это что-то другое, много хуже? Наконец она взяла себя в руки и тихонько поползла по сеновалу. Добравшись до края, она посмотрела вниз.

И увидела Саймона, который тренировался с мечом. Несмотря на то что день был достаточно холодным, он снял рубашку, и его бледная кожа блестела от пота. Мириамель увидела, как он оценил дистанцию перед собой, поднял меч двумя руками, держа его перпендикулярно к полу, и стал медленно опускать острие. Усыпанные веснушками плечи напряглись. *Выпад, выпад* – он ушел в сторону, двигаясь вокруг почти неподвижного меча, словно фиксировал им оружие противника. У него было серьезное, как у ребенка, лицо, кончик языка торчал изо рта. Саймон максимально сосредоточился на том, что делал.

Мириамель с трудом сдержала смех, но не могла не заметить, как кожа скользит по гладким мышцам, а подобные вееру лопатки и позвоночник бугрятся под молочно-белой кожей. Саймон застыл, неподвижно держа перед собой меч. Капелька пота соскользнула с носа и исчезла в рыжей бороде. Мириамель вдруг ужасно захотелось, чтобы он снова ее обнял, но, несмотря на желание, внутри у нее все сжалось от боли. Он многого не знал.

Мириамель отодвинулась от края сеновала, стараясь не шуметь, и вернулась в свое гнездышко в сене. Она попыталась снова заснуть, но не смогла и долго лежала на спине, смотрела на тени между потолочными балками, слушала шорох шагов Саймона, свист рассекавшего воздух клинка и приглушенный шум его дыхания.

Перед закатом Саймон отправился еще раз взглянуть на дом. Вернувшись, он рассказал, что там действительно пусто, хотя он обнаружил свежие следы на глиняном полу. Но больше ничего не нашел и решил, что их мог оставить случайный безвредный бродяга вроде старого пьяницы Хенвига. Они собрали свои вещи и спустились к дому. Сначала у Мириамель кружилась голова, и ей пришлось опираться на Саймона, чтобы не упасть, но после нескольких дюжин шагов ее движения стали более уверенными, однако он продолжал крепко держать ее за руку. Они шли очень медленно, и Саймон предупреждал Мириамель об особенно скользких местах.

Создавалось впечатление, что домик пустовал уже довольно давно, кроме того, как сказал Саймон, в соломенной крыше виднелись дыры, но амбар продувался еще сильнее, а в домике хотя бы имелся камин. Когда Саймон принес дрова, сложенные у стены снаружи, и попытался развести огонь, Мириамель, закутавшись в плащ, стала искать подходящее место для ночлега.

Те, кто здесь жил, оставили совсем немного вещей, из чего Мириамель сделала вывод, что хозяевам не пришлось покидать свое жилище в спешке. Из мебели имелся только стул со сломанной ножкой, стоявший рядом с камином, рядом валялись осколки миски – видимо, она разбилась, и ее тут бросили. Жесткий глиняный пол покрывал тростник, потемневший и сырой. Единственным признаком недавней жизни была бесконечная паутина во всех углах, но и она выглядела изношенной и печальной, словно еще не наступил сезон пауков.

– Готово, – сказал Саймон и встал. – Я разжег огонь. Теперь схожу за лошадьми.

Пока Саймона не было, Мириамель сидела перед огнем и искала в седельных сумках еду. Впервые за последние два дня она почувствовала голод и пожалела, что хозяева дома не оставили котелка – над горящим огнем висел голый крюк, – но делать нечего, приходилось довольствоваться тем, что есть. Мириамель подтолкнула в огонь пару камней, чтобы они нагрелись, и достала несколько оставшихся морковок и лук. Она решила сварить суп, когда камни станут достаточно горячими.

Мириамель придирчиво осмотрела потолок и разложила свою постель подальше от того места, где крыша протекала сильнее всего. После недолгих размышлений устроила на безопасном расстоянии постель Саймона, она предпочла бы, чтобы оно было больше, но дыры в

потолке ограничивали ее возможности. Закончив, она нашла в седельной сумке нож и занялась овощами.

– Поднялся сильный ветер, – сказал вернувшийся Саймон. Его волосы торчали в разные стороны, но щеки покраснели, а на губах играла широкая улыбка. – Такую ночь приятно провести у огня.

– Я рада, что мы сюда перебрались, – сказала она. – Сегодня вечером я чувствую себя гораздо лучше. Думаю, завтра смогу ехать верхом.

– Если будешь готова. – Саймон направился к камину и по пути положил руку ей на плечо, а потом легко погладил волосы.

Мириамель ничего не ответила, продолжая молча нарезать морковь в глиняную миску.

* * *

Ужин оказался не из тех, о которых вспоминают с радостью, но Мириамель стала чувствовать себя лучше после того, как поела горячего супа. Она сполоснула тарелки и почистила их сухой веткой, а потом забралась в постель. Саймон еще немного повозился с камином и тоже улегся. Некоторое время они молча смотрели на огонь.

– В моей спальне в Мермунде был камин, – тихо сказала Мириамель. – Ночью, когда мне не удавалось заснуть, я любила смотреть, как танцует пламя, и видела в нем самые разные картины. А однажды, я тогда была совсем маленькой, мне показалось, будто там появилось лицо улыбавшегося мне Усириса.

– М-м-м-м, – пробормотал Саймон. – Значит, ты спала в собственной комнате?

– Я была единственным ребенком принца и наследницей, – серьезно сказала она. – Так бывает.

Саймон фыркнул:

– Но только не со мной. Я спал вместе с дюжиной других поварят. Один из них, Толстый Зебеда, так храпел, что казалось, будто бондарь пилит доски.

Мириамель захихикала:

– А в последний месяц, который я прожила в Хейхолте, Лелет ночевала в моей комнате, и мне это нравилось. Но в Мермунде я спала одна, а горничная находилась в соседней комнате.

– Звучит как-то... одиноко.

– Я даже не знаю. Наверное, так и было. – Мириамель вздохнула и рассмеялась одновременно, и необычный звук заставил Саймона поднять голову. – Однажды я никак не могла заснуть, пошла в комнату отца и сказала, что у меня под кроватью сидит кокиндрил, я хотела, чтобы он позволил мне спать с ним. Но это случилось после смерти моей матери, и он отправил со мной одну из своих собак. «Он охотник на кокиндилов, Мири, – сказал он. – Я в него верю. Он не даст тебя в обиду». Отец всегда был плохим лжецом. Собака просто лежала у двери и повизгивала, пока я не выпустила ее из спальни.

Саймон немного подождал, прежде чем ответить. Пламя отбрасывало диковинные тени на соломенный потолок.

– А как умерла твоя мать? – наконец спросил он. – Никто мне не рассказывал.

– В нее попала стрела. – Мириамель все еще испытывала боль, когда думала об этом, но теперь она перестала быть такой острой, как прежде. – Дядя Джошуа вез ее к отцу, который сражался за деда Джона на границе с восставшими Луговыми тритингами. Он потерял руку, защищая ее, и ему удалось оторваться от врагов, но ее настигла случайная стрела. Она умерла в тот же день, еще до заката солнца.

– Мне очень жаль, Мириамель.

Она пожала плечами, хотя он ее не видел.

– Это случилось давно. Но на отца ее смерть произвела еще более сильное впечатление, чем на меня. Он так ее любил! О Саймон, ты знал моего отца только таким, каким он стал в последнее время, но прежде он был хорошим человеком. Он любил мою мать больше, чем что-либо другое в мире.

Она подумала о сером, искаженном от горя лице отца, о пологе гнева, что опустился на него и так и не поднялся, и начала плакать.

– Именно по этой причине я хочу его увидеть, – наконец сказала она дрогнувшим голосом.

Саймон зашуршал в своей постели.

– Что? Что ты имеешь в виду? Увидеть кого?

Мириамель сделала глубокий вдох:

– Моего отца, конечно. Вот зачем я отправилась в Хейхолт. Потому что должна с ним поговорить.

– Что за чепуха? – Саймон сел. – Мы идем в Хейхолт, чтобы добыть меч твоего деда, Сияющий Коготь.

– Я никогда ничего подобного не говорила. Так сказал ты. – Несмотря на слезы, она почувствовала, как ее охватывает гнев.

– Я тебя не понимаю, Мириамель. Мы находимся в состоянии войны с твоим отцом. Ты собираешься с ним встретиться и снова пожаловаться, что у тебя под кроватью кокиндрил? Что еще ты можешь ему сказать?

– Не будь жестоким, Саймон. Ты не смеешь. – Он почувствовал, что слезы вот-вот потоком хлынут из ее глаз, но и у него внутри пылал огонь.

– Мне жаль, – сказал он. – Но я не понимаю.

Мириамель изо всех сил сжала руки, полностью сосредоточилась на них, и ей удалось взять свои эмоции под контроль.

– Я ничего не объяснила тебе, Саймон. Прости.

– Так объясни. Я внимательно тебя выслушаю.

Некоторое время Мириамель смотрела на огонь, который громко трещал и шипел в камине.

– Кадрах показал мне правду, но я не думаю, что он сам это понял. Когда мы путешествовали вместе, он рассказал мне о книге Ниссеса. Однажды он ею владел – точнее, копией.

– Магической книгой, о которой говорил Моргенес?

– Да. Она наделена огромным могуществом. Когда Прайрат узнал, что Кадрах владеет книгой, то сразу... послал за ним. – Мириамель замолчала, вспоминая слова Кадраха: кроваво-красные окна и железные устройства, на которых все еще оставалась кожа и волосы тех, кого пытали. – Прайрат угрожал ему до тех пор, пока Кадрах не рассказал ему все, что помнил. Кадрах говорил, что Прайрата особенно интересовала возможность разговора с мертвыми – «Разговор через Вуаль», так он его называл.

– Из того, что я знаю о Прайрате, меня это не удивляет. – Теперь и в голосе Саймона появилась дрожь. Очевидно, у него имелись собственные воспоминания о Красном священнике.

– Его история показала то, что мне требовалось понять, – сказала Мириамель, не хотевшая потерять мысль, ведь она впервые решилась заговорить о своем плане вслух. – О Саймон, я долго думала, почему мой отец так изменился, почему Прайрат сумел направить его к злым поступкам. – Мириамель сглотнула. На ее щеках все еще блестели слезы, но она нашла в себе новые силы. – Отец очень любил мою мать и после ее смерти стал совсем другим человеком. Он больше не женился, даже не думал об этом, несмотря на желание моего деда. Они ужасно ссорились. «Тебе необходим наследник», – часто повторял дед, но отец неизменно отвечал,

что никогда больше не женится, что Господь даровал ему жену, а потом забрал. – Мириамель замолчала, погрузившись в воспоминания.

– Я все еще не понимаю, – тихо сказал Саймон.

– Ну, как ты не видишь очевидных вещей? Должно быть, Прайрат сказал моему отцу, что может общаться с мертвыми – и это позволит отцу снова говорить с моей мамой, возможно, даже ее увидеть. Ты его не знаешь, Саймон. Он полностью пал духом, когда ее потерял. Я думаю, он готов на все, чтобы ее вернуть, хотя бы на короткое время.

Саймон сделал глубокий вдох.

– Но это... богохульство. И против Бога.

Мириамель пронзительно рассмеялась:

– Думаешь, это его остановит? Я же сказала, он готов на *все*, чтобы ее вернуть. Должно быть, Прайрат солгал ему, что они смогут с ней связаться... через Вуаль, или как там еще оно называется в той ужасной книге. Может быть, священник и сам верит, что такое возможно. И он использовал свое обещание, чтобы заставить отца стать его покровителем, потом союзником... и, в конце концов, рабом.

Саймон задумался.

– Возможно, Прайрат *пытался*, – наконец сказал он. – Может быть, именно таким способом он вошел в контакт с Королем Бурь.

Он произнес это имя негромко, но в ответ сразу взвыл ветер и так громко зашуршал соломой на крыше, что Мириамель вздрогнула.

– Может быть. – От этой мысли ей стало холодно. Она представила, как ее отец с нетерпением ждет разговора с любимой женой, а обнаруживает *ничто*. Она вспомнила старую жуткую историю о том, что рыбак Баличлинн вытащил на берег в своих сетях...

– Но я все еще не понимаю, Мириамель. – Саймон говорил тихо, но в его голосе слышалось упрямство. – Даже если это правда, какую пользу принесет разговор с твоим отцом?

– Я не уверена, что от него будет польза. – Тут Мириамель сказала правду – она не слишком верила, что встреча с отцом доставит ей радость после такого количества гнева и скорби. – Но если остается хотя бы небольшая надежда, что я смогу убедить его увидеть истину, напомнить, что все началось из-за любви, и убедить остановиться... тогда я должна воспользоваться этим шансом. – Мириамель подняла руку и вытерла слезы, она снова плакала. – Он просто хотел ее увидеть... – Она немного успокоилась. – Но ты не должен идти со мной, Саймон, это мое бремя.

Он молчал. И Мириамель почувствовала его смущение.

– Это слишком большой риск, – наконец сказал он. – Возможно, тебе не удастся повидать отца, даже если бы от вашей встречи была какая-то польза. Прайрат может тебя схватить, и тогда больше никто о тебе не услышит, – сказал он с уверенностью.

– Я знаю, Саймон. Я просто не могу придумать, что еще сделать. Я должна поговорить с отцом, чтобы показать ему, что происходит, а на это способна только я.

– Значит, ты твердо решила? – спросил Саймон.

– Да.

Саймон вздохнул:

– Эйдон на Дереве, Мириамель, это безумие. Я надеюсь, ты передумаешь, когда мы там окажемся.

Мириамель знала, что ничего не изменится.

– Я очень много и давно об этом думала.

Саймон опустился на постель.

– Если бы Джошуа знал, он бы связал тебя и унес на тысячу лиг от Хейхолта, – заявил он.

– Ты прав, – согласилась Мириамель. – Он бы никогда мне не позволил.

Саймон снова вздохнул в темноте.

– Я должен подумать, Мириамель. Я не знаю, что делать.

– Ты ничего не можешь сделать, чтобы меня остановить, – ровным голосом сказала она. – Даже не пытайся, Саймон.

Но он ничего не ответил. Через некоторое время, несмотря на страх и волнение, Мириамель заснула.

Ее разбудил громкий рев. Когда она лежала с отчаянно бившимся в груди сердцем, что-то сверкнуло на потолке – ярче факела. Лишь через несколько мгновений она сообразила, что это вспышка молнии, часть которой она видела сквозь дыры в потолке. Затем последовал новый раскат грома.

Воздух в доме стал еще более сырым и спертым. Во время следующей вспышки Мириамель увидела, как сквозь дыры в крыше внутрь устремились струи дождя. Она села и пощупала пол. Дождь падал совсем рядом, но уже намочил сапоги Саймона и нижнюю часть штанов. Саймон спал.

– Саймон! – Она потрясла его. – Просыпайся!

Он что-то проворчал в ответ, но продолжал спать.

– Саймон, тебе нужно подвинуться, на тебя попадает дождь.

После того как Мириамель несколько раз трянула его, он перевернулся на спину, сонно возмущаясь, помог Мириамель передвинуть свою постель поближе к ней – и тут же заснул.

Мириамель слушала, как дождь стучит по крыше, потом поняла, что Саймон придвинулся поближе к ней, его лицо оказалось совсем рядом с ее щекой, и она чувствовала его теплое дыхание. Ее охватило странное умиротворение, несмотря на все опасности, которые им грозили, сейчас они лежали рядом, а снаружи бушевала буря.

Саймон зашевелился:

– Мириамель? Тебе холодно?

– Немного, – ответила она.

Он придвинулся ближе, потом обнял ее, притянул к себе, и они прижались друг к другу. Мириамель почувствовала себя в ловушке, но ей не было страшно. Его губы касались ее щеки.

– Мириамель... – тихо сказал он.

– Ш-ш-ш. – Она продолжала прижиматься к нему. – Ничего не говори.

Так они лежали некоторое время. Дождь барабанил по крыше, время от времени раздавались удары грома, словно кто-то играл на гигантском барабане.

Саймон поцеловал ее в щеку. Мириамель стало щекотно, но это показалось ей правильным, и она даже не шевельнулась. Он слегка повернул ее голову, и их губы встретились. Где-то снова прогрохотал гром, но далеко, совсем в другом месте.

Почему должно быть больше этого, – печально подумала Мириамель. – Зачем нужны дурацкие осложнения?

Саймон обнял ее другой рукой, нежно, но уверенно, и они сильнее прижались друг к другу. Мириамель чувствовала его длинные мускулистые руки и твердый живот около своего живота и груди. Жаль, что время нельзя остановить!

Поцелуи Саймона стали страстными. Он поднял голову и зарылся лицом в ее волосах.

– Мириамель, – хрипло прошептал он.

– О Саймон, – пробормотала она в ответ.

Она и сама не понимала, чего хотела, но знала, что с радостью целует и обнимает Саймона.

Его лицо оказалось у ее шеи, и все ее тело окатили волны жара и холода. Как чудесно и одновременно пугающе! Он был мальчиком, но и мужчиной. Мириамель напряглась, но он снова повернул ее лицо к себе и поцеловал, неловко, но страстно, прижимаясь к ее губам слишком сильно. Она подняла руку к его бородатому лицу и погладила, а их губы снова встретились – о, как нежно!

И когда их дыхание смешалось, его рука начала двигаться по ее лицу, по шее, он прикасался к ней всюду, не теряя тепла между ними, его пальцы прошлись вдоль ее бедра, затем рука задержалась под мышкой. Ей стало щекотно, Мириамель захотелось потереться об него, но она ощущала невероятную нежность, словно они вместе тонули, погружаясь в темные глубины океана. Она слышала биение собственного сердца сквозь шорох дождя на крыше.

Саймон повернулся, и его тело оказалось наполовину сверху, потом он слегка приподнялся. Он был лишь тенью, и Мириамель вдруг стало страшно. Она дотронулась до его щеки, почувствовала мягкую бороду. Его губы шевелились:

– Я люблю тебя, Мириамель.

У нее перехватило дыхание, и внутри вдруг возник холодный узел.

– Нет, Саймон, – прошептала она. – Не говори так.

– Но это правда! Я думаю, что полюбил тебя с того момента, когда в первый раз увидел на башне – а лучи солнца играли твоими волосами.

– Ты не можешь меня любить. – Ей хотелось оттолкнуть его, но у нее не было сил. – Ты не понимаешь.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Саймон.

– Ты... ты *не можешь*. Это неправильно.

– Неправильно? – гневно спросил он, не в силах унять дрожь и сражаясь с яростью. – Потому что я простолюдин. Я недостаточно хорош для принцессы, верно? – Он отодвинулся и встал на колени рядом с ней. – Будь проклята твоя гордость, Мириамель. Я сражался с драконом! С настоящим драконом! Разве этого для тебя недостаточно? Или ты предпочитаешь кого-то вроде Фенгболда – уб-бийцу, но уб-бийцу с т-титолом? – Он с трудом сдерживал слезы.

От его голоса у Мириамель сжалось сердце.

– Нет, Саймон! Дело не в этом! Ты не понимаешь!

– Тогда объясни мне! – прорычал он. – Объясни, чего я не понимаю?

– Причина не в тебе, а во мне, – сказала Мириамель.

Наступило долгое молчание.

– Ты о чем? – спросил Саймон,

– С тобой все в порядке, Саймон! Я считаю тебя храбрым и добрым, в тебе есть все, что нужно. Дело во мне. Я не заслуживаю, чтобы меня любили.

– Я тебя не понимаю.

Она вздохнула и отчаянно потрянула головой:

– Я больше не хочу говорить. Оставь меня в покое, Саймон. Найди кого-нибудь другого. Многие женщины будут рады тебя принять.

Мириамель повернулась к нему спиной. Теперь, когда ей больше всего на свете хотелось заплакать, слезы не приходили. Ее знобило и охватили необычные и незнакомые чувства.

Его рука сжала плечо Мириамель.

– Клянусь Деревом, Мириамель, ты должна говорить со мной! Я совсем ничего не понимаю, – повторил он.

– Я не чиста, Саймон. Я больше не девственница.

Ну вот, слова произнесены.

Он ответил далеко не сразу:

– Что?

– Я была с мужчиной. – Теперь, когда она начала говорить, все оказалось проще, чем она думала. Казалось, она слышала со стороны кого-то другого. – Дворянин из Наббана, помнишь, я тебе рассказывала, мы с Кадрахом оказались на борту его корабля? Аспитис Превес.

– Он тебя изнасиловал?.. – Саймон был ошеломлен, он чувствовал, что его охватывает сильный гнев. – Это... это...

Мириамель коротко, с горечью рассмеялась:

– Нет, Саймон, он меня не насиловал. Да, он держал меня в плену, но позднее. Он был чудовищем, однако я пустила его в свою постель и не сопротивлялась. – А затем, чтобы навсегда закрыть дверь и избавить Саймона от будущих страданий, она добавила: – И я его хотела. Я считала его красивым. Я хотела.

Саймон издал невнятный звук и встал. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди. Несмотря на темноту, Мириамель видела, как меняется его фигура: он стал похож на запертое в клетку животное. Зарычав, Саймон выбежал из дома, даже не подумал закрыть за собой дверь и оказался во власти умиравшей грозы.

Через некоторое время Мириамель встала и закрыла дверь. Она не сомневалась, что Саймон вернется. А потом оставит ее, или они поедут дальше вместе, но между ними все изменится. Именно этого она хотела. Именно на такой исход рассчитывала.

В голове у нее поселилась пустота, те немногие мысли, что там оставались, больше напоминали эхо, точно камни, брошенные в глубокий колодец.

Мириамель долго ждала, когда придет сон. Как раз в тот момент, когда она начала засыпать, она услышала, что Саймон вернулся. Он оттащил свою постель в дальний угол и лег. Оба молчали.

Между тем гроза прошла, но вода продолжала капать на пол сквозь дыры в крыше. Мириамель считала капли.

К полудню следующего дня Мириамель чувствовала себя настолько лучше, что уже могла продолжить путь. Они покинули дом, а над головами у них теснились тучи.

После того как самая острая боль прошедшей ночи стала слабее, они вели себя друг с другом холодно, точно два уставших фехтовальщика, покрытых синяками первой схватки и ожидавших второй. Они обменивались только самыми необходимыми фразами, но Мириамель весь день видела гнев Саймона, начиная с того, какими быстрыми и резкими движениями он седлал свою лошадь, и заканчивая тем, что ехал впереди, но так, чтобы она его видела.

Со своей стороны Мириамель испытывала нечто сродни облегчению. Худшее произошло, и возврата к прежнему не было. Теперь Саймон знал, какова она на самом деле, и она считала, что поступила правильно. Его презрение причиняло ей боль, но она решила, что так лучше, чем продолжать его обманывать. И тем не менее она не могла избавиться от ощущения потери. Ей нравилось целовать его и обнимать, ни о чем не думая. Если бы только он не заговорил о любви. Если бы не заставил ее задуматься об обязательствах. В глубине души Мириамель знала, что между ними невозможны никакие отношения, кроме дружбы, но бывали чудесные моменты, когда она позволяла себе делать вид, что все могло быть иначе.

Они ехали довольно быстро по ужасным, грязным дорогам, однако уже не вызывало сомнений, что им не удастся добраться до Фальшира к вечеру и придется остаться в пустошах к западу от города. Когда спустились сумерки – и без того тусклый день потемнел лишь незначительно, – они нашли на обочине заброшенный храм Элизии и разложили на полу свои постели. Саймон равнодушно отнесся к тому, что Мириамель устроилась на противоположной стороне костра.

В конце первого дня, проведенного в седле после болезни, Мириамель думала, что сразу заснет, но сон не шел. Она вертелась, пытаясь найти удобное положение, но ничего не помогало. Она лежала в темноте и смотрела в пустоту, слушая, как легкий дождь стучит по крыше храма.

Бросит ли ее Саймон? Неожиданно эта мысль ее испугала. Она несколько раз говорила, что готова проделать путешествие в одиночку, как и планировала с самого начала, но теперь поняла, что не хочет ехать дальше одна. Возможно, ей не следовало говорить Саймону всю правду. Солгать что-нибудь, чтобы сохранить лицо: а теперь, если его переполняет отвращение, он может просто вернуться к Джошуа.

Мириамель вдруг поняла, что не хочет, чтобы он уходил. И не только потому, что ей пришлось бы одной ехать по этим мрачным местам. Она призналась себе, что будет по нему скучать.

Было странно думать об этом теперь, когда она воздвигла между ними нерушимую стену, но Мириамель не хотела его потерять. Саймон занял ее сердце, как никакой другой человек. Его мальчишеские глупости и выходки всегда ей нравились, когда не раздражали, но сейчас им на смену пришла серьезность, которая ему очень шла. Несколько раз Мириамель ловила себя на том, что с удивлением смотрит на него, поражаясь, как быстро он стал мужчиной.

Мириамель привлекали и другие его качества: доброта, верность, открытость. Она сомневалась, что кто-то из много путешествовавших придворных ее отца смотрел на жизнь с тем же беспристрастным интересом, как Саймон.

Ей было страшно думать, что она может это потерять, если он ее покинет.

Но ведь она его *уже* потеряла – в любом случае теперь над их отношениями всегда будет нависать тень. Он увидел пятно в самом сердце ее сущности, и она сама сделала его максимально отталкивающим. Мириамель больше не хотела страдать из-за обмана, но, видя, как он теперь к ней относился, испытывала почти невыносимую боль. Он ее любил.

А теперь она и сама его полюбила. Эта мысль оказалась для нее полнейшей неожиданностью. Неужели правда? Разве любовь не приходит подобно удару молнии, слепящему и ошеломляющему? Или она, как сладкий аромат, наполняет воздух, и ты уже ни о чем другом не можешь думать? Нет, ее чувства к Саймону были совсем другими. Она думала о том, как смешно выглядели его волосы по утрам и как серьезно он на нее смотрел, когда за нее беспокоился.

Элизия, Матерь Божья, – молилась она, – заведи эту боль. Любила ли я его? Люблю ли сейчас?

Впрочем, теперь уже не важно. Она сделала все, чтобы избавиться от боли. Позволить Саймону думать о ней как о чистой девушке, достойной его юношеских идеалов, было ужасно – даже хуже, чем совсем его потерять, если до этого дойдет.

Так почему ей так больно?

– Саймон?.. – прошептала она. – Ты не спишь?

Он ничего не ответил. Она осталась наедине со своими мыслями.

Следующий день казался еще более темным. Ветер оставался холодным и злым. Он ехали быстро, не разговаривая, Саймон вновь направлял свою лошадь вперед, опережая Мириамель и ее скакуна, которому они так и не дали имени.

К середине утра они подъехали к развилке, где Речная дорога пересекалась со Старой Лесной. На перекрестке в железных клетках висели два трупа, очевидно, уже довольно давно: по обрывкам одежды и голым костям уже невозможно было определить, кто они такие. Мириамель и Саймон сотворили знак Деревя и постарались по широкой дуге объехать клетки. Они свернули на Старую Лесную дорогу, и очень скоро Речная исчезла за невысокими южными холмами.

Дорога спускалась вниз, и они уже видели на севере лес Альдхорт, который начинался у подножия гор. Когда они ехали вдоль границы Долины Асу, горы защищали их от ветра, но Мириамель чувствовала какое-то беспокойство. Даже в полдень долина была темной и практически безмолвной, если не считать тихого шороха слабого дождя в голых ветвях дубов и ясеней. Даже ели и сосны казались почти черными.

– Мне не нравится эта долина, Саймон. – Мириамель прищипорила своего скакуна, а Саймон придержал лошадь, чтобы она смогла его догнать. – Здесь всегда было тихое, спокойное место – но сейчас все иначе.

Саймон пожал плечами, глядя на окутанный глубокими тенями склон холма. И только после того, как он долго не сводил взгляда с застывшего ландшафта, Мириамель поняла, что он не хочет смотреть ей в глаза.

– Мне не нравилось большинство мест, в которых мы побывали, – холодно сказал он. – Но мы путешествуем не для удовольствия.

Она рассердилась:

– Ты прекрасно понял, что я имела в виду совсем другое, Саймон. Я хотела сказать, что долина кажется... ну, я не знаю, опасной.

Теперь он повернулся, и на его лице появилась неприятная усмешка:

– Ты хочешь сказать, что здесь водятся призраки? Как говорил старый пьяница?

– Я не знаю *точно*, что я имела в виду, – ее голос наполнила ярость. – Но я вижу, что говорить с тобой – пустая трата времени.

– Несомненно. – Он слегка притронулся шпорами к бокам Искательницы, и она пошла вперед.

Мириамель смотрела на его прямую спину, и ей очень хотелось на него накричать. А чего еще она ждала? Точнее, чего вообще хотела? Разве она поступила неправильно, когда сказала ему правду? Быть может, станет легче, когда пройдет некоторое время и он поймет, что они все-таки смогут остаться друзьями.

Дорога продолжала спускаться в долину, а горы вокруг, казалось, становились все выше. Они никого не видели. Редкие домики, примостившиеся на склонах, выглядели нежилыми, но у них появилась надежда, что к вечеру они смогут найти крышу и ночлег, – мысль эта приносила облегчение: Мириамель совсем не хотелось спать под открытым небом. Ей отчаянно не нравилась Долина Асу, хотя до сих пор не произошло ничего такого, что подтвердило бы ее опасения. И все же удушающая тишина и неподвижность и заросшие лесом склоны – и, не исключено, ее собственная печаль – заставляли Мириамель мечтать о том моменте, когда они покинут Асу и увидят мыс Свертклиф, даже несмотря на то что Асу'а и ее отец будут совсем рядом.

А еще ее приводила в уныние мысль о том, чтобы провести еще одну безмолвную ночь наедине с Саймоном. После того неприятного разговора за весь день он сказал ей всего несколько слов, и только по делу. Сообщил, что обнаружил, как ему показалось, новые следы возле храма, где они провели прошлую ночь, но его голос звучал совершенно равнодушно. Мириамель подумала, что следы могли быть их собственными, ведь они довольно долго там топтались, собирая хворост. Кроме того, Саймон говорил с ней про остановки, еду и воду. И Мириамель не сомневалась, что ее ждала неприятная ночь.

Они успели довольно сильно углубиться в долину, когда Саймон неожиданно натянул поводья Искательницы, и кобыла продолжала довольно долго перебирать ногами после того, как остановилась.

– Там кто-то у дороги, впереди, – тихо сказал он. – Сразу за деревьями. – Он показал туда, где тропа уходила в сторону и исчезала из вида. – Ты их видишь?

Мириамель прищурилась. Ранние сумерки превратили дорогу перед ними в тусклую серую полосу. Если что-то и двигалось за деревьями, со своего места она ничего не видела.

– Мы приближаемся к городу, – ответила она.

– Тогда едем дальше, – предложил Саймон. – Наверное, кто-то возвращается домой, только вот мы за весь день никого не видели. – Он направил Искательницу вперед.

Они свернули и сразу увидели посреди дороги двух человек, каждый держал в руке ведро. Когда они услышали стук копыт лошадей Саймона и Мириамель, они вздрогнули и испуганно обернулись – так обычно ведут себя воры. Мириамель не сомневалась, что они удивились не меньше Саймона, когда заметили на дороге других людей.

Пара отошла к обочине, когда всадники приблизились. Глядя на темные плащи с капюшонами, Мириамель решила, что это местные, живущие в горах. Саймон поднял руку, приветствуя их.

– Да дарует вам Господь добрый день, – сказал он.

Ближайший к нему человек осторожно поднял руку для приветствия, но застыл на месте, не сводя глаз с Саймона.

– Клянусь Деревом! – Саймон остановил лошадь. – Вы – те самые люди из таверны в Фальшире.

Что он делает? – испуганно подумала Мириамель. – *Это Огненные танцоры? Саймон, идиот, поезжай дальше!*

Он повернулся к ней.

– Мириамель, посмотри, – сказал он.

Неожиданно оба человека в капюшонах опустились на колени.

– Вы спасли нам жизнь, – сказал женский голос.

Мириамель остановила лошадь, посмотрела на них и тут же узнала мужчину и женщину, которым угрожали Огненные танцоры.

– Это правда, – сказал мужчина. Его голос дрожал. – Да благословит вас Усирис, добрый рыцарь.

– Пожалуйста, встаньте. – Саймон явно был доволен, но заметно смутился. – Я уверен, что вам помог бы кто-то другой, если бы этого не сделали мы.

Женщина встала, не обращая внимания на грязь, оставшуюся на длинной юбке.

– Никто не спешил нам помочь, – сказала она. – Так здесь принято. Хороших людей мучают.

Мужчина бросил на нее быстрый взгляд:

– Достаточно, жена. Этим людям не нужно рассказывать, что мир устроен неправильно.

Она посмотрела на него с плохо скрытым презрением:

– Это позор, вот и все. Позор, что мир так устроен.

Мужчина вновь обратил внимание на Саймона и Мириамель. Он был среднего возраста, морщинистое лицо было красным – очевидно, он много времени проводил под открытым небом.

– У моей жены свои представления о мире, но, по сути, она права. Вы спасли нам жизнь. – Он заставил себя улыбнуться. Казалось, он нервничал; должно быть, участие Саймона казалось ему таким же страшным, как если бы никто не вмешался в их судьбу. – У вас есть место для ночлега? Мою жену зовут Галлэйн, а меня – Ройлстан, и мы с радостью вас примем.

– Нам еще рано останавливаться, – сказала Мириамель, которую встревожила мысль о ночлеге с незнакомцами.

Саймон посмотрел на нее.

– Но ты была больна, – сказал он.

– Я могу ехать дальше, – возразила Мириамель.

– Да, наверное, но зачем отказываться от крыши над головой, хотя бы на одну ночь? – Он посмотрел на мужчину и женщину и направил свою лошадь к Мириамель. – Возможно, это наш последний шанс укрыться от дождя и ветра, – прошептал он, – последний перед... – Он замолчал, не желая даже шепотом произносить название места, куда они направлялись.

Мириамель, конечно, уже устала и, немного поколебавшись, кивнула.

– Хорошо, – сказал Саймон и повернулся к мужчине и женщине. – Мы будем рады у вас переночевать. – Он не назвал их имена незнакомцам, и Мириамель его безмолвно поддержала.

– Но у нас нет ничего, достойного таких хороших людей, муж. – Лицо Галлэйн можно было бы назвать добрым, но страх и тяжелые времена привели к тому, что кожа отвисла, а в глазах застыла печаль. – Едва ли им будет приятно ночевать в нашем примитивном доме.

– Успокойся, женщина, – сказал муж. – Мы сделаем что сможем.

Казалось, она собралась возразить, но лишь молча поджала губы.

– Тогда решено, – сказал он. – Идемте с нами, здесь недалеко.

После недолгих колебаний Саймон и Мириамель спешились и пошли рядом со своими новыми знакомыми.

– Вы живете здесь, в Долине Асу? – спросил Саймон.

Ройлстан коротко рассмеялся:

– Совсем недолго. Раньше мы жили в Фальшире.

– И... были Огненными танцорами? – после некоторых колебаний спросила Мириамель.

– К нашему горю.

– Они могущественное зло, – сказала Галлэйн, голос которой переполняли эмоции. – Вам лучше не иметь с ними ничего общего, леди, даже близко к ним не подходить.

– Но почему они вас преследовали? – спросил Саймон, чьи пальцы невольно коснулись рукояти меча.

– Потому что мы от них ушли, – ответил Ройлстан. – Мы больше не могли это терпеть. Они безумны, и их безумие способно причинять вред.

– И от них совсем не просто спастись, – добавила Галлэйн. – Они жестоки и никого не намерены отпускать. Они всюду. – Она понизила голос. – Всюду!

– Клянусь Спасителем, женщина, – прорычал Ройлстан, – что ты пытаешься сделать? Ты же видела, как этот рыцарь владеет мечом. Ему не стоит их бояться.

Саймон пошел немного увереннее. Мириамель улыбнулась, но стоило ей посмотреть на Галлэйн, как ее улыбка исчезла. Неужели она права? И рядом есть другие Огненные танцоры? Быть может, завтра им следует уйти с главной дороги и двигаться дальше тайно.

Словно услышав ее мысли, Ройлстан остановился и указал на ответвление Старой Лесной дороги, уходившее в сторону склона холма, заросшего лесом.

– Мы устроились там, – сказал он. – Лучше находиться подальше от дороги, чтобы дым не привлек посетителей, куда менее желанных, чем вы.

Они последовали за Ройлстаном и Галлэйн по узкой тропе. После нескольких поворотов дорога исчезла за кронами деревьев, а темные плащи проводников скрывали их в сгущавшихся сумерках. Когда Мириамель решила, что она раньше увидит луну, чем место, где можно будет остановиться, Ройлстан сдвинул в сторону толстую сосновую ветку, которая перекрывала тропу.

– Вот мы и пришли, – сказал он.

Мириамель с лошастью вышла на поляну вслед за Саймоном. В центре стоял дом, сделанный из колотых дров, простой, но неожиданно большой. Из дыры в крыше поднимался дым.

Мириамель отступила назад и повернулась к Галлэйн, ее переполняли дурные предчувствия.

– Кто еще здесь живет?

Женщина не ответила.

Мириамель увидела движение в дверях дома, и через мгновение на черной утоптанной земле у двери появился мужчина, невысокий, с бычьей шеей, одетый в белое.

– Вот мы и встретились снова, – сказал Мэйфвару. – Ваш визит в таверну получился слишком коротким.

Мириамель услышала, как выругался Саймон, и его меч покинул ножны. Затем он ухватился за поводья и развернул ее лошадь.

– Не надо, – сказал Мэйфвару.

Он свистнул. Из теней вокруг поляны появилось полдюжины фигур в белых балахонах. Несколько Огненных танцоров натянули луки.

– Ройлстан, отойди в сторону со своей женщиной. – Лысый мужчина выглядел очень довольным. – Вы сделали то, о чем вас попросили.

– Будь ты проклят, Мэйфвару! – крикнула Галлэйн. – В Судный день ты будешь поедать собственные внутренности вместо колбасы!

Мэйфвару рассмеялся низким утробным смехом:

– В самом деле? Иди отсюда, женщина, пока я не приказал кому-нибудь пустить в тебя стрелу.

Когда муж оттаскивал ее прочь, Галлэйн повернулась и посмотрела на Мириамель полными слез глазами:

– Простите, леди. Они снова нас поймали. И заставили...

Сердце Мириамель оставалось холодным, как камень.

– Что ты хочешь от нас, трус? – резко спросил Саймон.

Мэйфвару снова рассмеялся, теперь с легким присвистом:

– Не имеет значения, чего мы хотим от тебя, юноша. Вопрос в том, что желает Король Бурь. И мы это узнаем ночью, когда передадим тебя ему. – Он махнул рукой в сторону остальных фигур в белом. – Свяжите их. До полуночи нам еще многое нужно сделать.

Когда первые Огненные танцоры схватили Саймона за руки, он повернулся к Мириамель, и его лицо было полно гнева и отчаяния. Она знала, что он хотел драться, чтобы они его убили, но боялся за нее.

Мириамель ничего не могла ему предложить. У нее внутри остались лишь пустота и удушающий ужас.

34. Признание

— Он к ней пришел, пришел, —

пела Мегвин.

*Юноша, одетый в черный траур,
С золотыми кудрями на голове
И шелковым капюшоном, откинутым назад.*

*«Чего бы ты хотела, прекрасная леди? —
Спросил золотой юноша и улыбнулся. —
Какой редкий дар я могу тебе предложить,
Чтобы ты стала сегодня моей невестой?»*

*Девушка отвернулась.
«Нет такого дара, столь богатого и столь чудесного,
Который я могла бы дать тебе в ответ,
Той редкой вещи, что принадлежит лишь мне».*

*Юноша лишь тряхнул золотой головой,
Рассмеялся и сказал: «О прекрасная дева,
Ты можешь сегодня отвергнуть меня,
Но скоро узнаешь, что не можешь сказать “нет”.
Мое имя Смерть, и вы все рано или поздно
Придете ко мне...»*

Все бесполезно. На фоне ее собственной песни она по-прежнему слышала странные стоны, которые, казалось, предвещали ужасные беды.

Мегвин смолкла и посмотрела на пламя костра. Пение причиняло ей страдания из-за потрескавшихся от холода губ, уши жгло, болела голова. Все было не так, как должно быть, — ничто не оправдало ее ожиданий.

Сначала все шло как надо — так Мегвин думала. Она была законопослушной дочерью богов: стоило ли удивляться, что после ее смерти ее воскресили, чтобы она жила с ними — не как равная, конечно, но доверенная и любимая служанка. Боги оказались поразительными существами, с нечеловеческими, сиявшими глазами, радужными доспехами, в яркой одежде. Даже их земля напоминала ее любимый Эрнистир, только лучше, чище и красивее. Небо здесь было более высоким и голубым, снег белее, а трава такой зеленой, что болели глаза. Даже граф Эoleyр, также умерший и пришедший в прекрасную вечность, стал более открытым и доступным, и она сумела сказать ему без страха и смущения, что всегда его любила. Эoleyр, освобожденный, как и она, от бремени смертного, выслушал ее с некоторой тревогой — почти как бог!

Но потом все пошло не так.

Раньше Мегвин думала, что, когда она и другие живые эрнистирийцы встретили своих врагов и благодаря этому привели богов в мир, они каким-то образом изменили баланс сил. Боги так же воевали между собой, как и эрнистирийцы, но в их войне никто не одержал победу. Худшее, как казалось, было впереди.

И потому боги скакали по огромным белым полям Небес в поисках Скадаха – дыры во внешний мрак. Они ее нашли, холодную, черную, закованную в камни, добытую из темных ниш вечности, как учили ее легенды, населенную самыми жуткими врагами богов.

Мегвин никогда не верила, что подобные вещи существуют, порождения чистого зла, сияющие сосуды пустоты и отчаяния. Но видела одно противостояние на лишенной возраста стене Скадаха, слышала безжизненный глас пророчества, предрекавший уничтожение как богов, так и смертных. Все неправильное находилось за той стеной... и теперь боги пытались ее разрушить.

Мегвин могла бы догадаться, что пути богов окутывает тайна, но даже не представляла, насколько они загадочны.

Она снова запела, все еще надеясь, что сможет прогнать беспокоивший ее шум, но уже через несколько мгновений сдалась. Сами боги пели, и их голоса были намного сильнее, чем голос Мегвин.

Почему они не останавливаются? – с отчаянием думала она. – *Почему не оставят стену в покое?!*

Но задавать вопросы не имело смысла. У богов свои причины. Всегда.

Эoleyр уже давно отказался от попыток понять ситхи. Он знал, что они не боги, что бы ни представлялось бедному лихорадочному разуму Мегвин, но их поведение оставалось для него столь же непонятным, как действия Властелинов Вселенной.

Граф отвернулся от огня и оказался спиной к Мегвин. Она пела для себя, но теперь смолкла. Ее нежный голос на фоне пения Мирных звучал тонко и немелодично. В том не было ее вины. Ни один голос смертного не мог сравниться... с *этим*.

Граф Над-Муллаха содрогнулся. Хор голосов ситхи снова взмыл вверх, их пение, как и кошачьи глаза, когда они на тебя смотрели, было невозможно игнорировать. Ритмичная песня набирала силу, пульсируя, точно команды рулевого гребцам.

Ситхи пели уже три дня, собравшись перед блеклыми стенами Наглимунда, под непрерывно падавшим снегом. К чему бы они ни стремились, норны в замке не игнорировали их: несколько раз они поднимались на стены и выпускали стрелы. Во время атак несколько ситхи погибло – но у них имелись свои лучники. Всякий раз норнам приходилось отступать, и голоса ситхи вновь взмывали вверх.

– Я не знаю, смогу ли выдерживать это еще некоторое время. – Из клубившегося тумана появился Изорн, борода которого покрылась инеем. – Мне пришлось отправиться на охоту, чтобы хоть немного отвлечься, но я их слышал, даже когда довольно далеко отъехал от замка. – Он бросил на землю рядом с костром зайца. Из раны у него на боку на снег вытекала красная кровь. – Добрый день, леди, – сказал сын герцога Мегвин.

Она перестала петь, но не повернула головы в его сторону. Казалось, она видела только танцевавшее пламя.

Эoleyр посмотрел на Изорна и пожал плечами:

– На самом деле это не так уж и ужасно.

Риммер приподнял брови:

– Даже по-своему красиво. Но для меня слишком красиво, сильно и странно. Я чувствую себя больным.

Граф нахмурился:

– Я знаю. Остальные также встревожены. Даже более того – напуганы.

– Но зачем ситхи так поступают? Они рискуют своими жизнями – вчера убили еще двоих! Если это какая-то магическая церемония, которую необходимо провести, почему они не могут петь на достаточном расстоянии от стен, чтобы норны не могли в них попасть из лука?

Эoleyр беспомощно покачал головой:

– Я не знаю. Пусть меня укусит Багба, я ничего не знаю, Изорн.

Голоса ситхи проносились по лагерю, точно нестихавший океанский прибой.

Перед рассветом, когда было еще темно, пришел Джирики.

– Сегодня утром, – сказал он и присел на корточки, глядя на тлеющие угли. – До полудня.

Эoleyр потерял глаза, пытаясь полностью проснуться. Ему удавалось спать урывками, но все же он спал.

– Сегодня... утром? Что вы имеете в виду?

– Начнется сражение. – Джирики повернулся и посмотрел на Эoleyра – про другое, более понятное лицо можно было бы сказать, что на нем появилась жалость. – Это будет ужасно.

– Но откуда вы знаете, что сражение начнется утром? – спросил Эoleyр.

– Потому что мы к этому шли. Мы не можем организовать осаду – нас слишком мало. Тех, кого вы называете норнами, еще меньше, но они сидят внутри каменной оболочки, а в нашем распоряжении нет механизмов, которые смертные используют для подобных сражений, или времени, чтобы их построить. Поэтому мы сделаем по-своему.

– И это как-то связано с пением? – спросил Эoleyр.

Джирики кивнул – странно, по-птичьи.

– Да. Пусть ваши люди будут готовы. И скажите им: что бы они ни увидели, им предстоит сражаться с живыми существами. Хикедэ'я такие же, как вы и мы, – у них идет кровь. Они умирают. – Он посмотрел на Эoleyра золотыми глазами. – Вы им скажете?

– Скажу. – Эoleyр вздрогнул и наклонился ближе к огню, согревая руки над тлеющим углем. – Завтра?

Джирики снова кивнул и встал:

– Наши шансы будут максимальными, когда солнце окажется в высшей точке. Если нам повезет, все закончится до наступления ночи.

Эoleyр не мог представить, что мощный Наглимунд может быть побежден так быстро.

– А если сражение не закончится? Что тогда?

– Тогда будет... трудно. – Джирики сделал шаг назад и исчез в тумане.

Эoleyр еще некоторое время сидел у костра, стиснув зубы, чтобы они не стучали. Когда он больше не сомневался, что не опозорит себя, он пошел будить Изорна.

* * *

Под натиском свежего ветра серо-красный шатер на вершине горы выглядел, точно корабль на гребне высокой волны. Рядом стояло еще несколько палаток, множество было разбросано по склону и спускалось в долину. Дальше находилось озеро Клоду, огромное синее-зеленое зеркало, спокойное, точно сытый зверь.

Тиамак стоял перед палаткой и медлил, несмотря на холодный ветер. Столько людей, вокруг непрерывное движение, всюду кипит жизнь! Он с тревогой смотрел на огромное живое море, понимая, что находится рядом с жерновами Истории, и никак не мог отвернуться. Его собственную маленькую историю почти поглотили грандиозные легенды современного Светлого Арда. Иногда ему казалось, что кто-то разом опустошил мешок, наполненный могущественными снами и жуткими кошмарами. И собственные мелкие страхи, достижения и желания Тиамака будут проигнорированы – в лучшем для него случае. С тем же успехом они могут быть растоптаны.

Слегка вздрогнув, он наклонился и вошел в палатку.

Оказалось, как он и опасался, что Джеремиа передал ему приглашение принца на военный совет. Подобные встречи заставляли Тиамака чувствовать себя совершенно бесполезным. В шатре собралось всего несколько человек: Джошуа, сэр Камарис и герцог Изгримнур сидели на стульях, Воршева лежала в постели, опираясь спиной о подушки. Рядом с ней, на полу, скрестив ноги, устроилась ситхи Адиту. Кроме них в шатре находился только юный Джеремиа,

у которого выдалось очень напряженное утро. Сейчас он, тяжело дыша, стоял перед принцем и старался выглядеть внимательным.

– Спасибо за быстроту, Джеремиа, – сказал Джошуа. – Я все понимаю. Пожалуйста, вернись к Стрэнгъярду и передай ему, чтобы он пришел, как только сможет. После этого ты свободен.

– Да, ваше высочество. – Джеремиа поклонился и вышел из палатки.

Тиамак, который продолжал стоять у входа, улыбнулся юноше:

– Я не мог спросить раньше, Джеремиа: как Лелет? Есть изменения?

Юноша покачал головой. Он пытался говорить спокойно, но ему не удалось скрыть боль.

– Все без изменений. Она не просыпается. Иногда пьет немного воды. Но не ест. – Он сильно потер глаза. – Никто ничего не может сделать.

– Я сожалею, – мягко сказал Тиамак.

– Тут нет вашей вины. – Джеремиа переминался с ноги на ногу. – Я должен идти за отцом Стрэнгъярдом.

– Конечно. – Тиамак шагнул в сторону.

Джеремиа тут же выскочил из шатра.

– Тиамак, – позвал его принц, – присоединяйся к нам. – Он указал на пустой стул.

Когда вранн сел, Джошуа оглядел собравшихся.

– Это очень сложно, – наконец сказал он. – Я собираюсь сделать ужасную вещь и приношу свои извинения. Только сила необходимости объясняет мои действия. – Он повернулся к Камарису. – Мой друг, пожалуйста, простите меня. Если бы я мог поступить иначе... Адиту считает, что нам следует знать, бывали ли вы в Джао э-Тинукай'и, и если да, то по какой причине?

Камарис поднял усталый взгляд на Джошуа.

– Разве человеку не позволено иметь тайны? – медленно заговорил старый рыцарь. – Заверяю вас, принц Джошуа, это не имеет никакого отношения к борьбе с Королем Бурь. Клянусь моей рыцарской честью.

– Но тот, кому не известна полная история нашего народа – а Инелуки однажды являлся одним из нас, – не знаком со всеми нашими легендами и кровными связями, – не дожидаясь реакции Джошуа, заговорила громко и четко Адиту. – Все здесь присутствующие ни на мгновение не усомнятся, что вы благородный человек, Камарис, но вы можете не понимать, что видели или узнали нечто полезное.

– Быть может, вы расскажете только мне, Камарис? – спросил Джошуа. – Вы знаете, что я ценю вашу честь так же высоко, как собственную. Вам нет необходимости делиться вашими тайнами со всеми, и не важно, что они наши друзья и союзники.

Камарис некоторое время на него смотрел. Казалось, его взгляд смягчился; он явно боролся с каким-то желанием, но потом решительно потряхнул головой:

– Нет. Тысяча извинений, принц Джошуа, но, к моему стыду, я не могу. Даже Законы Рыцарства не заставят меня сделать некоторые вещи.

Изгримнур сжал руки в кулаки, ему доставляли страдания затруднения Камариса. Тиамак не видел риммера таким несчастным с тех пор, как они покинули Кванитупул.

– Как же я, Камарис? – спросил герцог. – Я знаю тебя дольше, чем кто-либо из собравшихся здесь. Мы оба служили старому королю. Если это связано с Престером Джоном, ты можешь рассказать мне.

Камарис расправил плечи, но что-то продолжало его мучить.

– Я не могу, Изгримнур. Это станет большим испытанием для нашей дружбы. Пожалуйста, не проси меня.

Тиамак почувствовал, как нарастает напряжение. Старого рыцаря загнали в угол, но казалось, что никто этого не понимал.

– Почему вы не можете оставить его в покое? – хрипло спросила Воршева. Она положила руки на живот, словно хотела защитить ребенка от неприятностей и скорби.

Почему я здесь? – подумал Тиамак. – Из-за того, что путешествовал с ним, пока к нему не вернулся разум? Из-за того, что я член Ордена Манускрипта? Джелой мертва, Бинабик ушел, и Орден оказался в жалком положении. А где Стрэнгъярд?

И тут Тиамаку пришла в голову новая мысль:

– Принц Джошуа?

– Да, Тиамак?

– Простите меня. Возможно, я вмешиваюсь не в свое дело, к тому же я не знаю всех обычаев... – Он колебался. – Но у эйдонитов есть традиция исповеди, верно?

Джошуа кивнул:

– Да.

Тот, Кто Всегда Ступает по Песку, – начал безмолвно молиться Тиамак, – позволь мне выбрать правильный путь!

Вранн повернулся к Камарису. Старый рыцарь, несмотря на все свое благородство, выглядел как загнанный зверь.

– А вы не могли бы рассказать свою историю священнику? – спросил у него Тиамак. – Например, отцу Стрэнгъярду, возможно, он подошел бы для этой цели? В таком случае, если я правильно все понимаю, ваша история останется между вами и Богом. Кроме того, Стрэнгъярд знает о Трех мечях и нашей борьбе не меньше, чем любой из нас. По крайней мере, он сможет нам рассказать, следует ли нам искать ответы в каком-то определенном месте.

Джошуа хлопнул себя по колену:

– Ты истинный член Ордена, Тиамак. У тебя изощренный ум.

Тиамак решил отложить комплимент Джошуа на потом, чтобы оценить его позднее, и продолжал смотреть на старого рыцаря.

– Я не знаю, – наконец медленно заговорил тот. Его грудь медленно поднималась и опускалась после длинных вдохов и выдохов. – Я не рассказал свою историю даже во время исповеди. Это часть моего позора – но не самая главная.

– Нам всем есть чего стыдиться, каждый из нас совершал неправильные поступки, – заявил Изgrimнур, терпение которого почти закончилось. – Мы не хотим вытягивать из тебя твою тайну, Камарис. Нам лишь нужно знать, смогут ли какие-то твои возможные дела с ситхи дать нам ответы на некоторые вопросы. Проклятье! – добавил он после небольшой паузы.

На лице Камариса появилась ледяная улыбка:

– Ты всегда отличался восхитительной прямоотой, Изgrimнур. – Улыбка исчезла, остались лишь тоска и ужасная пустота. – Хорошо. Пошлите за священником.

– Спасибо вам, Камарис. – Джошуа встал. – Спасибо. Он молится у постели юной Лелет. Я сам за ним схожу.

Камарис и Стрэнгъярд ушли далеко по склону горы, Тиамак стоял у входа в шатер Джошуа и смотрел им вслед, размышляя, правильно ли он поступил, несмотря на похвалу Джошуа. Быть может, Мириамель была права: они оказали Камарису плохую услугу, когда вернули ему разум. А теперь еще вынуждают погрузиться в крайне болезненные воспоминания – еще один жестокий поступок.

Высокий рыцарь и священник долго стояли на продуваемом ветром склоне холма – за это время тучи успели унести прочь, и на небе появилось бледное полуденное солнце. Наконец Стрэнгъярд повернулся и медленно пошел назад; Камарис не шевелился, он смотрел через долину на серое зеркало озера Клоду. Рыцарь казался высеченным из камня монументом, с которого время сотрет все черты, но он все равно останется на месте, даже через сто лет.

Тиамак заглянул в шатер:

– Отец Стрэнгъярд возвращается.

Священник спускался, сгорбившись из-за холода или бремени тайны Камариса – Тиамак не знал. Однако выражение его лица, когда он приблизился к Тиамaku, говорило о том, что он услышал вещи, которые ему было бы лучше не знать.

– Вас все ждут, – сказал священнику Тиамак.

Архивариус рассеянно кивнул. Он шел, опустив глаза, словно не мог идти, не глядя под ноги. Тиамак пропустил его вперед и вернулся в сравнительное тепло шатра.

– Проходите, Стрэнгъярд, – сказал Джошуа. – Прежде чем начать, скажите, как Камарис? Быть может, нам следует кого-то к нему послать?

Стрэнгъярд поднял голову, словно не ожидал услышать человеческий голос, испуганно, даже для робкого священника, посмотрел на Джошуа:

– Я... я не знаю, принц Джошуа. Сейчас я совсем ничего не знаю...

– Я пойду к нему, – прорычал Изгримнур, поднимаясь со стула.

Отец Стрэнгъярд поднял руку.

– Он... хочет побыть один, я думаю. – Он поправил повязку на глазу и провел рукой по редким волосам. – О, милосердный Усирис! Бедные души!

– Бедные *души*? – спросил Джошуа. – Что вы говорите, Стрэнгъярд? Вы можете нам что-нибудь рассказать?

Архивариус стиснул руки.

– Камарис побывал в Джао э-Тинукай’и. Так он мне сказал... после чего попросил о тайне исповеди, зная, что я поделюсь с вами тем, что узнаю. Но причина и то, что там произошло, скрыты за Дверью Спасителя. – Глаза Стрэнгъярда заметались по шатру, словно ему было больно долго смотреть в одно место. Потом его глаза остановились на Воршеве, и по какой-то причине, продолжая говорить, он смотрел на нее. – Но я думаю, что могу сообщить следующее: его опыт не имеет никакого отношения к настоящей ситуации и ничего нам не поведаст о Короле Бурь, Трех Великих мечях или других вещах, необходимых для ведения войны. О, милосердный Усирис! О, Господи! – Он снова провел рукой по редким рыжим волосам. – Прошу меня простить. Иногда бывает трудно помнить, что я лишь хранитель Двери Спасителя, и не мне нести бремя, а Богу. Но как же сейчас тяжело.

Тиамак не сводил с него глаз, его соратник по Ордену Манускрипта выглядел так, словно его только что посетили призраки мести. Вранн подошел ближе к Стрэнгъярду.

– И все? – разочарованно спросил Джошуа. – Вы уверены, что его знания нам не помогут?

– Я ни в чем не уверен, кроме боли, принц Джошуа, – тихо ответил архивариус, но в его голосе появилась неожиданная твердость. – Однако я точно знаю, что такое маловероятно, и продолжать расспрашивать Камариса будет невероятной жестокостью, и не только для него.

– Не только для него? – спросил Изгримнур. – Что это значит?

– Пожалуйста, давайте закончим. – Казалось, Стрэнгъярд охвачен гневом, хотя прежде Тиамак считал, что такое невозможно. – Я рассказал все, что вам требовалось знать. А теперь я должен уйти.

Джошуа заметно удивился:

– Конечно, отец Стрэнгъярд.

Священник кивнул:

– И пусть Господь бережет всех нас.

Тиамак последовал за Стрэнгъярдом.

– Я могу что-то сделать? – спросил вранн. – Быть может, просто пройти с вами рядом?

После коротких колебаний архивариус кивнул:

– Да, хорошо бы.

Камарис уже ушел с того места, где стоял; Тиамак поискал его взглядом, но не нашел.

После того как они прошли некоторое расстояние по склону, Стрэнгъярд задумчиво сказал:

– Теперь я понимаю... почему люди пьют ради забвения. В тот момент мне это показалось соблазнительным.

Тиамак приподнял бровь, но ничего не сказал.

– Возможно, пьянство и сон – два пути, которые нам дал Господь, чтобы забыть, – продолжал Стрэнгъярд. – А иногда забыть – это единственный способ избавиться от боли.

Тиамак обдумал его слова:

– В некотором смысле Камарис спал в течение двух десятков лет.

– И мы его разбудили, – печально улыбнулся Стрэнгъярд. – Или, следовало сказать, Бог позволил нам его разбудить. Может быть, тому есть причина. И мы еще увидим другой результат, кроме скорби.

Однако в его голосе, – подумал Тиамак, – не прозвучало особой надежды.

* * *

Гутвульф остановился, позволив воздуху окутать его тело и пытаясь решить, какой из коридоров ведет вверх – куда его звала песня меча. Его ноздри шевелились, он надеялся уловить минимальное движение влажного воздуха из туннеля, в который хотел попасть. Пальцы, как слепые крабы, скользили взад и вперед по каменным стенам в поисках ответа.

Лишенная тела чужая речь вновь проплыла мимо него, он скорее чувствовал, чем слышал ее слова. Гутвульф потрянул головой, пытаясь выбросить их из головы. Он знал, что это призраки, но уже не сомневался, что они не могут причинить ему вред, не могут коснуться. Они не были реальными в отличие от меча – и он его звал.

Несколько дней назад он в первый раз снова почувствовал его зов.

Когда Гутвульф проснулся в слепом одиночестве, как уже случалось с ним множество раз, нить захватывающей мелодии проследовала за ним из сна в темноту бодрствования. Это было больше, чем очередной жалкий сон: песня без слов или мелодия, что звучала у него в голове и обволакивала щупальцами желания. Она притягивала его так сильно, что он неуклюже вскочил на ноги, объятый нетерпением юного лебедя, которого призвала любимая. Меч! Он вернулся, он рядом!

Только после того, как Гутвульф окончательно проснулся, он вспомнил, что меч не одинок.

И никогда не был одинок. Меч принадлежал Элиасу, когда-то другу, а теперь смертельному врагу. Огромная часть Гутвульфа мечтала оказаться рядом с ним, окунуться в его песню, как в тепло огня, но он знал, что должен приближаться осторожно. Да, сейчас он влачил жалкую жизнь, но все же она лучше той участи, на которую он будет обречен, если Элиас его поймает – или еще того хуже, если Элиас позволит сделать с ним змее Прайрату все, что тот пожелает.

Гутвулфу даже не приходило в голову, что лучше держаться от меча подальше. Его песня была подобна плеску ручья для путешественника, умирающего от жажды. Она влекла его, и он не мог сопротивляться – он следовал ее зову.

Тем не менее у него еще осталась какая-то животная хитрость. Когда он нащупывал дорогу по уже изученным коридорам, Гутвульф понимал, что ему нужно не только отыскать Элиаса и меч, но и приблизиться к ним как можно осторожнее, чтобы его не заметили и не схватили, однажды он уже шпионил за королем, спрятавшись за скалой над литейным цехом. Он шел по зову меча, но старался сохранять дистанцию, так сокол кружит над своим хозяином. Но попытки сопротивляться зову причиняли ему страшную боль. В первый день, следуя за мечом, Гутвульф совсем забыл о том, что должен сходить туда, где женщина регулярно оставляла для него еду. На второй – для слепого графа Утаниата новый день наступал после того, как он просыпался, – призыв меча бился у него внутри, точно второе сердце, и практически прогнал все мысли о существовании места, где его дожидалась еда. Он съел нескольких пол-

завших существ, которые попались ему на пути, и пил из ручейков, что текли по полу. В первые недели, проведенные в туннелях, он узнал, что бывает, если пить из застоявшихся луж.

Теперь, после трех снов, наполненных образом меча, он забрел далеко от знакомых мест. Его руки никогда не прикасались к здешним камням; сами туннели, если не считать постоянно звучащих призрачных голосов и неизменного зова Великого меча, казались ему совершенно чужими.

Он лишь смутно представлял, как долго ищет меч на этот раз, и в редкие моменты, когда в голове у него прояснялось, спрашивал себя, что король столько времени делает в тайных коридорах под замком.

А еще через мгновение его посетила дикая и одновременно замечательная мысль.

Он потерял меч. Он потерял его где-то здесь, и теперь меч лежит и ждет того, кто его найдет! Ждет меня! Меня!

Гутвульф и сам не заметил, что начал пускать слюни в грязную бороду. Мысль о том, что он сможет обладать мечом – прикасаться, слушать его, любить и поклоняться, – оказалась настолько чудовищно приятной, что он сделал несколько шагов и рухнул на пол, где и остался лежать, пока темнота не забрала все оставшиеся у него чувства.

После того как Гутвульф пришел в себя, он встал и продолжил свои скитания. Потом он немного поспал. А когда снова проснулся, пошел дальше и остановился перед развилкой двух туннелей, пытаясь понять, какой поможет ему быстрее подняться наверх. Что-то говорило ему, что меч находится над ним, так крот под землей знает, в каком направлении следует копать, чтобы выбраться на поверхность. В другие моменты прояснения он беспокоился, что стал слишком чувствителен к зову меча – и тот приведет прямо в тронный зал, где его, несомненно, поймут и убьют, как крота, если тот прокопает путь на псарню.

Но, несмотря на то что он упрямо продолжал подниматься наверх, Гутвульф начал с очень больших глубин и чувствовал, что подъем оказался не таким невозможным, как он опасался в самом начале. Он также не сомневался, что круговой путь уводит его от замка. Нет, прекрасный, наводящий ужас, живой, поющий клинок, который его звал, должно быть, находился где-то под землей, заключенный в камень, как и он сам. И, когда он его найдет, он перестанет быть одиноким. Ему лишь требовалось решить, какой выбрать туннель...

Гутвульф поднял руки и потер слепые глаза. Он чувствовал страшную слабость. Когда он в последний раз ел? Что, если женщина махнула на него рукой и перестала приносить тарелки с едой? Как же было замечательно...

Но если я найду меч, если он станет только моим, – мечтал он, – мне больше ни о чем не нужно будет беспокоиться.

Он склонил голову набок. Где-то у него за спиной раздался скребущий звук, словно кто-то был замурован внутри камня. Он уже слышал такое раньше – на самом деле в последнее время все чаще, – но это не имело ничего общего с тем, что Гутвульф искал.

Царапанье прекратилось, но он продолжал стоять в мучительной нерешительности перед расходящимися в разные стороны коридорами. Даже несмотря на то, что он оставлял камни, отмечая свой путь, он легко мог заблудиться, но не сомневался, что один из туннелей ведет наверх, к сердцу песни – глухой, зовущей, вынимавшей душу мелодии Великого меча. Он не хотел совершить ошибку и потом долго искать обратную дорогу. Он ослабел от голода и усталости.

Возможно, он простоял так час или день. Наконец, зародившись, точно легкий пылевой дьявол, ветер из правого прохода потянул его за волосы. Через мгновение *что-то* вылетело из него и промчалось мимо – духи, бродившие по темным, призрачным дорогам. Голоса эхом зазвучали у него в голове, тусклые и безнадежные.

...Водоем. Мы должны искать его у Водоема. Он знает, что делать...

Скорбь. Они призвали последнюю скорбь...

Когда щебетавшие существа пролетали мимо, слепой Гутвульф медленно улыбнулся. Кем бы они ни были, призраками мертвых или унылыми результатами его собственного безумия, они наверняка пришли из самых глубоких и древних частей лабиринта. Они пришли снизу... а он стремился вверх.

Он повернул и пошел по левому туннелю.

* * *

Засыпанные мусором обломки массивных ворот Наглимунда были ниже окружавшей их стены, а груды битого камня давали опоры для ног, и графу Эoleyру представлялось логичным, что это место лучше других подходило для начала наступления. Однако он с удивлением обнаружил, что ситхи собрались напротив неповрежденного участка стены.

Он оставил Мегвин и встревоженных смертных воинов на попечение Изорна, а сам поднялся по заснеженному склону к Джирики и Ликимейе, которые находились внутри разрушенного здания в нескольких сотнях элей от внешней стены. Ликимейя бросила на него быстрый взгляд, а Джирики кивнул.

– Время почти наступило, – сказал ситхи. – Мы призвали м'йон раши – разрушителей.

Эoleyр смотрел на собравшихся перед стеной ситхи. Они перестали петь, но не стали отходить от стены. Интересно, почему они рискуют попасть под стрелы норнов, когда то, чего они намеревались добиться пением, похоже, свершилось?

– Разрушители? – спросил Эoleyр. – Вы имеете в виду тараны?

Джирики покачал головой и слабо улыбнулся:

– У нас нет истории подобных вещей, граф. Эoleyр. Наверное, мы смогли бы построить подобную машину, но мы решили опираться на знания, которыми располагаем. – Он помрачнел. – Точнее, на то, что нам удалось узнать у тинукедая. – Он махнул рукой. – Взгляните, появились м'йон раши.

К стене приближался квартет ситхи. Хотя Эoleyр их не узнал, он подумал, что они ничем не отличались от сотен Мирных, разбивших лагерь в тени Наглимунда. Все были стройными, с золотой кожей. Как и у остальных ситхи, среди них не нашлось даже двух похожих по цвету доспехов или волос, что спадали на плечи из-под шлемов; м'йон раши сияли на фоне снега, точно чудом попавшие сюда тропические птицы. Единственное различие, которое граф сумел заметить между ними и остальными соплеменниками Джирики, состояло в том, что каждый держал в руке увенчанный сферой голубого кристаллического камня темный посох из того же странного серо-черного материала, что и меч Джирики Индрейю.

Джирики отвернулся от эрнистирийца и отдал приказ. Его мать поднялась на ноги и что-то добавила. Отряд лучников ситхи окружил группу рядом со стенами, они наложили стрелы и натянули тетиву, после чего застыли, обратив взгляды к пустой стене.

Командир м'йон раши, женщина ситхи с зелеными, как трава, волосами и доспехами, подняла посох и медленно повернула его в сторону стены, словно боролась с сильным напором воды. Когда голубой самоцвет нанес удар, м'йон раши произнесли один громкий слог, и Эoleyр почувствовал, как у него задрожали все кости, словно что-то огромное упало с ним рядом. На мгновение ему показалось, что земля у него под ногами переместилась.

– Что?.. – выдохнул он, пытаясь сохранить равновесие.

Стоявший рядом Джирики поднял руку, призывая его к молчанию.

Трое ситхи шагнули вперед, присоединившись к женщине в зеленом, начали что-то скандировать, и каждый по очереди направлял посох, чтобы нанести удар – образуя треугольник вокруг первого; их движения были на удивление медленными, но каждый раз удар отдавался в земле, и Эoleyр, как и все остальные, чувствовал, как она вздрагивает под ногами.

Граф Над-Муллаха смотрел не отрывая глаз – на расстоянии в дюжину элей вверх и вниз вдоль стены, там, где стояли м'йон раши, с камней посыпался снег. Эoleyр заметил, что четыре серо-голубые сферы на посохах стали более светлыми, словно с ними что-то происходило – казалось, они покрылись сетью мелких трещин.

Ситхи убрали посохи от стены, и их скандирование стало громче. Женщина ситхи нанесла новый удар, на этот раз она двигалась немного быстрее, и внезапно по ледяной земле прокатился безмолвный раскат грома. Остальные м'йон раши последовали ее примеру, и каждый удар подчеркивало громко произнесенное слово. Когда они атаковали в третий раз, с верхней части высокой стены посыпались камни, исчезающие в высоких снежных сугробах.

Граф не мог скрыть удивления:

– Я никогда не видел ничего подобного!

Джирики повернулся, его лицо с высокими скулами оставалось безмятежным.

– Вам следует вернуться к вашим воинам. Очень скоро наступит момент, когда они должны быть в полной готовности.

Эoleyр, который не мог оторвать взгляда от необычного представления, отошел назад по склону, стараясь удерживать равновесие при помощи широко расставленных в стороны рук, когда земля норовила сбить его с ног.

После четвертого удара большой участок каменной кладки рассыпался и упал внутрь, оставив наверху огромную брешь – словно гигантское существо сожрало кусок стены. Эoleyр наконец понял значение слов Джирики и поспешил к Изорну и ждавшим приказа эрнистирийцам.

– Приготовьтесь! – крикнул он. – Сейчас начнем!

Земля содрогнулась в пятый раз, и этот удар получился самым сильным. Эoleyр потерял равновесие, упал вперед и покатился вниз по склону, а обжигающе холодный снег попал ему в нос и рот. Он не сомневался, что его солдаты будут смеяться, но они не сводили глаз с горы у него за спиной.

Эoleyр оглянулся. Огромная стена Наглимунда, толщиной в два человеческих роста, растворялась, точно песочный замок, по которому ударила волна. Слышался громкий скрежет камня по камню, но не более того. Стена рухнула на землю, на белые берега, с жутковатым приглушенным звуком, огромные хлопья снега взвились вверх и полетели во все стороны, воздух наполнился белым туманом, который почти полностью закрыл видимость.

Когда туман рассеялся, м'йон раши отступили. В стене Наглимунда появилась дыра диаметром в дюжину элей, открыв темные внутренности двора. Людское море стало медленно заполнять дыру. Сияли глаза. Мерцали наконечники копий.

Эoleyр вскочил на ноги.

– Эрнистирийцы! – закричал он. – Ко мне! Час настал!

Но солдаты графа остались на месте, а из бреши в стене Наглимунда стремительно хлынула толпа – быстрая и бесчисленная, точно термиты из разрушенного гнезда.

Из рядов ситхи послышался громкий стук клинков о щиты, затем в воздух взмыло множество стрел, погубивших норнов, что бежали в первых рядах вниз по склону. Некоторые враги были также вооружены луками – они поднялись на сохранившиеся стены и стали стрелять оттуда вниз. Однако по большей части воины с каждой стороны не собирались терять время. С нетерпением любовников древние родственники атаковали друг друга.

Сражение перед Наглимундом быстро превратилось в сцену жуткого хаоса. Сквозь вихри снега Эoleyр видел, что все новые и новые стройные норны появляются из бреши в стене. Среди них были и гиганты – существа, покрытые серо-белым мехом, вдвое превосходившие ростом человека, однако одетые в доспехи и вооруженные огромными дубинами, ломавшими кости, словно сухие палки.

Прежде чем граф успел отступить к своим людям, перед ним возник один из норнов. Невероятно, хотя шлем скрывал большую часть бледного лица, а доспехи защищали торс, чернотелое существо оставалось босым, и длинные ноги несли его по пушистому снегу, как по надежному камню. Норм двигался с быстротой рыси, и, пока Эoleyр в изумлении на него смотрел, он едва не лишился головы после первого сокрушительного взмаха меча норма.

Кто мог представить такое безумие? Эoleyр отбросил все посторонние мысли – ему пришлось сражаться за свою жизнь.

Норм держал в руке маленький щит.

А его более легкий меч был быстрее клинка графа Над-Муллага. Эoleyру сразу пришлось перейти в глухую защиту, отступая вниз по склону. Тяжелые доспехи и щит замедляли его движения, и пару раз он лишь чудом устоял на ногах. Он отбил несколько ударов, но возбужденная гримаса норма говорила о том, что еще немного, и враг найдет брешь в его защите.

Внезапно норм застыл на месте, и в его глазах появилось удивление. Через мгновение он упал лицом вниз. Из его шеи торчала стрела с синим оперением.

– Постарайтесь держать своих людей вместе, граф Эoleyр! – Джирики, который находился немного выше по склону, взмахнул луком. – Если их разделят, они утратят мужество. И помните – у наших врагов также течет кровь, и они умирают!

Ситхи развернул лошадь и направил ее в самую гущу битвы; очень скоро его скрыли снег и метавшиеся фигуры сражавшихся воинов.

Эoleyр поспешил вниз по склону к эрнистирийцам, вокруг ржали лошади, кричали люди и еще какие-то непонятные существа. Наступил практически полный хаос. Эoleyр и Изорн едва сумели построить своих людей для атаки вверх по склону, когда появились два белых великана, вдвоем тащивших ствол дерева. С оглушительным ревом они бросились на людей Эoleyра, используя дерево как косу, убивая тех, кто вставал между ними. Ломались кости, покрытые кровью тела исчезали под снегом. Объятые ужасом эрнистирийцы сумели попасть стрелой в глаз одного из гигантов, затем второго пронзило множество стрел, и он пошатнулся. Однако страшная пара продолжала сеять смерть, пока уцелевшие эрнистирийцы не сумели повалить и прикончить второе чудовище.

Эoleyр огляделся по сторонам и увидел, что большая часть норнов сражаются с ситхи. И, хотя хаос сражения наводил ужас, Эoleyр решил остановиться и понаблюдать. Такого не случалось с начала времен: шла битва между бессмертными. То, что ему удавалось разглядеть сквозь снег, представляло собой стремительное движение, обманные выпады, прыжки, мелькание темных клинков, летевших к цели, словно ивовые прутья. Многие поединки завершались чуть ли не до первых ударов; после подобных танцевальных па движений один из противников наносил единственный удар, и на этом все заканчивалось.

С вершины холма послышался пронзительный зов рогов. Эoleyр поднял взгляд и увидел строй трубачей, которые стояли на камне, подняв к серому небу длинные, похожие на трубы инструменты. Но высокое пение рогов доносилось со стороны музыкантов, находившихся в тени Наглимунда, – когда норны наверху стены надували щеки, из их труб вылетали не звуки, а туча оранжевой, как закат, пыли.

Эoleyр не сводил с них застывшего взгляда. Что это такое? Яд? Или еще один непостижимый ритуал бессмертных?

Когда оранжевый плюмаж начал стекать по склону горы, сражение в его клубах, казалось, стало распухать и извиваться – но никто не падал. *Если это яд, – подумал граф, – то его действие изощреннее всего, о чем я слышал прежде.* И тут Эoleyр почувствовал жжение в горле и носу, попытался сделать вдох, и на миг ему показалось, что сейчас он задохнется и умрет. А еще через мгновение к нему вернулась способность дышать, но тут же на него обрушилось небо, тени стали удлиняться, а снег, казалось, загорелся.

Эoleyра наполнил страх, который расцветал, точно огромный черный цветок из льда. Люди вокруг кричали. И он кричал. А норны, которые бросились вперед из развалин Наглимунда, походили на демонов – даже священники не могли такого представить. Граф и его люди повернулись, чтобы бежать, но стоявшие за ними ситхи, безжалостные и золотоглазые, навели такой же ужас, как их бледнокожие кузены.

В ловушке, – подумал Эoleyр, все мысли исчезли у него из головы, осталась лишь паника. – *В ловушке! В ловушке! В ловушке!*

Что-то схватило его, и он ударил в ответ, отчаянно царапаясь, чтобы высвободиться из хватки ужасной твари, чудовища с открытым в крике ртом и огромным желтым лицом, из которого торчали щупальца. Эoleyр поднял меч, собираясь его прикончить, но что-то еще ударило его в спину, и он упал в ледяную белизну, однако чудовищное существо не отпускало его, продолжая царапать лицо и руки. Он лежал лицом в холодном снегу, и, хотя продолжал сопротивляться, освободиться ему не удавалось.

Что происходит? – вдруг подумал он. – *Да, в сражении участвовали чудовища, гиганты и норны – но ничего даже близко похожего на тварь, которая его схватила. И ситхи* – он вспомнил, как ужасно они выглядели, и свою уверенность в том, что они устроили ловушку для него и других эрнестирийцев между собой и норнами, а потом принялись уничтожать смертных, – *ситхи не наши враги!..*

Тяжесть у него на спине ослабела. Он выскользнул и сел. Никакого монстра не было. Рядом сидел на корточках Изорн, который опустил голову, как больной теленок. И хотя вокруг бушевало безумие битвы, а его люди сражались друг с другом, точно бешеные собаки, страх начал отступать. Эoleyр ощупал пальцами холодное лицо, потом вытянул руку в перчатке и посмотрел на оранжевый снег.

– Снег смывает эту дрянь, – сказал Эoleyр. – Изорн! Они осыпали нас ядом! Но снег помогает от него избавиться!

Изорна вырвало, и он слабо кивнул.

– Мой также смыл снег. – Риммер сплюнул. – Я пытался... тебя убить.

– Быстрее, – сказал Эoleyр, поднимаясь на ноги. – Мы должны попытаться вылечить других. Идем! – Он схватил пригоршню снега, стряхнув оранжевую пыль, и побежал к группе кричавших и дравшихся людей.

Все они были в крови, но раны оказались незначительными, главными образом царапины от ногтей и зубов: хотя яд вызывал безумие, он делал людей неуклюжими и неумелыми. Эoleyр бросал пригоршни снега в лицо каждому, до кого мог дотянуться.

После того как ему и Изорну удалось привести в чувство тех, кто находился рядом, они быстро объяснили им, что следует делать, чтобы помочь остальным. Один из воинов так и не поднялся на ноги. Он потерял оба глаза, истек кровью и умер, испачкав землю вокруг себя. Эoleyр накрыл изуродованное лицо мертвеца его собственным плащом, а потом наклонился, чтобы собрать новую порцию целительного снега.

Похоже, на ситхи пыльный яд действовал не так сильно, как на людей. Некоторые бессмертные, находившиеся ближе к стене, казались ошеломленными и двигались медленнее, но ни у кого не появилось симптомов безумия, которое овладело эрнестирийцами. И все же на склоне разворачивались жуткие картины.

Ликимейю и нескольких ситхи окружил пеший отряд норнов, и, хотя мать Джирики и ее спутники оставались в седлах и имели возможность наносить удары сверху, белые руки, которые раскачивались, точно жуткое растение, стаскивали с лошадей одного за другим.

Йизаши Серое Копье оказался лицом к лицу с завывавшим гигантом, который держал по раздавленному ситхи в каждой руке. Конный ситхи, чье лицо оставалось невозмутимым, как у сокола, прищипорил свою лошадь и поскакал навстречу врагу.

Джирики и двое других ситхи сумели поставить другого гиганта на колени и рубили все еще живого монстра, словно разделявали быка. В воздух взмывали огромные фонтаны крови, накрывая Джирики и его соратников липким туманом.

Группа норнов подняла на копья неподвижное тело Зиньяды, чьи светло-голубые волосы покрывала красная кровь, и с торжествующими криками бежали к стенам Наглимунда. Чека'исо и Каройи поскакали вслед за ними и растоптали их прежде, чем норны успели донести тело до стен, каждый убил троих белокожих врагов, хотя оба получили многочисленные ранения. Когда они прикончили всех норнов из этого отряда, Чека'исо Янтарные Локоны положил тело Зиньяды поперек своего седла. Его собственная кровь смешалась с кровью Зиньяды, и они вместе с Каройи отвезли ее тело в свой лагерь.

* * *

День продолжался, полный безумия и ужаса. За туманом и снегом солнце уже начало клониться к закату, разбитая западная стена Наглимунда засияла в свете тусклого дня, а снег стал еще более красным.

Мегвин, словно призрак, шла по границе сражения – впрочем, она и была призраком. Сначала она пряталась за деревьями, опасаясь стать свидетельницей ужасных вещей, происходивших вокруг, но потом что-то заставило ее выйти вперед.

Если я мертва, чего мне бояться?

Но ей было тяжело смотреть на окровавленные тела, что лежали на заснеженном склоне холма, и не бояться смерти.

Боги не умирают, а смертные – лишь один раз, – уговаривала она себя. – Когда все закончится, они снова поднимутся.

Но если так, какой смысл в сражении? И если боги не умирают, тогда почему они боятся орд демонов из Скадаха? Она не понимала.

Мегвин задумчиво шла между убийцами и их жертвами. Плащ развевался у нее за спиной, ноги оставляли маленькие ровные следы на белом и алом.

35. Третий Дом

Саймон находился в ярости. Они сами попали в ловушку, точно глупые ягнята на бойню. – Ты можешь пошевелить руками? – прошептал он Мириамель.

Его собственные запястья были связаны очень надежно: два Огненных танцора мастерски умели вязать узлы.

Мириамель покачала головой. Он едва ее видел в сгущавшихся сумерках.

Они стояли на коленях в центре лесной поляны. Им связали руки за спиной, а также сильно стянули щиколотки. Саймон смотрел на беспомощную Мириамель, думал о животных, которые ждут смерти, и внутри у него снова начал собираться черный гнев.

Я рыцарь! Неужели это ничего не значит? Как я мог допустить, чтобы нас заманили в ловушку?

Ему следовало предвидеть, что такое возможно. Однако он, как олух, развесил уши, слушая комплименты Ройлстана.

«Ты видела, как рыцарь владеет мечом, – сказал предатель. – Ему нет нужды бояться Огненных танцоров».

И я ему поверил. Я не достоин быть рыцарем. Я опозорил Джошуа, Моргенеса, Бинабика и всех, кто пытался меня чему-то учить.

Саймон снова начал сражаться с веревками и в очередной раз потерпел поражение.

– Тебе что-нибудь известно про Огненных танцоров? – прошептал он Мириамель. – Что они с нами сделают? И что имели в виду, когда сказали, что отдадут нас Королю Бурь? Сожгут?

Он почувствовал, как Мириамель вздрогнула.

– Я не знаю. – Ее голос был ровным и мертвым. – Наверное.

Ужас и гнев Саймона исчезли, и на их место пришли сожаления.

– Я подвел тебя, верно? – спросил он. – Плохой из меня получился защитник.

– Ты не виноват. Нас обманули.

– Как бы я хотел добраться до горла Ройлстана. Его жена пыталась предупредить нас, но я повел себя как болван и не слушал ее. Но *он... он!*..

– Он также был напуган. – Казалось, Мириамель говорила с огромной высоты, словно вещи, о которых шла речь, не имели особого значения. – Не знаю, смогла бы я отдать свою жизнь ради спасения каких-то незнакомцев. Почему я должна ненавидеть тех, кто оказался на это неспособен?

– Проклятое Дерево! – У Саймона не осталось сил, чтобы жалеть предателей Ройлстана и Галлэйн.

Он говорил себе, что должен спасти Мириамель, разорвать веревки и вырваться на свободу. Но он понятия не имел, с чего начать.

Между тем лагерь Огненных танцоров жил своей жизнью. Несколько мужчин в белых одеяниях развели костер и готовили еду, другие кормили овец и цыплят, кто-то о чем-то тихо разговаривал. Среди них даже были женщины и дети. И, если бы не два связанных пленника и зловещие белые балахоны, вполне могло показаться, что это обычный вечер в деревне.

Мэйфвару, вожак Огненных танцоров, ушел с тремя своими помощниками в большой дом. Саймону даже думать не хотелось о том, что они обсуждали.

Вечер клонился к ночи. Одетые в белое люди приготовили себе скромный ужин, ничего не предложив узникам. Огонь продолжал свой бесконечный танец на ветру.

– Поднимите их. – Глаза Мэйфвару скользнули по Мириамель и Саймону и обратились к сине-черному небу. – Время близится.

Два его помощника заставили пленников встать. Ноги у Саймона онемели, а из-за связанных щиколоток он едва удерживал равновесие и упал бы на землю, если бы Огненные танцоры

не схватили его за руки. Стоявшая рядом Мириамель также неуверенно держалась на ногах. Мужчина в белом обнял ее за талию, удерживая так, словно это не живой человек, а полено.

– Не прикасайся к ней, – прорычал Саймон.

Мириамель бросила на него измученный взгляд:

– Это бесполезно, Саймон. Успокойся.

Огненный танцор, стоявший рядом с ней, усмехнулся и положил руку ей на грудь, но Мэйфвару издал резкий звук, и тот сразу ее убрал и повернулся лицом к Мэйфвару, а Мириамель продолжала стоять молча, с безразличным выражением на лице.

– Идиот, – резко сказал Мэйфвару. – Это тебе не детские игрушки. Они для Него – для нашего Господина. Ты понимаешь?

Огненный танцор, стоявший рядом с Мириамель, сглотнул и быстро закивал.

– Нам пора. – Мэйфвару повернулся и зашагал к краю поляны.

Огненный танцор за спиной Саймона сильно толкнул его, и он рухнул, как подрубленное дерево, но лишь охнул, а ночь вокруг него принялась раскачиваться.

– У него связаны ноги, – медленно проговорил Огненный танцор.

Мэйфвару резко обернулся:

– Я знаю! Развяжите.

– Но... тогда они убегут?

– Привяжи веревку к их рукам, – сказал вожак. – А другой конец вокруг своего пояса. – Он покачал головой, с трудом скрывая отвращение.

Саймон почувствовал, что к нему возвращается надежда, когда мужчина вытащил нож и наклонился, чтобы разрезать веревки у него на щиколотках. Если Мэйфвару единственный, кто соображает, а все выглядело именно так, у них появлялись шансы спастись.

Когда они с Мириамель смогли идти, Огненные танцоры привязали к ним веревки и стали толкать вперед, словно они были быками, а если они спотыкались или упирались, тыкали им в спины наконечниками копий. Копья имели странную форму, короткие, с тонкими древками и очень острые, ничего подобного Саймон прежде не видел.

Мэйфвару шагнул в заросли на краю поляны и исчез, очевидно, их вели в какое-то другое место. Саймон почувствовал небольшое облегчение. Он долго смотрел на огонь, и его осаждали дурные мысли. Во всяком случае, они покинули поляну, и, возможно, им удастся сбежать. Он оглянулся и с тоской отметил, что почти все Огненные танцоры идут за ними, и длинный строй белых балахонов терялся в темноте.

Очень скоро оказалось, что они идут по утоптанной тропе, которая извивалась, но неуклонно поднималась вверх по склону холма. Видимость ограничивалась всего несколькими элями: землю покрывал густой туман, и серая мгла поглощала звук не хуже, чем свет. Если не считать шороха шагов нескольких десятков ног, в лесу было тихо. Даже ночные птицы не пели, и стих ветер.

Саймон мучительно искал выход, но все планы побега приходилось отбрасывать как невозможные. Враг сильно превосходил их числом, к тому же они оказались в незнакомом месте. Даже если они сумеют избавиться от Огненных танцоров и веревок, у них все еще будут связаны руки, и их моментально поймают.

Он оглянулся на Мириамель, которая брела вслед за ним. Она выглядела замерзшей и несчастной и, казалось, сдалась. Ей хотя бы позволили остаться в плаще. Вначале, когда она еще не окончательно пала духом, Мириамель сумела уговорить одного из Огненных танцоров, и он не стал забирать у нее плащ, защищавший от холодного ночного ветра. Саймону не повезло. У него отняли плащ вместе с ножом кануков и мечом. Лошади и седельные сумки находились в каком-то другом месте. И теперь у него была лишь одежда, а также жизнь и душа.

А еще жизнь Мириамель, – подумал он. – Я поклялся ее защищать. И все еще за нее отвечаю.

И это его немного утешало. Пока он дышал, у него была цель.

Ветка ударила его по лицу, и он выплюнул мокрые еловые иголки. Мэйфвару оставался маленькой призрачной тенью в тумане, он вел их все дальше, поднимаясь вверх по склону.

Куда мы идем? Возможно, будет лучше, если мы этого не узнаем.

Они брели сквозь серый туман, точно проклятые души, пытающиеся найти выход из Ада.

Казалось, они идут уже много часов. Туман слегка поредел, но над ними все еще висела тяжелая тишина, а воздух оставался густым и влажным. Затем, так же быстро, как проходят зимние сумерки, они вышли из леса и оказались на вершине горы.

Пока они шли в тени леса, тяжелые тучи скрывали луну и звезды и единственным источником света были факелы и метавшиеся языки пламени огромного костра. На наклонной поверхности вершины тут и там виднелись выступы странной формы, освещенные мерцавшим красным пламенем, и казалось, будто это великаны, которые шевелятся во сне. Когда-то они могли быть частями огромной стены или другого крупного сооружения, а сейчас превратились в обломки, разбросанные повсюду и покрытые ковром из лиан и травы.

В самом центре на вершине горы стоял очищенный от растительности камень высотой с двух человек – огромный бледный кусок скалы, угловатый, точно лезвие топора. Между высоким костром и камнем замерли три неподвижные фигуры в темных одеяниях. Они выглядели так, словно очень долго чего-то ждали – возможно, столько, сколько сами скалы. Когда Огненные танцоры подвели к ним пленников, темное трио повернулось к ним практически одновременно.

– Приветствую вас, Дети Облаков! – прокричал Мэйфвару. – Приветствую Господина Первого Избранника. Мы пришли, как он хотел.

Фигуры в черном молча на него смотрели.

– Мы привели даже больше, чем обещали, – продолжал Мэйфвару. – Слава Господину!

Он повернулся и помахал своим подручным, которые поспешно вывели Саймона и Мириамель вперед; но, когда они подошли к большому костру и молчаливым наблюдателям, Огненные танцоры замедлили шаг, остановились и беспомощно посмотрели на своего вожака.

– Привяжите их к дереву, вон там. – Мэйфвару нетерпеливо указал в сторону мертвой сосны, в двадцати шагах от костра. – И побыстрее, уже почти полночь.

Саймон застонал от боли, когда один из Огненных танцоров стал привязывать его руки, и без того стянутые за спиной, к сосне. Как только Огненные танцоры закончили и отошли, он придвинулся к Мириамель, и теперь их плечи касались друг друга; ему было страшно, а кроме того, так они могли шептаться, не привлекая внимания.

– Кто эти трое в темных одеждах? – тихонько спросил он.

Мириамель покачала головой.

Ближайшее существо в темном плаще медленно повернулось к Мэйфвару.

– Они для Господина? – прозвучал вопрос.

Слова были холодными и острыми, точно лезвие ножа, и Саймон почувствовал, как у него слабеют ноги. Он сразу узнал резкий, но мелодичный акцент, который слышал только в минуты ужаса... шипение Стормспайка.

– Да, – ответил Мэйфвару, быстро кивнув бритой головой. – Мне приснился рыжий несколько лун назад. И я знаю, что сон послал мне Господин. Он его хочет.

Существо в темных одеяниях некоторое время смотрело на Саймона.

– Может быть, – медленно проговорило оно. – Но ты привел еще одну, на случай, если у Господина есть планы и для нее? Ты принес кровь для Связывания?

– О да! – В присутствии странных существ вождь Огненных танцоров стал кротким и обходительным, точно старый придворный. – Двоих, что пытались нарушить обещание Господину! – Он повернулся и указал на группу Огненных танцоров, которые с испуганным видом ждали чуть в стороне.

Послышались крики, а потом несколько мужчин в белых балахонах притащили двух сопротивлявшихся человек, у одного из которых капюшон упал на плечи.

– Господь тебя проклянет! – закричал рыдавший Ройлстан. – Ты обещал нам, что мы будем прощены, если приведем этих двоих!

– Вы и *были* прощены, – весело ответил Мэйфвару. – Я простил вам глупость. Но вы должны быть наказаны. Никто не смеет убегать от Господина.

Ройлстан упал на колени, и те, кто его окружил, попытались поставить его на ноги. Должно быть, его жена Галлэйн потеряла сознание; она безвольно висела на руках двух Огненных танцоров.

Саймону показалось, что сердце сейчас выскочит у него из груди, и несколько мгновений он не мог дышать. Они были совершенно беспомощны, и на сей раз им никто не поможет. Они умрут на продуваемом всеми ветрами холме – или за ними придет Король Бурь, как сказал Мэйфвару, что намного хуже. Он повернулся к Мириамель.

Казалось, принцесса задремала, ее глаза были почти закрыты, губы двигались. Возможно, она молилась.

– Мириамель! Это норны! Слуги Короля Бурь!

Она его игнорировала, поглощенная собственными мыслями.

– Проклятье, Мириамель! Не делай так! Нам нужно думать! Мы должны выбраться на свободу!

– Закрой рот, Саймон! – прошипела она.

Он был ошеломлен:

– Что?!

– Я стараюсь кое-что достать. – Мириамель опиралась о ствол дерева, и ее плечи двигались. – Оно лежит на дне кармана в моем плаще.

– О чем ты? – Саймон попытался еще сильнее к ней придвинуться, и вскоре его пальцы коснулись ее плаща. – Нож?

– Нет. Они забрали мой нож. Твое зеркало – то, что тебе подарил Джирики. Оно осталось у меня после того, как я стригла тебе волосы. – Саймон почувствовал, как деревянная рамка появилась из кармана и коснулась его пальцев. – Ты можешь его взять?

– Но какая нам от него польза? – Саймон постарался крепче сжать пальцами зеркало. – Не отпускай, пока я не буду крепко его держать. – Готово. – Он вытащил зеркало и крепко зажал в связанных руках.

– Ты можешь позвать Джирики! – торжествующе сказала Мириамель. – Ты говорил, что им можно воспользоваться в минуты самой серьезной опасности.

Саймон почувствовал, как его надежды исчезают.

– Но оно так не работает. Джирики не может просто взять и появиться. Тут совсем другая магия.

Некоторое время Мириамель молчала.

– Но ты сказал, что оно привело к тебе Адиту, когда ты заблудился в лесу, – слегка погрузневшим голосом ответила Мириамель.

– У нее ушло несколько дней, чтобы меня найти. У нас нет нескольких дней, Мири.

– А ты все равно попытайся, – упрямо сказала она. – Хуже не будет. Может быть, Джирики где-то рядом. Попытайся.

– Но я его даже не вижу, – запротестовал Саймон. – Как я могу заставить зеркало работать, если даже не могу в него посмотреть?

– Просто попытайся!

Саймон не стал больше спорить, сделал глубокий вдох и попытался представить свое лицо, каким оно было, когда он в последний раз видел его в зеркале ситхи. Обычно он мог вспомнить самые разные вещи, но сейчас внезапно понял, что детали от него ускользают –

какого цвета у него глаза? И шрам на щеке, ожог от крови дракона – какой он длины? До нижней части носа?

На мгновение к нему вернулось воспоминание о боли от обжигающей черной крови Игьярдуга, и показалось, что рамка дерева потеплела под его пальцами. Но она тут же снова стала холодной. Саймон попытался вновь призвать это ощущение, у него не получилось, однако он несколько мгновений продолжал свои бесплодные попытки.

– Не получается, – устало сказал он. – Я не могу это сделать.

– Ты недостаточно стараешься, – резко ответила Мириамель.

Саймон поднял голову. Огненные танцоры не обращали на них с Мириамель внимания, они не сводили глаз со странной сцены перед костром. Двух предателей, Ройлстана и Галлэйн, подтащили к верхушке большого камня и уложили на спины. Четверо Огненных танцоров, стоявших там же, держали их за щиколотки, головы пленников свисали вниз, и они беспомощно размахивали руками.

– Усирис Эйдон! – выругался Саймон. – Ты только взгляни!

– Не смотри, – сказала Мириамель. – Просто используй зеркало.

– Я же сказал, что не могу. К тому же из этого ничего не выйдет.

Он немного помолчал, глядя на судороги перевернутого вниз головой Ройлстана, который что-то невнятно кричал. Три норна стояли перед ним, глядя на него так, словно увидели на ветке интересную птицу.

– Проклятое Дерево, – снова выругался Саймон, а затем бросил зеркало на землю.

– Саймон! – с ужасом вскричала Мириамель. – Ты сошел с ума. Подними его!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.